

Сергей Волков

Сомнамбула³

Книга третья

БЕГСТВО СКВОЗЬ ВРЕМЯ

Автор идеи
Константин Рыков

ЭТНОГЕНЕЗ

Издательско-торговый дом
«Этногенез»
Москва, 2011

ПОПУЛЯРНАЯ
ЛИТЕРАТУРА

Издательство
«Популярная литература»
Москва, 2011

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В67

Книга издана при поддержке Newmedia Stars

Волков, С.

В67 Сомнамбула 3. Книга третья: Бегство сквозь время / Сергей Волков. – М.: Издательско-торговый дом «Этногенез», 2011. – 272 с.

Солнечная система обята революционным хаосом. Вождь «Армии пробуждения» Максим Верховцев, плененный хитроумным искусственным интеллектом по имени Исинка, мчится на крейсере «Вольный» навстречу своей судьбе, и даже Степану Гумилеву неизвестно, что произойдет с его сыном после психокоррекции.

Из третьей книги серии «Сомнамбула» читатели «Этногенеза» узнают, каково это – оказаться по обе стороны баррикад, любить двух девушек, быть готовым каждую секунду погибнуть, чтобы жили другие. Героев ждут космические сражения, интриги и непредсказуемая борьба за власть, в которой поражение может обернуться победой.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В67

ISBN 978-5-904454-35-7

© Рыков К., 2011
© Волков С., 2011
© Издательско-торговый дом «Этногенез», 2011

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ПРЕДЫДУЩИХ СЕРИЙ «СОМНАМБУЛЫ»:

В 2468-ом году объединенное человечество заканчивает освоение Солнечной системы. Давно терраформированы и сделаны пригодными для жизни без скафандров Луна и Марс, на очереди Венера, и все это заслуги корпорации «Кольцо», возглавляемой Степаном Николаевичем Гумилевым. Но его сын Матвей выбрал стезю военного. Один из лучших выпускников курса, он становится офицером антитеррористической бригады «Беллона», которой командует близкий друг отца, генерал Белов. «Беллона» борется с космическими пиратами, сразу две группировки которых терроризируют Солнечную систему. Судьба благоприятствует Матвею: уцелев в опасных переделках, он встречает женщину своей судьбы, Анну Петровскую – дочь губернатора Марса. Казалось, ничто не может помешать их счастью, но Анну похищают пираты. Отчаявшись ее отыскать, Матвей просит о переводе на «Градус Забвения», где шансов погибнуть больше, чем выжить. И снова судьба идет ему навстречу: в ловушке, устроенной пиратами для «Беллоны», Матвей находит свою смерть.

Однако и смерть не стала концом его истории. Пираты, получившие неизвестные человечеству технологии от таинственных помощников, воскрешают Матвея и перезаписывают его личность: теперь он Максим Верховцев, боец «Армии пробуждения». Вместе со старыми товарищами, также не помнящими прошлого, Матвей-Максим оказывается на переднем краю разворачивающейся в Солнечной системе битвы. Уже пали Марс и Луна, где проживала большая часть объединенного человечества. Близка победа, а сам Максим возглавил недовольных властью олигархии. Но именно в этот момент его похищает Исинка, фамильный искусственный интеллект семьи Гумилевых. Имея собственную волю, Исинка с помощью наноботов захватывает крейсер «Вольный» и уносит ужаснувшегося открывшейся правде Матвея к Венере, где его ждет отец, президент корпорации «Кольцо».

ЭПИЗОД 1

Экстренное сообщение

Орбита Венеры, станция «Амур», штаб-квартира корпорации «Кольцо»

Анна Петровская прибыла на орбитальную станцию «Амур», в штаб-квартиру корпорации «Кольцо», уже после смены власти на Марсе, но до того, как «Армия пробуждения» нанесла удар по Луне. Она долетела до станции «Уют-5» на обычном рейсовом лайнере компании «Спейс-лайнс», белоснежном номерном красавце, сделала пересадку и через тридцать восемь минут челнок корпорации доставил ее на приемную аппарель станции, к главному шлюзу.

После побега из психиатрической клиники и угона полицейского коптера, после дерзкого похищения государственного преступника, в котором Анна узнала своего пропавшего жениха, ее отец, губернатор Марса Иван Аристархович Петровский, отдал приказ найти дочь и поместить ее в закрытый пансионат.

– Я сам займусь лечением Анны, – заявил он журналистам.
– Бедная девочка столько пережила... Она нуждается в отеческой любви и внимании.

– Но господин губернатор! – поднял руку корреспондент сетевой газеты «Марсианскоэ эхо». – Ваша дочь совершила особо опасное преступление! Как же быть с ответственностью за это деяние?

– С юридической точки зрения, – быстро ответил Петровский, – Анна неподсудна, так как является пациентом психиатрической клиники. Ответственность за ее побег и, как вы выразились, «деяния» несет персонал больницы. Это – во-первых.

А во-вторых... Молодой человек, когда вы сами станете отцом, то поймете меня.

И смахнув с гладко выбритой щеки скучую слезу, губернатор закрыл пресс-конференцию. А вскоре был вынужден закрыть и свой кабинет, чтобы спешно эвакуироваться вместе с семьей с охваченного революционным хаосом Марса.

Петровская сумела обмануть полицейских ищек. Впрочем, девушка не особо задумывалась о том, как это сделать. После похищения пиратами, после попыток экстремистов подсадить в ее мозг суррогатную личность и побега с их базы, после зимовки в недрах Ио и трехмесячного блуждания по штолням и выработкам заброшенной шахты, после психбольницы на Марсе и, наконец, после встречи с Матвеем, оказавшимся каким-то ужасным террористом, Анна плохо воспринимала реальность. Будь она профессиональным преступником и действуй по всем канонам конспирации, марсианская полиция наверняка сумела бы схватить ее. Приманку, как известно, берет та рыба, которую знает рыбак.

Но Петровская понятия не имела ни об изготовлении фальшивых удостоверений личности, ни о каналах нелегального ввоза-вывоза людей с поверхности Марса, которыми пользовались профессиональные преступники и контрабандисты. Пока лучшие оперативники розыскного отдела марсианской полиции разрабатывали схемы ее поимки, девушка поселилась в дачном поселке у подножия горы Павлин, неподалеку от орбитального лифта.

Вслед за всепланетной паникой, связанной с угрозой падения кометы «Шпитц-11», вслед за революционными событиями, полностью парализовавшими государственное управление на планете, у горы Павлин образовался полустихийный лагерь беженцев, в котором легко было затеряться. Единственное, до чего додумалась Анна – изменение внешности. Она постриглась, перекрасила волосы в густой черный цвет, нанесла на

лицо модный среди молодежи астро-макияж и в таком виде прожила в поселке почти неделю. А потом всякая нужда в конспирации отпала – все государственные служащие, к которым относились и полицейские, остались без работы. На Марсе сменилась власть.

Девушка надеялась разыскать Матвея, с которым так опрометчиво, на эмоциях, рассталась. Разыскать и объясниться. Но увы, ее жених исчез без следа. И тогда Анна решила отправиться туда, где, как ей казалось, можно будет получить ответы на все вопросы.

В связи с массовым наплывом желающих покинуть Марс – после пришествия кометы и последовавшей революции многие марсиане решили переехать на Луну – формальности с билетами и таможенным контролем были упрощены до предела. Нужно было всего лишь удостоверение личности. Как раз его у Анны не было, но тут Петровской улыбнулась удача. Она нашла в одном из дачных домиков брошенный чемодан, а в нем – водительские права на имя некой Барбары Генриховны Тауберг. Ни в билетной кассе, ни на посадочном контроле никто не обратил внимание, что худенькой черноволосой девушке никак не может быть сорок восемь заявленных в удостоверении лет.

Самым же важным моментом во всем этом было, как ни странно, спокойствие, владевшее Анной. Если бы она волновалась, если бы переживала, что ее обнаружат, тогда нейросканеры, расположенные в зоне пассажирского контроля, подали бы сигнал персоналу, и к девушке присмотрелись бы повнимательнее. Но ничего этого не произошло. Бойцы «Армии пробуждения», контролирующие орбитальный лифт, отслеживали лишь перемещение людей из «черного списка» – олигархов, высших армейских и полицейских чинов. Им не было никакого дела до одинокой беженки.

А мысли Петровской были заняты только одним – Матвеем. Как, почему он оказался преступником, экстремистом, да еще

и не из последних? Почему не узнал ее? Отчего утверждал, что... В голове Анны неотступно звучало: «Я – Максим Верховцев, личный пилот товарища Альфы, произведенный буквально перед нашей высадкой на Марс в ранг товарища Беты». И еще: «Я люблю ее, Соню!».

Эта Соня, Соня ван Астен – Матвей сам назвал ее полное имя – не давала Анне покоя. В том, что спасенный от казни человек был ее Матвеем, девушка не сомневалась ни секунды. Поэтому что... ну, сердце ведь не обманешь! Но с ним явно что-то случилось. И корнем зла Петровская считала именно неизвестную Соню. Ван Астен – такой была фамилия погибшего главаря экстремистов. Значит, эта Соня – его родственница. И скорее всего, тоже террористка, пиратка. Стало быть, Матвей попал в беду. Мучительно, день за днем, размышляя над этим, Анна решила, что ей необходимо поговорить с отцом своего жениха, президентом могущественной корпорации «Кольцо». Она была уверена, что Степан Николаевич точно будет на ее стороне. Сын есть сын. Для его спасения Гумилев-старший сделает все возможное. И невозможное...

В главном шлюзе станции «Амур» Петровскую встречал сам президент «Кольца». Анна из зала ожидания «Уюта-5» связалась с его секретарем и объяснила, кто она и что ей нужно. Наверное, даже наверняка, ее звонок был отслежен полицейскими исинами отдела по контролю за информацией, но помешать Петровской никто не успел – слишком долго шел обычный сигнал со станции до Марса и обратно. На «Уюте-5» в тот момент находился скоростной корпоративный челнок с группой вахтовиков-терраформировщиков, готовящийся к вылету на Венеру. По личному распоряжению Степана Гумилева Анну пригласили на борт и челнок стартовал.

Семикилометровая орбитальная станция «Амур», издали похожая на детскую пирамидку с разомкнутыми кольцами,

парила на фоне желтоватого шара Венеры. Цвет планеты менялся с каждым днем – поверхность ее остывала и элементы, ранее находившиеся в жидким и газообразном состоянии, становились твердыми, засыпая каменистые пустоши и равнины желтовато-бурой порошкой. Автоматические мобильные комбинат-комбайны ползали по Венере, поглощая тысячи, миллионы тонн серы, азотистых соединений, свинца, висмута и прочей ядовитой, но дорогостоящей дряни. Попутно велась топографическая съемка, размечались трассы будущих дорог, оросительных каналов, сельскохозяйственных угодий. На полюсах планеты ускоренными темпами возводились атмосферные станции, призванные насытить прореженную атмосферу Утренней звезды, как называли Венеру в древности, кислородом. Терраформирование планеты входило в завершающую стадию.

Вопреки установленным правилам, челнок причалил не к одному из технических «этажей»-отсеков станции «Амур», а прямо к главному шлюзу, расположенному на торце центрального ствола. Вахтовики, прибывшие отработать свои положенные двадцать пять суток со всех уголков Солиса, взволнованно загудели, но пилот челнока по внутренней трансляции сообщил, что поводов для волнения нет, а затем обратился непосредственно к Анне:

– Госпожа Петровская, прошу покинуть борт. Вас ждут.

Анна, во время короткого перелета успевшая с помощью карманного робота-косметолога избавиться от астро-макияжа, глубоко вдохнула, поднялась из анатомического кресла и прошевела за мигающими зелеными стрелками на полу между рядами сидений к выходу. Вахтовики проводили ее удивленными взглядами.

Степан Гумилев лично прибыл в шлюз встретить неожиданную гостью. Охранники в глухих шлемах и черной силовой броне, с импульсаторами наперевес, выстроились по периме-

тру посадочной площадки. Президент «Кольца» стоял под эмблемой своей корпорации – белым кольцом в голубом поле – и выглядел несколько растерянным. За его спиной, на почтительном расстоянии, замерли два референта в фирменных корпоративных бело-голубых комбинезонах.

Анне бросилось в глаза, что Степан Николаевич очень похож на Матвея, с поправкой на возраст, разумеется. Точнее, наоборот: конечно же, Матвей похож на отца – та же линия скул, тот же волевой подбородок, те же брови, глаза...

И еще Анна заметила, что Гумилев-старший выглядит очень уставшим. Тени под глазами, глубокие морщины, бледная кожа. «Он много работает, – поняла девушка. – И переживает за сына».

Встретиться со Степаном Николаевичем и мамой Матвея Варварой Петровной Анна должна была на свадьбе. И, наверное, так бы все и случилось, не полети она на Землю за тем проклятым платьем от Филиппа Пятеркина. Известнейший на всю Солнечную систему модельер жил и творил в суровом Санкт-Петербурге, одном из пяти сохранившихся по решению Генеральной Ассамблеи Объединенного человечества городов Северного полушария. Когда три сотни лет назад, сразу после Первой Колониальной войны, полярные шапки Земли начали расти и наступил новый ледниковый период, были выстроены пятикилометровые бетонные дамбы-рассекатели, защитившие Санкт-Петербург, Копенгаген, Лондон, Париж и канадский Торонто от уничтожения. Конечно, почти все население покинуло мегаполисы и там остались только ученые, музейщики и обслуживающий персонал многочисленных отелей – скованные льдами древние города превратились в туристические достопримечательности. Каждый ребенок в Солсисе знал, что Дед Мороз живет на Земле, в бывшем дворце русских царей, не зря называемом Зимним. Попасть туда на новогодний бал было заветной мечтой всех мальчишек и девчонок Солнечной.

Санкт-Петербург также стал Меккой для художников, писателей, музыкантов. Некоторые из них предпочитали экопоселения экваториального пояса, куда не дополз ледник, но самые известные, самые прославленные – и модельер Филипп Пятеркин в их числе – творили в Северной Пальмире, прогуливаясь в свободное время по изумрудному льду каналов меж ледяных изваяний нобелевского лауреата Теодора Космодимианского.

Но Анне так и не суждено было увидеть полярное великолепие Санкт-Петербурга. Вместо этого она в числе прочих пассажиров «Юрия Речникова» оказалась в пленау экстремистов, и началась страшная, изматывающая душу эпопея, которая в конечном итоге привела ее сюда, на станцию «Амур».

Процокав каблучками по трапу, Петровская ступила на чуть подрагивающую рифленую палубу шлюзового отсека. Степан Гумилев сделал шаг навстречу несостоявшейся невестке – и остановился. Несколько секунд они стояли так, разглядывая друг друга. И неожиданно поддавшись общему порыву, бросились навстречу, обнялись...

– Девочка моя... – дрогнувшим голосом прошептал Гумилев.

Анна беззвучно рыдала, уткнувшись носом в плечо президента корпорации «Кольцо».

– Почему ты сразу не связалась со мной? – укоризненно спросил Гумилев, внимательно глядя на Анну.

– Сразу? – девушка опустила глаза, меланхолично помешала ложечкой остывший чай. – Не знаю. Времени не было. И потом... Я искала Матвея. Ходила и везде пыталась его увидеть. Мне казалось... Я надеялась... Что он тоже ищет меня! А потом... В общем, я поняла, что только вы... только вы сможете помочь мне... нам с Матвеем... Где ваш сын? Где он?!

Степан Николаевич вздохнул.

– Ищем, Анюта, ищем.

Они сидели в огромном Зале приемов станции уже больше часа. В стороне от длинного банкетного стола официанты накрыли уютный круглый столик для двоих, сервировав его по высшему разряду, как для первых лиц колониальной администрации. Серебряные приборы, хрусталь, коллекционный фарфор. Гумилев еще до того, как Анна ступила на борт станции «Амур», распорядился на счет меню и сейчас на тарелках исходили ароматным паром пожарские котлеты, призывающими багровела в глубоких мисочках солянка, румянилась на блюде основательная кулебяка. Степан Николаевич был приверженцем национальной русской кухни и дорогую гостью решил попотчевать от души, справедливо рассудив, что за время перелета Анна проголодалась.

Но девушка только поковыряла вилочкой котлету, равнодушно отодвинула солянку, а на салат оливье с перепелиными яйцами даже не взглянула. Сделав маленький глоточек вина, она испытующе посмотрела на президента корпорации «Кольцо» своими выразительными миндалевидными глазами, в которых жили тоска и боль.

Потом они долго говорили. Анна рассказывала о своих приключениях, хотя Гумилев про себя решил, что правильнее было бы назвать все пережитое девушкой «хождением по мукам». Когда Петровская дошла до попыток подсадить к ней в мозг суррогатную личность, Степан Николаевич вздрогнул.

Он похоронил сына больше года назад, в октябре шестьдесят восьмого, когда получил из «Беллоны» официальное извещение о смерти Матвея. Тело старшего лейтенанта Гумилева не нашли, обряд проводили, что называется, «заочно». В орбитальном храме Святого Николая-чудотворца прошла церемония отпевания, и родовое кладбище Гумилевых на Луне пополнилось скромным обелиском из черного лабрадорита.

Горе придавило Степана Николаевича, точно чугунная плита. Все валилось из рук, мысли путались, перед глазами стоял туман. Бессонными ночами он смотрел на звезды и представлял сына в боевой рубке корвета «Скорпион». Представлял – и не мог до конца поверить, что Матвея больше нет.

Чтобы как-то избавиться от депрессии, Гумилев-старший прошел курс психореабилитации и с головой погрузился в работу, благо ее хватало. Но мотаясь по Венере, совершая как минимум трижды в день перелеты с орбиты на поверхность планеты и обратно, он все равно не мог перестать думать о Матвее. Что-то, невыразимое в словах, подсказывало ему: сын жив. И тогда Степан Николаевич вызвал начальника Службы безопасности корпорации «Кольцо» и отдал приказ начать поиски.

– Теперь у нас уже нет сомнений, что приговоренный к казни Максим Верховцев и Матвей – одно и тоже лицо, – закончил свой рассказ Степан Николаевич. – Так что ты можешь гордиться собой: тебе удалось то, чего не сумел, точнее, не успел сделать я.

– Спасти Матвея? – уточнила Анна.

– Именно. Мои люди слишком поздно добрались до Марса и не успели помешать казни. А ты – успела. Спасибо.

– И вам спасибо...

– Мне-то за что?

– Ну, что не сдались… – Анна смутилась, сделала еще глоток из бокала и с надеждой спросила: – А вы знаете, где он теперь?

Гумилев помрачнел.

– Сложный вопрос. И однозначного ответа на него у меня нет. Мы примерно представляем, где находится сейчас Максим Верховцев. Но это, как ты сама убедилась, не Матвей, а всего лишь физическая оболочка, в которой живет личность Верховцева. Где личность Матвея – мы пока не знаем.

– А где… оболочка? Ну, я хотела сказать – Верховцев?

– Наши агенты, внедренные в ряды этих так называемых «звездных борцов», сообщают, что Верховцев ныне занимает едва ли не лидерские позиции в верхушке экстремистов. Что-то они там такое замышляют... К сожалению, самого лучшего «крота» мы потеряли – их контрразведка тоже не дремлет. В общем, пока вот так.

– А нельзя как-то ускорить... ну, все это? – спросила Анна.

– Поверь, девочка, – Гумилев прижал руку к груди, сминая накрахмаленную салфетку. – Поверь, мы делаем все возможное. Матвей стал главным фигурантом какой-то очень сложной игры, и мы еще не до конца выяснили, кто тут диктует правила... Там открылось такое! Похоже, если копнуть всерьез, аукнется всему человечеству...

– Матвея в это втянули! – твердо сказала Петровская. – Он не виноват.

– Возможно... А на счет вины, – Степан Николаевич задумчиво побарабанил пальцами по белоснежной скатерти. – Скорее всего, то, что им не удалось сделать с тобой – я имею в виду внедрение суррогатной личности – получилось с Матвеем.

– Но его можно вернуть? Сделать прежним, нормальным?

– Два научных отдела нашей корпорации работают над этой проблемой, – без оптимизма в голосе произнес Гумилев.

У Анны, чутко уловившей смену тона, задрожали губы.

– И результат обязательно, сlyшишь, обязательно будет! – твердо, но чуть поспешно заверил ее Гумилев.

Девушка промолчала, наклонила голову. Слезы закапали в бокал с «Игристым месяцем» – лучшим вином Лунной Ривьеры.

– Ну, ну, девочка! – Степан Николаевич поднялся, обошел стол и погладил Анну по волосам. – Не надо плакать. Мы вернем его. Обещаю! Кстати, тебе неплохо было бы посетить наш медицинский отсек.

Подняв заплаканное лицо, Петровская покачала головой.

– Ни к чему, Степан Николаевич. Я как бы здорова...

– Вот именно что «как бы». Все, без разговоров! – по-отечески твердо, но заботливо сказал Гумилев. – Ты столько пережила. Не волнуйся, у нас очень квалифицированные специалисты...

В этот момент зазвучал тревожный зуммер и на гигантском обзорном экране, установленном под потолком зала приемов, возникло взволнованное лицо диктора новостного канала «Солнечный».

– Передаем экстренное сообщение! Только что стало известно о взрыве на борту водного дредноута «Австралия», входящего в единую систему противокосмической обороны Луны. Поступающие данные противоречивы, но речь идет о десятках погибших. Следите за нашими выпусками, канал переходит на режим новостного вещания нон-стоп...

ЭПИЗОД 2

«Надежда»

Орбита Венеры, станция «Амур», штаб-квартира корпорации «Кольцо», борт корабля «Надежда»

Обнаженная, Анна лежала на диагностическом подиуме медицинского отсека станции. Сияли лампы, помигивали огоньки приборов, по экранчикам ползли разноцветные кривые. Дежурный врач, немолодая уже женщина с чудным именем Ефросинья Северьяновна, хмурила подведенные бровки и печально качала головой, считывая информацию. Повинуясь ее команде, серебристый металлический осьминог медкомплекса забрался Петровской на грудь, и девушка почувствовала, как тончайшие иглы инъекторов вонзаются в кожу.

– Я прописала вам витамины и курс транквилизаторов, – сказала женщина. – Можете одеваться. И еще... Милочка, вам надо отвлечься. Побольше положительных эмоций, понимаете? И здоровый, продолжительный сон.

Анна в ответ мрачно усмехнулась, натягивая блузку.

У дверей медицинского отсека их ждал Гумилев. Ефросинья Северьяновна взяла его под локоть, отвела в сторону.

– У девушки сильное нервное расстройство, осложненное психической травмой неясного происхождения, – негромко сказала она Степану Николаевичу.

– Что вы рекомендуете?

– Я уже сказала ей: положительные эмоции, новые, но обязательно позитивные впечатления, побольше спать. Вообще я бы посоветовала отправить ее на курорт, на Лунную Ривьеру. Месяц, а то и два, солнца, моря, свежего воздуха...

– Увы, – Гумилев вздохнул. – Это исключено. Там сейчас такое...

– Да, я слышала, – кивнула врач. – Эти ужасные пираты обнаглели настолько, что отважились совершить налет на Луноград. Надеюсь, их уже поймали?

Гумилев снова вздохнул. Он только что получил сообщение, что «ужасных пиратов» возглавляет его собственный сын, и что, похоже, «Армия пробуждения» совершила отнюдь не налет. Говорить об этом Анне президент корпорации «Кольцо» не стал, а врачу ответил:

– Информация противоречива. Следите за новостями. Всего хорошего.

– И не оставляйте ее одну! – сказала в спину Гумилеву Ефросинья Северьяновна.

Степан Николаевич изо всех сил старался выполнить предписание врача, хотя события на Луне требовали постоянного контроля. Тем не менее, Гумилев взялся быть гидом для Анны во время экскурсии по станции «Амур». Он провел девушку по заросшим настоящими деревьями оранжереям, где меж сочной зелени перекликались звонкими голосами тропические птицы. Он показал ей гигантские сборочные цеха, где множество умных роботов, подчиненных исинам-конструкторам, создавали невероятные машины, умевшие изменять облик планет. Он сопроводил ее в лабораторный блок, где в экспериментальных двигательных установках сияла плазма, надежно удерживаемая невидимыми оковами магнитных полей, он разрешил Анне присутствовать при испытательном включении телепортационной установки, когда с одного стенда на другой была перемещена живая белая мышь.

Все это время Степан Николаевич оставался на связи с информационным отделом корпорации, с помощью вживленно-

го в лабиринтовый аппарат минитранслятора отслеживая новости с Луны и изредка, вполголоса, отдавая распоряжения и приказы во вмонтированный в уголок воротника микрофон. Двое референтов, сопровождавших президента корпорации «Кольцо» и его гостю, время от времени подсовывали ему полотнища гибких инфомониторов, и Степан Николаевич именным стилусом делал на них какие-то пометки.

Анна не знала, что за время их экскурсии семьи топменеджеров корпорации, включая мать Матвея Варвару Петровну, были спешно эвакуированы с Луны, все отделы и филиалы корпорации «Кольцо», включая удаленные базы на Ганимеде и Европе, переведены в режим чрезвычайной ситуации, Служба безопасности поднята по тревоге, а бойцы подразделений охраны – по сути небольшая корпоративная армия Гумилева – выдвинулись на позиции, готовые отразить любые попытки посягнуть на имущество и жизни сотрудников «Кольца».

Ничего этого Петровская не ведала, погруженная после инъекций транквилизаторов в состояние полутранса. Она живой куклой бродила за гостеприимным хозяином «Амура», но красоты и чудеса станции оставляли ее равнодушной – девушка продолжала думать о пропавшем женихе. Гумилев видел это, расстраиваясь все больше и больше. Он уже трижды предлагал Анне проводить ее в каюту, чтобы она смогла отдохнуть, но Петровская всякий раз отказывалась.

Она боялась остаться в одиночестве. Боялась уснуть. И боялась за Матвея. Этот страх, уже давно ставший привычным, несколько притупился – давали знать о себе препараты, прописанные Ефросиньей Северьяновной – но он жил в душе Анны и постоянно напоминал о себе.

А главное – помимо страха Петровскую охватило разочарование. Она так надеялась, что всесильный, могущественный Гумилев поможет ей. Она даже в тайне была уверена, что он

уже нашел и спас Матвея. Но ничего этого не произошло. И вместо немедленных действий Степан Николаевич рассуждает о какой-то игре и обещает, что все будет хорошо...

Да будь у нее возможности Гумилева, она отыскала бы Матвея в два счета!

– Что бы тебе еще такого-этакого показать? – задумался Гумилев, когда они покинули отдел биогенетического моделирования, вдоволь насмотревшись на удивительные образцы растений и животных, способных выживать в условиях, максимально приближенных к космическим. При этом лишайники и мхи, выведенные в лабораториях отдела, поглощали вредные для человека элементы, выделяя кислород, черви умели разрыхлять даже базальт, превращая его в почву, а кактусы проникали корнями на несколько сотен метров, чтобы добраться до подземных резервуаров с водой.

Однако Анну и эти диковинки оставили равнодушной. И тогда Гумилев решился.

– А пойдем-ка, душа моя, к лифту, – сказал он, улыбаясь, хотя никакого повода для веселья у него не было – по последним данным с Луны, «Армия пробуждения» сумела каким-то невероятным образом обезвредить форт «Железная скала», а на окраинах Лунограда уже завязывались бои с десантом экстремистов. – Я отвезу тебя в одно интересное место, где не ступала нога человека.

– Разве на космических станциях может быть такое? – впервые за все время Анна удивленно распахнула ресницы.

– На других, наверное, нет, – хитро прищурился Гумилев. – А на моей – есть. Там не ступала нога ОБЫЧНОГО человека. Только моя – и еще нескольких избранных. Ты тоже попала в их число. Приготовься – скоро ты увидишь настояще чудо.

Лифт, сферическая прозрачная капсула, доставил их по центральному стволу станции в ее основание – самый толстый и широкий кольцевой сегмент, подножие гигантской

«пирамидки». Степан Николаевич сделал референтам знак оставаться у поста охраны, прошел биометрическое сканирование, подтверждая свой допуск, и провел Анну мимо застывших изваяниями охранников к серебристой двери без надписей.

Петровская не обратила внимание, что охранников четверо, хотя закрытых бронестеклом огневых точек в коридоре всего две. Не заметила она и опущенных забрал шлемов, и гуляющих по пластинам силовой брони искорок статики, свидетельствующих, что доспехи активированы. Все эти признаки говорили об усиленном режиме несения службы.

Отец Матвея, конечно же, заинтриговал Анну, но это была ожидаемая интрига. Сейчас она увидит еще одно технологическое или научное чудо. Ну и что? Петровская оценила внимание и заботу Гумилева, но этого ей было недостаточно. А Анне нужен был Матвей. Сейчас, немедленно! В семье Петровских Аннушка была любимицей и с детства привыкла получать желаемое.

Серебристая дверь с тихим шипением отъехала в сторону. Степан Николаевич провел девушку в узкий коридор. Из ниши в стене выдвинулся манипулятор с биосканером.

– Стой спокойно! – сказал Гумилев. – Для допуска в секретный отсек система должна снять твои данные. Это не займет много времени.

Оранжевый луч биосканера скользнул по лицу Анны, пробежался по телу и погас.

– Все, – объявил Степан Николаевич. – Теперь ты включена в круг лиц с разрешенным доступом. Пойдем.

Миновав автоматические системы охраны – Анна покосилась на толстые стволы излучателей, способных дотла испепелить человека за доли секунды – они подошли к круглой бронемembrane.

– Открыть! – приказал Гумилев.

Толстые лепестки сложились, освобождая проход. Переступив через порог, Анна следом за Степаном Николаевичем вошла в секретный отсек. Вошла – и невольно задохнулась, увидев его размеры.

Отсек был огромным. Стальные стены уходили вверх на сотни метров, теряясь в полумраке. Дежурное освещение не могло осветить весь отсек и в углах лежали густые тени, отбрасываемые какими-то циклопическими машинами с множеством рук-манипуляторов, сейчас безжизненно опущенных к полу.

Но самый удивительный объект находился в центре отсека. Черный, матовый шар никак не меньше ста метров в диаметре висел в воздухе, покоясь на невидимых лапах силовых полей. Приглядевшись, Петровская поняла, что первое впечатление оказалось обманчивым – она видела перед собой не шар, а многогранник, удивительную пространственную геометрическую фигуру, чьи пропорции странным образом притягивали внимание, не давая отвести взгляд.

Автоматика среагировала на появление в отсеке людей. Крохотные сопла, скрытые в опорных стойках генератора силового поля, беззвучно выдохнули облачка светящейся коллоидной пыли, обозначив границы опасной зоны. Силовые конусы замерзали тревожным красным светом, а на полу вспыхнули зеленые линии, ведущие к граненому шару.

– Осторожно! – указывая на них, сказал Гумилев. – Не покидай зеленого коридора.

Анна кивнула, сделала шаг, другой, во все глаза разглядывая странный многогранник. Ей не терпелось спросить, что это такое, и в то же время она чувствовала, что хочет догадаться сама – и поэтому молчала.

Зато не молчал Степан Николаевич. Он видел, что Петровская буквально очарована начинкой секретного отсека и спешил развить успех:

— Мы работали над этой штукой семь лет. Ну как, нравится?

Молчаливый кивок в ответ. Широко раскрытые глаза Анны в очередной раз оббежали чуть-чуть, еле заметно вогнутые многоугольники, слагающие поверхность загадочного объекта, и она не выдержала, спросила:

— Это... жемчужина?

— Почему жемчужина?! — от растерянности Гумилев даже остановился.

— Она тут... как черная жемчужина в раковине... — с улыбкой произнесла Анна. — Лежит и дожидается, когда ее покажут миру.

— Вот миру-то это видеть как раз ни к чему, — с удовлетворением отметив, что девушка улыбнулась, проворчал Гумилев и перешел на торжественный тон. — Перед тобой, Аньют, самый секретный, самый незаметный и один из самых быстрых кораблей Солнечной системы. Квинтэссенция, так сказать, научно-технического прогресса человечества. Сгусток технологий. Вершина...

— Как ее зовут? — все тем же очарованным голосом перебила его Анна.

— Ее? Почему — ее? Впрочем, ты права. Корабль называется «Черная стрела», но я называю ее «Надежда». Неофициально. Почему — поймешь позже...

— Вы сказали «один из самых быстрых», — опять прервала Гумилева девушка. — Я думала, что скоростные корабли такие... Ну, вытянутые...

Степан Николаевич рассмеялся.

— Ты имеешь в виду аэродинамические формы? Дело в том, что «Надежда» не предназначена для полетов в атмосфере, а в космосе форма не имеет значения, там отсутствует сопротивление. То, что ты видишь перед собой, называется сферическим полиэдром, то есть трехмерным многогранником, вписанным в шар. Хочешь войти?

– Конечно!

Они, следуя по зеленому коридору безопасности, прошли под «Надежду» и остановились.

– Люк! – скомандовал Гумилев.

Одна из черных матовых граней полиэдра ушла в сторону, открывая проход. Из него опустился прозрачный трехметровый цилиндр лифтовой капсулы.

– Входи, – Гумилев пропустил девушку вперед.

Анна сделала шаг, ступив на гладкий пол капсулы. Степан Николаевич вошел следом, беззвучно закрылась дверца и лифт понес их вверх, в недра удивительного корабля.

– Здесь пять основных отсеков, – по мере продвижения капсулы по стволу лифтовой шахты пояснял он. – Силовой, навигационный, отсек управления, жилой и отсек контроля за системами жизнеобеспечения. Ну, и плюс восемь вспомогательных, о них тебе знать ни к чему. Сейчас мы прибудем в отсек управления.

Лифт остановился, синхронно отъехали в сторону двери и Анна очутилась в залитом светом просторном помещении. По кругу расположились контрольные приборы и подковообразный пульт управления, стены и потолок заменял темный полусферический обзорный экран.

– Он выключен, – ткнув пальцем вверх, пояснил Гумилев, – а в полете отображает видимую часть пространства. Я люблю смотреть на звезды.

– Добро пожаловать на борт! – произнес кто-то невидимый.

Петровская вздрогнула от неожиданности, но тут же расслабилась. Голос, прозвучавший в отсеке управления, был женским, приятным, с еле уловимой мягкой хрипотцой.

– Надежда, это Анна Петровская, моя гостья, – улыбаясь, сказал Гумилев. – Будь радушной хозяйкой.

– Здравствуйте, Анна, – сказал корабль. – Не желаете ли кофе? Может быть, чай? Сок? Вино?

– С-спасибо... – удивленно оглядываясь, замотала головой девушка и шепотом спросила у Гумилева: – А почему Надежда?

– Традиционно исины всех кораблей, созданных на верфях нашей корпорации, носят это имя и имеют такую голосовую оболочку, – ответил Степан Николаевич. – История эта древняя и печальная. Надежда Алферова – так звали капитана первой терраформирующей станции, построенной еще в начале двадцать первого века. Станция проходила испытания в Арктике и подверглась нападению экстремистов. Надежда погибла на боевом посту. В память о ней мы сохранили имя и голос.

Анна вздохнула. И впрямь печально. А еще она поняла, что имел в виду Гумилев, когда говорил о неофициальном названии корабля: «Почему – поймешь потом».

– Надежда, – обратилась она к исину корабля. – Если можно, мне стакан воды.

– Холодной, горячей, с газом, без газа, минеральной, обогащенной кислородом, ароматизированной? – в голосе Надежды послышался намек на улыбку.

– Простой, без газа. Питьевой. Холодной.

– Прошу!

На подлокотнике одного из трех кресел, стоящих перед пультом, с легким щелчком открылась ниша и оттуда выплыл стеклянный, чуть запотевший стакан.

– Как видишь, комфорт тут – как в VIP-каюте самого современного межпланетного лайнера, – с гордостью сказал Гумилев. – А ведь «Надежда» – корабль многофункциональный. Ее покрытие поглощает девяносто девять процентов всех известных видов излучений, скорость приближается к субсветовым, запас хода составляет два диаметра Солниса, а бортовое вооружение... хм... впрочем, об этом... Одну секундочку... У меня срочное сообщение...

– Что случилось? – удивилась Петровская, но Степан Николаевич, посерезнев, сделал извиняющий жест и отошел в глубину отсека, что-то быстро говоря в микрофон.

Анна пожала плечиками и прошлась вдоль кресел, разглядывая их. Конечно же, это были не простые кресла, а самые настоящие пилотские ложементы, сверх того оборудованные множеством дополнительных функций. Подхватив стакан, девушка отсалютовала им темному куполу над головой.

– Спасибо, Надежда!

– Всегда рада, – отозвался корабль.

Гумилев тем временем становился все мрачнее и мрачнее. События на Луне разворачивались таким образом, что становилось понятно – все летит в тартарары. Хваленый Космофлот во главе с великой и ужасной «Беллоной» вчистую проиграл битву за Луноград. Генерал Белов, старый друг Степана Николаевича, скончался, не приходя в сознание. Киберкрепость «Железная скала» захвачена, причем каким-то невероятным способом нападавшим удалось перепрограммировать ее корветы типа «Филин», и они в пух и перья разбили всю армейскую инфраструктуру, подавив организованное сопротивление правительственные войск. Связи со штабом «Беллоны» нет. Связи с Генеральным штабом нет. Бои идут на улицах Новой Москвы и Лунограда.

И самое главное: Оберпротектор Колоний Гай Руднев бежал из столицы Луны в неизвестном направлении. А это означало только одно: экстремисты победили. Степан Николаевич не сомневался – на достигнутом они не остановятся, будут атаковать все мало-мальски крупные поселения, принадлежавшие Объединенному человечеству. А значит, угрозе подвергнется и корпорация «Кольцо».

Поэтому Гумилев приказал срочно созвать Совет директоров корпорации. Отдав необходимые распоряжения, он повернулся к Анне, натянуто улыбнулся.

– Душа моя, я вынужден тебя оставить. Дела, дела... Думаю, тебе будет лучше остаться на борту «Надежды».

– Почему? – удивилась Петровская.

– Ну... – замялся Гумилев и тут же нашелся: – А разве тебе здесь не интересно? Ты ведь еще ничего не видела! Осмотрись корабль, поболтаешь с... Надежда!

– Слушаю.

– Приказываю оказать нашей гостье максимум внимания. Выполнишь все, о чем она попросит. Вопросы?

– Вопросов нет, – спокойно ответил корабль.

– Ну и отлично, – Гумилев сделал над собой усилие, улыбнувшись Анне самой искренней и доброжелательной улыбкой, и поспешил к лифту.

– Степан Николаевич, а как же Матвей?.. – крикнула ему вслед девушка, но президент корпорации «Кольцо» уже канул в недрах лифтовой шахты.

Он очень спешил, уверенный, что оставил свою гостью в самом безопасном и надежном месте станции.

Оставшись в одиночестве, озадаченная Анна сделала глоток воды, поставила стакан и задала исину корабля первый пришедший ей в голову вопрос:

– Надежда, а вы помните свое прошлое?

Ответ пришел не сразу.

– Уважаемая Анна, я вынуждена уточнить ваш вопрос, – сказала Надежда. – Вы имеете в виду, имею ли я память о жизни Надежды Алферовой?

– Ну да, – кивнула Петровская. – И давай просто «Аня» и на «ты», а?

– Принято к исполнению, – отозвалась Надежда. – Отвечаю на твой вопрос: воспоминания Надежды Алферовой погибли вместе с ее мозгом в две тысячи девятом году. Но все исины, принадлежащие к семейству «Надежда», имеют в своей памяти ее биографию и данные о последних часах жизни.

– Понятно-о... – Анна уселась в ложемент и опять спросила: – А исины знают, что такое любовь?

Надежда рассмеялась низким, грудным голосом.

– Наверное, какие-нибудь специально запрограммированные и знают. Но судя по имеющейся у меня информации, понятие «любовь» не имеет четких границ, хотя я могу озвучить определение...

– Давай! – заинтересованно скомандовала Анна.

– Любовь, – послушно начала Надежда, – это в первую очередь чувство, свойственное мыслящим существам и устремленное на другую личность, общность личностей или идею.

– Ни-че-го не поняла, – Петровская откинулась в ложементе, отметив, что умное кресло тихонько заурчало, видоизменяя спинку под ее фигуру. – А попроще?

– Я попытаюсь, – виновато сказала Надежда. – Как тебе вот такое: любовь возникает как самое свободное и непредсказуемое выражение глубин личности. Ее нельзя принудительно ни вызвать, ни преодолеть.

– Вот это уже похоже на правду, – вздохнула Анна и повторила: – Нельзя принудительно ни вызвать, ни преодолеть...

– С философской точки зрения термин «любовь» весьма субъективен, – продолжила Надежда, но Петровская оборвала ее:

– Не надо с философской.

– Тогда, может быть, ты хочешь услышать о типах любви? – вкрадчиво поинтересовалась Надежда.

– Каких еще типах?

– Еще в Древней Греции различались следующие виды любви: эрос – страстное, стихийное чувство, восторженная влюбленность, любовь-болезнь; филия – любовь, связанная с социальными или индивидуальными качествами индивидуума, любовь-дружба; сторгэ – семейная любовь-нежность, и наконец, агапэ – жертвенная и снисходящая любовь к человеку или идее, любовь-служение.

«А у нас с Матвеем что? – подумала Анна. – Эрос? Да, наверное. Был эрос. Но теперь он любит Соню ван Астен. А я? Я-то

продолжаю его любить! И получается, что у меня по отношению к нему агапэ, любовь-жертва. Правда, может быть, все не так плохо? Отец Матвея сказал, что, возможно, ему подсадили чужую личность. Если личности можно подсаживать, наверняка их можно и убирать. Есть какие-то медицинские технологии...»

– Аня? Ты слышишь меня? – голос Надежды звучал встревоженно.

– Слышу, – устало ответила Петровская. – Я думала. Понимаешь, у меня есть жених, Матвей. Вернее, был жених... Теперь он – другой.

– Не поняла. Недостаточно информации.

– Да все тут понятно. Его сейчас зовут Максим Верховцев и он любит другую.

– Максим Верховцев? Не тот ли это Верховцев, что является лидером экстремистской организации «Армия пробуждения», которая в настоящий момент заканчивает военную операцию по захвату Луны?

– Что?! – Анна пораженно вскинула голову к темной сфере экрана. – Захват Луны? Максим захватил Луну?

– Могу включить новостной канал, – с готовностью сказала Надежда.

– Н-не надо... – прошептала Петровская.

В ее измученной голове возникло видение: смеющийся Матвей, попирающий ногой золотой песок Лунной Ривьеры и обнимающий пышногрудую губастую красотку в бикини – почему-то экстремистка Соня ван Астен представлялась Анне именно такой, вульгарной и пошлой девицей.

Сжав кулаки так, что ногти вонзились в кожу, Петровская запрокинула голову и отрывисто выкрикнула:

– Летим туда!

– Недостаточно информации. Что ты подразумеваешь под «туда»? – голос Надежды выражал абсолютное спокойствие.

– Летим, летим!! – завизжала Анна. – Его надо спасти! Выводи корабль!

– Требую подтверждения приказа на активацию бортовых систем, – деловым тоном произнесла Надежда.

– Приказ подтверждаю, – Петровская несколько успокоилась, пару раз глубоко вдохнула и выдохнула.

Теперь она поняла, что должна делать, и как только это знание поселилось в ней, исчезли и страх, и боль. Она без трепета наблюдала, как пульт управления кораблем расцвел сотнями огоньков контрольных индикаторов, как неяркое жемчужное сияние охватило обзорный экран.

– Причальный гравитрон запущен, – информировала девушку Надежда. – Силовые держатели отключены. Маршевые двигатели в режиме прогрева. Ожидаю команды на деблокировку шлюзовых створов.

Анне на секунду стало жарко – а вдруг эти самые створы имеет право открыть только Гумилев или кто-нибудь из высшего руководства «Кольца»? Петровская понимала, что она сейчас фактически угоняет «Надежду», но остановить себя не могла. Пресловутый эрос, любовь-болезнь, владел сейчас всем ее существом, и повинуясь ему, девушка выкрикнула:

– Створы деблокировать!

– Поехали! – промурлыкала Надежда древнюю, как само освоение космоса, ритуальную команду, и Анна почувствовала, как под нею еле ощутимо качнулся ложемент.

Огромные створки наружного шлюза секретного отсека станции «Амур» беззвучно разошлись, и «Надежда» медленно выплыла в открытый космос.

На полусфере экрана, окружавшего Анну со всех сторон, отобразился прошитый холодными звездами космос и сияющая огнями громада станции «Амур», нависшая над «Надеждой». Изображение было столь правдоподобным, что Анне на секун-

ду почудилось, что над ней и вокруг нее ничего нет, только пустота открытого космоса. Переборов страх, Петровская взяла себя в руки и строго приказала:

- Надежда! Включить полную защиту от обнаружения!
- Есть, – отозвался корабль.
- Переходим в режим радиомолчания. На запросы и сообщения никому не отвечать!
- Есть, – все так же четко и уверенно ответила Надежда.
- Запуск маршевых двигателей!
- Система заканчивает подготовительный цикл. Курс?
- Ну... – замешкалась Анна, но тут же нашлась: – Земля! Да, пока Земля, а там разберемся...
- Даю обратный отсчет, – по экрану поплыли большие красные цифры. Надежда дублировала их появление голосом: – Девять, восемь, семь... Плазма в рабочем режиме! Четыре, три, два, один...
- Старт! – выкрикнула Анна, вцепившись в подлокотники.

Сразу по выходу «Надежды» из отсека Гумилев получил по закрытому каналу связи соответствующий сигнал, но заседание Совета директоров корпорации «Кольцо» было в самом разгаре и Степан Николаевич не мог позволить себе прерваться. Он только грустно покачал головой, мысленно обругав себя за то, что сам приказал исину корабля выполнять все приказы Анны.

А после того, как Надежда по команде Петровской включила режим радиомолчания и запустила систему поглощения излучений, корабль исчез с экранов диспетчерской службы станции «Амур».

Теперь обнаружить его можно было только по гравитационному следу, который оставляли маневровые двигатели, но гравитометры такой мощности и частоты имелись лишь на секретных военных станциях семейства «Око».

Удалившись на несколько километров от станции «Амур», «Надежда» совершила оборот вокруг своей оси. Затем шестнадцать сегментов на одной из сторон матового полиэдра повернулись, открывая вогнутые чашки отражателей, в центре которых бились крохотные язычки плазмы. Спустя долю секунды они полыхнули слепящим огнем. Получив ускорение, «Надежда» унеслась с орбиты Венеры, канув во мраке космоса.

Это произошло за пятнадцать минут до того, как Максим Верховцев вошел в кабинет мертвого Оберпротектора Колоний Гая Руднева.

ЭПИЗОД 3

Дары данайцев

Станция «Око-500»; борт крейсера «Вольный»; Луноград; борт фотонного крейсера «Справедливый», штурмовой модуль «Дамокл»

На секретной военной станции «Око-500», принадлежащей сводной аэрокосмической бригаде по противодействию глобальному терроризму и экстремизму «Беллона», происходило то, чего еще вчера личный состав не мог бы представить даже в кошмарных снах.

В святая святых станции – Центральном информационном отсеке – шумел митинг.

Свободные от вахт и дежурств офицеры, нижние чины, волонтеры из числа гражданских, даже научный персонал станции собрались здесь и битый час, перекрикивая друг друга, обсуждали последнее сообщение, пришедшее по официальному правительльному каналу.

– Мы давали присягу! – кричали одни. – Офицерская честь не позволяет...

– Оберпротектор принял яд! – надрывались другие. – Это низко! Это самое настоящее дезертирство! Нас предали!

– Так ли уж не правы эти звездные борцы? – осторожно вопросили трети. – В их лозунгах, конечно, многовато экстремизма, но на то они и лозунги. А вот какова будет их экономическая программа? Быть может, стоит сперва разобраться...

– Всех экстремистов – в шлюз! – вопили четвертые. – Война до победного конца! «Беллона» не сдается!

Единственным человеком, сохранившим в этом хаосе спокойствие и выдержку, был командир «Око-500» полковник Да-

циюк. Гладко выбритый, в наглухо застегнутом парадном мундире, он сидел во главе длинного стола и внимательно следил за экраном переносного инфомонитора, на который выводились все данные со следящих систем станции.

В этот момент несколько офицеров из боевого охранения станции попытались хором запеть гимн Объединенного человечества:

– Озаренная солнцем народов семья смотрит в будущее с надеждой...

Группа технического контроля в полном составе демонстративно засвистела и заулююкала. Страсти накалились настолько, что словесные баталии грозили перерости в банальную потасовку.

Полковник Дацюк поднялся и резко хлопнул ладонью по столешнице.

– Внимание, господа! Тихо!

В «Беллоне» вопросам дисциплины и субординации всегда уделялось повышенное внимание. Голос командира подействовал на митингующих отрезвляюще. Наступила тишина.

– Согласно только что полученной информации, – продолжил полковник, – обнаружен незарегистрированный борт, движущийся в район сосредоточения наших сил на орбите Марса. Дежурная смена – по местам! А политические дискурсы оставим до лучших времен. Все, выполнять!

Спустя несколько секунд в Центральном информационном отсеке остались только те, кому это было положено по штатному расписанию. Да, в «Беллоне» вопросам дисциплины и субординации всегда уделялось повышенное внимание...

Станция «Око-500» представляла собой кубический обитаемый модуль, соединенный цилиндрами переходов с шарами отсеков контроля и слежения. Вокруг этого геометрического безумия раскинулись многокилометровые сети антенн, сегменты солнечных батарей и пластины генераторов силового

поля, формирующие сложную систему поиска и сбора рассеянной в пространстве информации. «Око-500» было всеведущим и всезнающим. Оно могло засечь любой радиоконтакт и перехватить его. Десятки могучих исиных управляли тоннами сложнейшей аппаратуры. Поиск не ограничивался только радиоволнами, он велся гораздо шире, фактически охватывая весь электромагнитный спектр излучений.

Располагаясь высоко над плоскостью эклиптики основных планет Солнечной системы, в зените Солнечной системы, «Око-500» как бы парило над обитаемыми мирами, находясь в курсе всех происходящих там событий. Но в отличие от «Ока-300», «Ока-300бис» и станций проекта «Нетопырь», основной задачей «Ока-500» было не слежение за фронтиром системы, за кометами и астрообъектами пояса Койпера, не контроль гравитационных возмущений, не радиоразведка или тестирование приемопередающих устройств Солсиса, не мониторинг солнечной активности, а слежение за межпланетными трассами.

Иными словами, станция полковника Дацюка стояла на страже мира и порядка на коммуникациях Объединенного человечества. Благодаря ей командование «Беллоны» всегда имело самую полную и свежую информацию о состоянии конвойных судов на линиях Юпитер-Марс, Юпитер-Луна, о караванах с рудой, движущихся из глубин пояса астероидов к перерабатывающим заводам Фобоса, о рейсовых пассажирских лайнерах, частных судах и, конечно же, о перемещении военных кораблей Космофлота.

«Око-500» знало все обо всех. Но только в том случае, если объект имел зарегистрированный в памяти исиных станции электромагнитный контур, сокращенно ЭМК. Отсутствие ЭМК не позволяло опознать судно, и оно автоматически заносилось в категорию подозрительных. Дело в том, что экстремисты, захватив рудовоз, транспортник или пассажирскую яхту, первым делом ломали кодировку блока ЭМК и выводили судно из реестра.

На момент провозглашения победы Космической революции таких объектов в памяти «Око-500» значилось свыше тринадцати тысяч.

Конечно, не все они принадлежали экстремистам из «Армии пробуждения» или братства «Танцоров вечности», были здесь и посудины контрабандистов, и старательские калоши, и суда «армагеддонян», а то и просто частные кораблики, владельцы которых не могли себе позволить купить официальную лицензию и предпочли вступить в конфликт с действующим законодательством.

Но ни на станции, ни в штабе Космофлота, ни в аналитическом отделе «Белонны» никто не догадывался, что в Солнечной системе имеется корабль, построенный отнюдь не экстремистами, однако же умышленно не поставленный его хозяином на учет вовсе не из меркантильных соображений.

Корабль назывался «Надежда». И создан он был на секретной верфи корпорации «Кольцо» под личным контролем Степана Николаевича Гумилева.

– Исинка! – Максим вызвал искусственный интеллект и невольно поймал себя на том, что произносит это имя почти без злости. – Исинка, эй!

– Слушаю, – немедленно ответил из скрытых под потолком динамиков женский голос.

– Мы в пути больше суток. Почему нет погони?

– Ты прямо как маленький, – в голосе Исинки послышалась улыбка. – Еще когда «Вольный» уходил с лунной орбиты, я активировала одну из трех имевшихся на борту целей-фантомов и отправила ее...

– Куда?

– На Землю. Так что если тебя и ищут, то там, в районе бывшего Карельского перешейка.

– Почему бывшего? – машинально спросил Максим.

– Там же ледник, – в голосе Исинки прозвучало удивление. – От двух с половиной до четырех километров толщиной. Ты что, забыл школьный курс истории?

Максим скрипнул зубами и откинулся в кресле. Проклятье, этот искусственный интеллект, похоже, переиграл все естественные интеллекты «Армии пробуждения». Тут ему вспомнился рассказ Исинки о том, каким образом ей удалось отвлечь от «Вольного» внимание товарища Дементьева вкупе со всем штабом. Максим скрипнул зубами еще раз. Да, это была комбинация, достойная занесения в анналы учебников по диверсионному делу...

Готовя захват крейсера «Вольный», Исинка с октября по апрель обитала в бортовой сети корабля, искусно маскируясь под архивные файлы, временные кластеры и постоянно перезаписывая себя, дабы не потерять базы данных в ходе плановых дефрагментаций системы. Параллельно она исподволь собирала сведения об управлении крейсером и внедрялась в блоки сбора и обработки информации.

В тот момент, когда Максим вместе с сестрой Пантерой и братом Змеем штурмовал убежище олигарха номер один, Обер-протектора Колоний Гая Руднева, Исинка начала приводить свой план в действие. «Вольный» уже вышел из боя, получив ощутимые, но не критические повреждения. Сопротивление правительственные войск было сломлено, надобность в поддержке с орбиты штурмовых и десантных групп на поверхности Луны отпала. Но позиционные сражения в Лунограде и других городах еще продолжались. Информация о них стекалась в центральный отсек форта «Железная скала», лично к товарищу Дементьеву.

Перехватив один из каналов связи, Исинка подобрала голосовую оболочку, соответствующую голосу товарища Тау, командира десантно-штурмового отряда «7 ноября». «Ноябрьсты» как раз производили зачистку комплекса правительенных

зданий. Никаких других крупных формирований звездных бойцов поблизости от них не было.

Товарищ Дементьев услышал взволнованный голос товарища Тау, сообщивший буквально следующее: обнаружен секретный и хорошо охраняемый бункер правительственной контрразведки. Судя по всему, эвакуировать архивы, документацию и оборудование рыцари плаща и кинжала не успели и теперь постараются уничтожить ценнейшие сведения. ДШО «7 ноября» просит у командования подкрепления, чтобы сорвать планы противника и успеть захватить бункер до того, как контрразведчики опустошат базы данных и сожгут бумаги.

Конечно же, товарищ Дементьев чрезвычайно заинтересовался сообщением товарища Тау. Конечно же, товарищ Дементьев поднял всех, способных держать оружие – а в «Армию пробуждения» других не брали – и во главе сводной боевой группы на шести десантных катерах сам отправился в Луноград. Конечно же, товарищ Дементьев перевел форт в автоматический режим и на всякий случай приказал исину Смотрящему охранять его от вторжения извне – мало ли какая недобитая сволочь захочет пробраться внутрь.

И конечно же, товарищ Дементьев оказался, возможно, в первый раз в жизни, в дураках. Едва только десантные катера покинули «Железную скалу», оставив орбиты без контроля, как Исинка провела массированную вирусную атаку на все основные компоненты системы управления «Вольного», инициировала запуск лечащих программ, что в конечном итоге привело к перегрузке и сбою в работе компьютеров крейсера. Пока штатные исины разбирались с этой проблемой, Исинка перехватила контроль над ордами наноботов и с их помощью внесла конструктивные изменения в компьютерные сети «Вольного». Исины крейсера были попросту отрезаны от систем корабля. Они оглохли и ослепли. Так полновластным хозяином на «Вольном» стал фамильный искусственный интеллект рода

Гумилевых. А заманить на борт товарища Альфу и пленить его оказалось делом времени.

И вот уже двадцать девять часов Максим летел в неизвестность, и все это время он размышлял над информацией, полученной в самом начале. Исинка, с помощью наноботов переоборудовав каюту капитана под комфортабельное училище, обеспечила единственному пассажиру крейсера все условия для отдыха, но Максим даже не взглянул на изысканные яства и доставленную из медотсека кабинку релаксационного массажа. Он лишь пил кофе – чашку за чашкой – и мучительно соображал, как ему теперь быть, как выпутаться из всей этой истории.

И главное: что делать, если все рассказанное Исинкой про Матвея Гумилева окажется правдой? Хотя как такое вообще может быть? Нет, тут явно подвох. Скорее всего, весь бред про вторую личность, сидящую в голове Максима – часть общего плана по его психологической обработке. Деморализованный противник наполовину побежден, так всегда говорил Людвиг ван Астен.

Но кто придумал и реализовал операцию по похищению Верховцева, лидера звездных борцов и с недавнего времени главу Революционного Временного правительства? Кто стоит за этой Исинкой? Командование Космофлота? От него остались рожки да ножки. Причем рожки пленены бойцами товарища Дементьева, а ножки драпают изо всех сил и сейчас находятся где-нибудь в районе марсианской орбиты.

«Беллона»? Та же доля вероятности. Полицейскому управлению это вообще не под силу. «Танцоры вечности» потеряли всех своих иерархов и фактически слились с «Армией пробуждения». Стэлмены традиционно вне политики. «Армагеддоняне», или, как они сами себя называют, «Свидетели Люцифера», еще не оправились от ударов, нанесенных им «Беллоной» в прошлом году.

Получается – кто-то из олигархов. Но Максим сразу отмел и главу концерна «Солярис» Пархоменко, и хозяина межпланетных трасс, президента компании «Спейс-лайнс» Кричевского, и председателя совета директоров холдинга «Межпланетмортажспецстрой» Хасанова, и главного банкира системы, создателя и бессменного руководителя банка «Глобал-траст» Юрьева. Отмел, потому что на активы этих денежных мешков «Армия пробуждения» не покушалась. Попросту руки не дошли.

Значит, остается Гумилев. Корпорация «Кольцо». Вот тут конфликт уже налицо – именно предки Гумилева проводили терраформирование Луны и Марса, а он сейчас занимается Венерой, именно Гумилев получает доход с курортных зон колоний, именно ему принадлежат станции, поддерживающие на спутнике Земли пригодные для жизни условия. И, естественно, правительство платит Гумилеву за это. Корпорация «Кольцо» по сути – государство в государстве.

И ведь насколько ловко все придумано! Как там сказала эта Исинка? «Твой отец – Степан Николаевич Гумилев. Президент корпорации «Кольцо»». Ага, отец. Папаша товарища Альфа, надо же! А что потом? Товарища Альфу объявят недееспособным? Или от его имени Временным правительством станет руководить Гумилев?

Максим неожиданно рассмеялся.

– Что случилось? – с тревогой спросила Исинка.

– Отстань, – отмахнулся он от искусственного интеллекта.

– Принято, – обиженно буркнула та и действительно замолчала.

«Ничего у вас не выйдет, господин Гумилев, – злорадно подумал Максим. – Звездные борцы без боя не сдаются. В конце концов, что такое моя жизнь в сравнении с Великой Космической революцией? Вот только Соньку жалко. Она, бедная, с ума, наивное, сойдет, когда узнает, что я исчез. А может, уже знает... Но ничего, ничего! Прав был Людвиг, когда говорил: «Мечтать

о Справедливости и значит жить полной жизнью». Сейчас, когда Справедливость почти восторжествовала, я без колебаний принесу свою жизнь на ее алтарь!»

С этими мыслями Максим и заснул.

По Лунограду гуляли ветры. Они вертели флюгеры на башнях Дворца Оберпротектора, рвали листву с ветвей каштанов на бульваре Процветания и хлопали большой белой растяжкой, натянутой буквально пару часов назад над широченным Московским проспектом. На растяжке вручную было написано красными буквами: «КОСМОС БУДЕТ НАШ!».

Город выглядел безлюдным. Обыватели боялись покидать свои жилища, работники коммунальных служб решили, что вполне заслужили внеочередной выходной, полицейские солидаризировались с обывателями, а верных старому правительству военных большей частью поубивали во время вчерашних боев.

Поэтому улицы Лунограда оглашали лишь лихие посвисты ветра да гулкие шаги патрулей «Армии пробуждения». С лучами наперевес они расхаживали вдоль домов, бдительно следя за революционным порядком в городе. О нем, о порядке, сказал в своем обращении товарищ Альфа.

– Хоть и молодой, а как все провернул! – с одобрением говорил боец десантно-штурмового отряда «7 ноября» Тимофей Поликарпов. – Не отсиживался за спинами, резиденцию штурмовал! И Руднева, говорят, грохнул. Сам! Орел!

– Руднев-то вроде как ядку принял на грудь, – не согласился с Тимофеем командир Кондрат Рябов. – Тоже сам, что примечательно.

– Так ведь от страху, от страху же!

– Ну, ясное дело. Только, Тимоша, ты все же зря кипятишься. Нашу победу не один товарищ Альфа ковал. Это как бы во-первых...

– А во-вторых? – запальчиво выкрикнул Поликарпов и рванул с плеча импульсную винтовку. – Ты чего против товарища Альфы имеешь?!

– Да я ничего, – отмахнулся не испугавшийся Рябов. – Меня не товарищ Альфа, меня потеря темпа заботит...

– Чего-чего?

– Вот что мы тут топчемся? Надо оставшиеся базы «Беллоны» брать, корпорацию «Кольцо» за вымя щупать. А мы Луноград пасем. Где сейчас наш товарищ Альфа, почему не командует?

– Ну... – Тимофей замялся, потом быстро огляделся, мазнув взглядом по окрестным особнячкам, и вполголоса произнес: – А вдруг ранен он? Или яд у Руднева такой сильный оказался, что и товарищу Альфе досталось?

– Вот и я о том же, – вздохнул Рябов. – И чего тогда получается? Революция-то наша того... Без головы осталась?

– А товарищ Бета? Ну, товарищ Дементьев! Он что, будет сидеть, сложа руки? Да ни в жизнь! – горячо воскликнул Тимофей.

– Ну, товарищ Дементьев – ко-онечно! – согласно кивнул Рябов. – Этот спуску никому не даст. Тут уж будь спокойничек.

– Точно! – Тимофей вздохнул. – Эх, жаль, буржуи кончились. А то еще бы где-нибудь революцию устроили...

В этот момент товарищ Дементьев, находясь за десятки тысяч километров от Тимофея и Рябова, сидел именно что сложа руки. Сидел и смотрел на темный экран инфомонитора, по которому блуждал одинокий красный огонек скринсейвера.

Громада крейсера «Справедливый» медленно плыла по лунной орбите. Экипаж нес вахту, проводил приборку корабля, готовя его к новым походам. Запершись от всех в своей каюте, товарищ Дементьев проглядел сводки и рапорты, набросал проект первого декрета Временного правительства, а потом перешел к главной проблеме сегодняшнего дня. Перешел – и

третий час кряду сидел без движения перед потухшим информонитором. Тишину нарушали лишь скребущиеся звуки, доносившиеся из клетки, подвешенной под низким потолком – археоптерикс Гриша, бывший питомец покойного Оберпротектора Колоний, поменял место жительства.

Пожалуй, впервые в жизни товарищ Дементьев оказался в столь затруднительном положении. Нет, в биографии нынешнего товарища Беты, одного из вождей «Армии пробуждения», бывало, конечно, всякое, начиная с ареста в пятьдесят первом и побега с каторги на Япете в пятьдесят втором. Но даже тогда, у gnав рудовоз и бросив его в слепой рывок с поверхности планетоида, ежесекундно ожидая плазменного заряда в корму или удара гравитационным бичом, товарищ Дементьев ни секунды не сомневался ни в себе, ни в деле, которому служил.

А вот теперь сомнения, что называется, одолели начальника Отдела Особых действий. Вроде бы все сложилось как нельзя лучше – объединенные силы «Армии пробуждения» и «Танцоров вечности» разгромили правительственные войска, Марс и Луна захвачены, колониальная администрация низложена. Но сказать, что это только полдела – значит не сказать ничего.

Революция – это, конечно же, разрушение. Но за разрушением наступает время собирать камни. Мало захватить власть, ее надо удержать. И тут необходимо создание того, что буржуазные ученые называют институтами власти. А именно: правительственными, правовыми, трудовыми и экономическими.

Где взять толковых людей? Один крепкий хозяйственник товарищ Гамма все на себе не вытянет, это факт, а командиры подразделений звездных борцов, смелые и отважные ребята, в экономике смысят еще меньше, чем в балете.

Если объявить свободные выборы, к власти опять прорвутся денежные мешки. Им купить голоса избирателей – раз плюнуть. Значит, сначала нужно провести национализацию промышленности и сырьевого сектора, чтобы вернуть все награ-

блленное у жителей Солсиса добро его законным владельцам. Но товарищ Дементьев очень сомневался, что мультимиллиардеры вроде президента корпорации «Кольцо» Степана Гумилева откажутся без боя от своих состояний.

Фактически новая власть прочно установилась только на Луне. На Марсе анархия. Венера находится под контролем корпорации «Кольцо». Согласно имевшимся у товарища Дементьева данным, Служба безопасности Гумилева – это по сути маленькая частная армия и с ней наверняка возникнут большие проблемы.

А ведь есть еще десятки кораблей и станций «Беллоны», разбросанных по всему Солсису, от раскаленного шара Меркурия до мертвый глыбы Плутона. Правда, дальше, в пояс Койпера, беллоновцы не лезут – там вотчина стэлменов, а те не терпят чужаков.

К кому Гумилев обратится за помощью, если его корпоративная армия не справится? К бывшим офицерам и солдатам Космофлота, к «Беллоне». Стало быть, нужны те, кто будет противостоять контрреволюционному реваншу. Ну, вот с этим как раз проблем нет – «Армия пробуждения» находится в полной боевой готовности, а ее флагман, фотонный крейсер «Справедливый», способен дать бой любому из современных космофлотских кораблей.

Но если все контрреволюционные силы объединятся – «Армия пробуждения» не сумеет отстоять с таким трудом завоеванных позиций. Получается, что рано втыкать образные штыки в образную же землю. Война будет. Да она, фактически, уже идет. А война – это единонаачалие, это мудрый и бесстрашный вождь, который подает пример своим бойцам.

Сейчас на счету каждая секунда, нужно действовать быстро и решительно. Но без товарища Альфы это невозможно.

Вот, вот она, главная закавыка! Где он, вождь? Где новый товарищ Альфа Максим Верховцев?

Сбежал? Убит? Похищен?

Товарищ Дементьев провел по лицу рукой, стирая следы трудных раздумий. Вот уже вторые сутки люди из ООД, его люди, лучшие из лучших, рыщут в окрестностях Луны, пытаясь найти хоть какие-то следы исчезнувшего вождя и крейсера «Вольный», по странному стечению обстоятельств улетевшего с лунной орбиты в неизвестном направлении.

А всему виной опрометчивое решение Людвига ван Астена. Если бы он не выбрал своим преемником Максима, если бы отдал льва другому, более подходящему на эту роль человеку – скольких проблем удалось бы избежать!

В памяти товарища Дементьева всплыли подробности тяжелого разговора с товарищем Альфой. Он состоялся сразу после того, как предмет был передан Верховцеву. Начальник Отдела Особых действий узнал об этом по своим каналам – и поспешил на аудиенцию к вождю.

Людвиг ван Астен был весел, много шутил, но когда товарищ Дементьев прямо высказал свое несогласие с его решением, наступил и ответил непривычно резко:

– Не твоего это ума дело, товарищ Дементьев!

– Отчего же? – тот побледнел, но решил не отступать. – Дело у нас у всех, кажется, общее...

Несколько секунд Людвиг ван Астен в упор смотрел на своего заместителя. Товарищ Дементьев взгляд вождя выдержал, хотя это стоило ему немалых усилий – на лбу выступили капельки пота, ладони сделались влажными.

– Хорошо, – товарищ Альфа улыбнулся. – Ты прав. Мы действительно делаем общее дело. И ради этого дела, ради нашей победы мы готовы принимать любую помощь, от кого бы она не поступала. Надеюсь, тебе не надо напоминать, что революция в белых перчатках не делается?

– А причем тут... – начал товарищ Дементьев, но Людвиг перебил его:

– Дослушай! Те, кто помогают нам, отнюдь не альтруисты. Слава Марксу, они не требуют за свои удивительные технологии человеческие органы или юных девственниц, а то клянусь Черной дырой, я был бы не в силах разрешить эту нравственную дилемму... Их вообще не интересует материальная плата. Но время от времени кое-какие просьбы от них поступают. Понимаешь?

– Ты хочешь сказать, что отдать льва этому молокососу посоветовали данайцы¹?

Почему товарищ Дементьев тогда назвал загадочных помощников «Армии пробуждения» данайцами, он и сам не знал. Но слово – не воробей. Товарищ Альфа, услышав про данайцев, вздрогнул. Он с самого начала сотрудничества звездных борцов с таинственными людьми в черных шлемах чувствовал, что за их технологической помощью кроется что-то зловещее. Чувствовал, но гнал от себя тревожные мысли.

Верный друг и беззаботно преданный делу «Армии пробуждения» товарищ Дементьев озвучил тревоги Людвига ван Астена, предав им совершенно конкретный образ: данайцы.

Однако когда нужно согреться, в огонь идет все, что горит, даже книги. Поэтому товарищ Альфа сказал:

– Революция – это не процесс, а результат, товарищ Дементьев. Пусть наши «спонсоры революции» помогают нам. Главное – победить, а там разберемся, кто, что и почему.

На том разговор и закончился. И вот теперь, вспоминая его, товарищ Дементьев пришел к заключению: похоже, зловещие дары данайцев (он с тех пор про себя именовал «спонсоров революции» только так) начали приносить гибельные плоды. Да, генераторы невидимости, суперускорители, фотонный дви-

¹ Данайцы – общее название для ряда древнегреческих племен. После неудачной осады Трои данайцы отступили, оставив у ворот города огромного деревянного коня. Жрец Лаокоон предостерег троянцев: «Бойтесь данайцев, дары приносящих!», но жители города не послушались его и втащили коня в Трою. Спрятавшийся внутри отряд данайцев ночью вырезал охрану и открыл ворота вернувшимся войскам. Троя была захвачена и разрушена. Выражение «дары данайцев» означает дары, гибельные для тех, кто их получает

житель, сверхпоглощающая броня необычайной крепости, устройства связи и контроля, использующие непонятные физические принципы – это прекрасно! Мало того, именно благодаря всем этим чудесным технологиям «Армия пробуждения» смогла одолеть и «Танцовов вечности», и Космофлот Объединенного человечества.

Но! Людвиг ван Астен погиб, новый товарищ Альфа исчез. Революция победила, но она в опасности!

Товарищ Дементьев поднялся из-за стола, подошел к панорамному монитору визуального контроля. Голубой диск Луны, расчерченный светлыми облачными грядами, наполовину закрыл собой бело-серую Землю. На линии лунного терминатора вспыхнула крохотная звездочка – там солнечный луч отразился от полированной поверхности одного из нескольких сотен автоматических навигационных буев, вращавшихся вокруг спутника Земли.

Земля... Товарищ Дементьев посмотрел на колыбель человечества, покинутую, почти заброшенную. Новый ледниковый период за несколько столетий сковал планету ледяным панцирем. Ледники наступали с двух сторон, с полюсов, заключив Землю в толстенную скорлупу. Наполовину пересохшие, замерзшие океаны, бескрайняя тундра в приэкваториальных областях, обширные болота, тайга...

Редкие поселения-оазисы окружены со всех сторон льдами. Там властствуют только мороз и холодные ветры. Да еще белые медведи, расплодившиеся в невероятном количестве, бродят между глыб льда, время от времени пытаясь проникнуть на территории оазисов.

Ныне на Земле существует не больше двух десятков поселений. Защищенные от ледника титаническими бетонными стенами города, культурно-историческое наследие человечества. И экопоселки на экваторе. Фермеры, работники биофабрик, что населяют их, в общем-то живут неплохо, но если бы не ав-

томатизированные системы охраны, контролирующие периметры, белые медведи и прочие хищники, населяющие дикие территории Земли, давно бы истребили их.

Согласно последним данным, полученным от службы навигационного контроля, «Вольный» улетел на Землю. Зачем? Ответ был только один – крейсер угнали. Вполне вероятно, что с товарищем Альфой на борту. Точка приземления находится в районе Карельского перешейка. Однако орбитальное сканирование и поисковая операция на поверхности не дали никаких результатов – огромный корабль на планете отсутствовал. Он просто исчез. Видимо, неизвестные угонщики использовали фантом-обманку, след которой и засекли спутники слежения.

– Что же с тобой случилось, Верховцев? – вслух произнес товарищ Дементьев.

– Гр-р-риша! – обрадованно заорал заскучавший археоптерикс. – Гр-р-риша хор-роший! Хор-р-роший!

Товарищ Дементьев поднялся, подхватил с дивана черныйшелковый платок – изделие земных ткачей из Танзанийского оазиса – и накинул на клетку.

Вариантов ответа на вопрос о судьбе товарища Альфы было много – от простого захвата вождя «Армии пробуждения» группой контрреволюционеров до личной инициативы Максима, который по непонятным причинам не поставил никого в известность и улетел на «Вольном».

Наконец, самое плохое: что-то разладилось в программе мен-тообработки и старая личность Верховцева вытеснила новую. Правда, брат Молот утверждал, что гарантия стопроцентная и еще ни разу не случалось сбоев, но, во-первых, все когда-то бывает в первый раз, а во-вторых, верить «Танцорам вечности» – себя не уважать. Тем более что где сейчас брат Молот? Жарят его в аду черти на специальной высокотехнологичной сковороде и приговаривают: «Для кого десять заповедей придуманы? Для кого?».

Конечно, звездным борцам думать о такой ерунде, как мифология давно отжившего культа, не положено, но товарищ Дементьев был честен с собой – есть, есть у человека душа. А раз так, стало быть, куда-то она после смерти девается. Стэлмены вон считают, что воссоединяется с Великим Космосом. Ну, а он думал по старинке – в ад. Или в рай, но это случается далеко не со всеми.

Поглаживая подбородок, товарищ Дементьев напряженно размышлял: «В конечном итоге есть только два выхода: или найти Верховцева, или... – он глубоко вздохнул, – или объявить его погибшим и возглавить Великую Космическую революцию! Эх, жаль, лев пропал вместе с Максимом. Имея фигуру, можно было бы действовать, вообще ничего не опасаясь».

И тут он понял, что без помощи данайцев не обойтись. Они всегда имели ответы на все вопросы. А раз так, нужно лететь на Землю. Ближайшая точка randevu находится именно там. Товарищ Дементьев бывал на таких встречах вместе с Людвигом ван Астеном раз десять, в том числе два раза именно на Земле. Правда, место для встреч данайцы выбрали более чем странное – в самом центре гибых Малазийских болот. Ну да дареному коню в зубы не смотрят.

Оповещать данайцев о встрече не требовалось – они откуда-то всегда знали о желании вождей «Армии пробуждения» пообщаться. Достаточно было прибыть на точку randevu, где бы она не находилась – на Убриэле, в поясе астероидов, на Марсе или на Меркурии.

Ткнув пальцем в панель связи, товарищ Дементьев сухо приказал капитану «Справедливого»:

- Подготовить одного «Дамокла».
- Понял вас, – откликнулся тот. – Кто будет пилотировать?
- Я сам, – и товарищ Дементьев отключился.

Штурмовой модуль «Дамокл», семиметровое бронированное яйцо, разделяющееся в момент приземления на четыре автономных ИБМ, индивидуальных боевых машин шагающе-

го типа, был новейшей разработкой конструкторов и оружейников Объединенного человечества. Захватив десяток таких модулей, звездные борцы по приказу товарища Дементьева доставили их на борт «Справедливого». Никто не ожидал, что «Дамоклы» пригодятся так скоро – вроде бы активные боевые действия на Луне и Марсе закончились. ИБМ штурмовых модулей еле успели оснастить эмблемами «Армии пробуждения» – силуэтом волка, воющего на луну.

Стартовав прямо из грузового отсека крейсера, товарищ Дементьев направил «Дамокла» к поверхности Земли. Вместе с ним в модуле находилось трое лучших бойцов Отдела Особых действий – в случае чего они должны были прикрыть своего начальника.

Оставив в мутно-сером небе сияющий след, штурмовой модуль опустился точно в заданной точке. ИБМ разошлись в разные стороны, заняв круговую оборону, а товарищ Дементьев приготовился ждать эмиссара данайцев – обычно они никогда не задерживались.

То, что произошло дальше, удивило и озадачило бывалого звездного борца. Вместо данайца на встречу явился какой-то парень. Растерянный и даже испуганный, он, однако, держался молодцом. Произошел странный разговор, в результате которого парень вручил товарищу Дементьеву, назвавшемуся оперативным псевдонимом «Иван Ильич», фигурку из серебристого металла, изображающую коня.

И едва только конь лег в руку товарища Дементьева, он сразу почувствовал зов, исходящий от этого предмета. Могучий, яростный зов, ломающий волю и туманяющий разум.

Товарищ Дементьев понял – он стал обладателем очередного дара данайцев.

Но почему-то теперь это его совершенно не пугало...

ЭПИЗОД 4

Мед Чингисхана

Луноград, десантно-штурмовой модуль «Дамокл»; Земля, район пика Хан-Тенгри

Сестра Кобра, высокая, худая платиновая блондинка с большим, чувственным ртом и вечно прищуренными, исполненными презрения ко всему миру глазами, ждала товарища Дементьева в личных апартаментах покойного Оберпротектора. Люди из команды товарища Гаммы, захватившие Зеленый дворец, выстроенный в стиле барокко из оберонского зеленоватого гранита, сообщили ей, что заместитель товарища Альфы отлучился по важному делу, но к вечеру должен вернуться.

Собственно, сестра Кобра не особенно спешила. Без стеснения сбросив с себя надоевший боевой комбинезон, женщина отыскала в гардеробной шелковый халат, завернулась в него и теперь, развалившись в кресле, потягивала через соломинку сухой мартини – в апартаментах обнаружился шикарный бар.

Параллельно сестра Кобра разглядывала огромную круглую кровать Оберпротектора, увенчанную узорчатым балдахином, прикидывая, в какой позе она будет эффектнее смотреться на щитом золотом покрывале.

В братстве «Танцоров вечности» сестра Кобра занимала достаточно высокий, но несколько теневой пост – она отвечала за подбор и подготовку человеческого материала для последующей пересадки личности. Работа эта велась в тесном контакте с сотрудниками Третьего отдела «Армии пробуждения», непосредственным начальником сестры Кобры был брат Молот, но обычно информацию она получала от господина Наставника.

Именно этот загадочный человек – или не человек? – никогда не снимавший глухого черного шлема, указывал, кто из пленных офицеров или рядового состава Космофлота подходит для пересадки и чью личность нужно пересаживать в его мозг.

Отлаженный механизм работал без сбоев до того момента, как брат Молот решил действовать самостоятельно, чтобы показать всем – и союзникам из «Армии пробуждения», и всему Объединенному человечеству – кто в Солсисе хозяин. Закончилась эта затея печально, в первую очередь для самого иерарха «Танцоров вечности». Аэрополис погиб, остатки братства влились в состав «Армии пробуждения» и сестра Кобра осталась не у дел. Господин Наставник больше не появлялся, работы по пересадкам личностей законсервировали.

В операции по захвату Луны сестра Кобра сыграла второстепенную роль – ее новый начальник, глава Третьего отдела товарищ Йота, поручил женщине заниматься контролем за системами связи. Когда боевые действия были завершены, сестра Кобра в числе прочих оказалась в Лунограде. Все ожидали первого заседания Временного правительства, а пока звездные борцы занимали государственные учреждения, готовясь стать новой элитой Объединенного человечества.

Господин Наставник явился как всегда неожиданно. Это случилось утром. Сестра Кобра только что приняла душ в одном из жилых блоков комплекса зданий Генеральной Ассамблеи, и вытираясь пушистым полотенцем, босиком прошествовала в комнату. Она хорошо помнила, что заперла гостиничный номер на ключ, и вздрогнула, увидев у окна темную фигуру.

– Ты должна, – как обычно, без преамбул и приветствий заговорил господин Наставник, – сегодня встретиться с товарищем Дементьевым. Постарайся расположить его к себе и обязательно сообщи информацию о человеческом материале, проходившем процедуру пересадки под номером К-716.

– К-какую информацию? – закутавшись в полотенце, срывающимся голосом спросила сестра Кобра.

Она чувствовала робость. Господин Наставник всегда немногого пугал ее, а сейчас, возникнув в запертом номере, вызвал настоящий ужас.

– Ты должна назвать имя.

– Но я его не знаю!

Сестра Кобра действительно не имела никакого представления о настоящей личности К-716. Она помнила этого человека, молодого парня из «Беллоны», погибшего в ходе боя на Градусе Забвения. Рослый, крепкий юноша, он задохнулся в поврежденном скафандре. Тогда было много пленных. Всем им присвоили порядковые номера, а потом явился господин Наставник и указал, какой материал подходит для пересадки. К-716 попал в их число. Сестра Кобра даже вспомнила лицо парня, искаженное жуткой гримасой удушья. Реанимационные мероприятия, произведенные сотрудниками Третьего отдела, вернули его к жизни и беллоновец отправился прямиком в установку по пересадке. Кем он вышел оттуда, сестра Кобра не интересовалась.

– Я назову тебе имя, – ровным, глухим голосом произнес господин Наставник. – Запомни: ты обязана передать его товарищу Дементьеву.

– Ну, хорошо... – начала было говорить сестра Кобра, но в этот момент господин Наставник, впервые за несколько лет, опустил черное забрало своего шлема.

Крик умер на губах сестры Кобры. На нее смотрело не человеческое лицо, а хрустальная маска. Точнее, ей показалось в первый момент, что это маска. Но взглянувшись в синие глаза без зрачков, увидев под прозрачной кожей голубые прожилки, она поняла, что видит лицо живого существа.

Странное оцепенение охватило сестру Кобру. Закружилась голова. Мысли исчезли, унеслись куда-то и в образовавшейся пустоте зазвучали слова:

– Ты обязана. Доверие. Расположить к себе. Убедить. Назвать имя...

– Какое имя? – прошептала сестра Кобра.

Когда господин Наставник произнес его, женщина охнула и потеряла сознание. Очнулась она спустя несколько минут. В номере никого не было. Первой мыслью сестры Кобры, первой самостоятельной мыслью было: «Бежать! Переодеться, улететь на Марс, на Юпитер – и чтобы никто никогда...».

Но ее обнаженное тело тут же пронзила острая боль, а в голове зазвучало: «Ты обязана. Доверие. Расположить к себе. Убедить. Назвать имя...».

Сестра Кобра завизжала, выгибаясь и колотя ногами по упругому пластику пола. Боль жгла, рвала, терзала ее тело, судороги скручивали мышцы, дыхание сбилось, перед глазами поплыли красные пятна, а в мозгу набатом билось: «Ты обязана. Доверие. Расположить к себе. Убедить. Назвать имя...».

– Все, все! Хватит! – задыхаясь, прохрипела сестра Кобра, царапая ногтями шею. – Я поняла, я все сделаю!

И боль отпустила. Откинувшись на смятое полотенце, женщина заплакала, не имея сил пошевелить рукой, чтобы вытереть слезы. Но минуту спустя, когда вернулись силы и способность рассуждать здраво, сестра Кобра поняла – судьба в лице господина Наставника подарила ей уникальный шанс.

И нужно было быть полной дурой, чтобы им не воспользоваться...

Товарищ Дементьев, сидя в прима-отсеке «Дамокла», уверенно вел штурмовой модуль к Луне, нет-нет да поглядывая на фи-гурку коня, стоящую на панели управления. Ему не терпелось снять нейросенсорный спецкомбинезон, с помощью которого осуществлялось управление ИБМ, и прикоснуться к предмету.

Конь манил товарища Дементьева, манил властно и настойчиво. Начальник Отдела Особых действий умел ждать. Соб-

ственno, без терпения и настойчивости он никогда не смог бы стать тем, кем стал. Но сейчас товарищ Дементьев отдавал себе отчет в том, что его воля, почитаемая товарищами по борьбе железной, готова сдаться.

– Да что ж такое?! – в сердцах выкрикнул товарищ Дементьев, в очередной раз отводя взгляд от фигурки.

– «Дамокл», здесь Луна-один! – немедленно откликнулся пост контроля на «Справедливом». – Что случилось?

– Все в порядке, – отчеканил товарищ Дементьев. – Отбой.

Он отключил связь, помассировал подбородок, еще раз посмотрел на коня – и вызвал по внутренней трансляции одного из бойцов второго отсека.

– Коля! Бери управление на себя.

– Что-то случилось, товарищ Дементьев? – поинтересовался боец.

– Норма. Просто я хочу... хочу отдохнуть.

– Есть принять управление.

Обесточив спецкомбинезон, товарищ Дементьев принялся извиваться, стягивая его с себя. Освободив верхнюю часть тела и руки, он приготовился познать таинственный предмет, но тут выяснилось, что фигурка упала и закатилась под кресло.

Боевая кабина ИБМ не предназначена ни для чего иного, кроме как для ведения боя. Товарищу Дементьеву пришлось буквально встать на голову, чтобы заглянуть под кресло и отыскать фигурку. За это время «Дамокл» приблизился к Луне и синхронизировался по скорости и высоте орбиты со «Справедливым», готовясь к посадке на палубу крейсера.

Товарищ Дементьев несколько раз глубоко вдохнул, стараясь максимально успокоиться и очистить голову от суетных, ненужных мыслей. Затем он правой рукой взял фигурку коня и зажмурился. Несколько секунд ничего не происходило. И вдруг ледяная молния пронзила все тело товарища Дементьева от затылка до самых пяток.

Стиснув зубы, чтобы не застонать, он вцепился левой рукой в подлокотник кресла, правой продолжая сжимать коня. Предмет, видимо, принаршивался к новому владельцу, подбирал ментальные ключи к разуму, к сознанию и подсознанию товарища Дементьева. А когда подобрал – обрушил на него все, что хранил в себе долгие века.

Лавина образов погребла под собой личность товарища Дементьева. Еще минуту назад он был вторым человеком в Солнечной системе, всесильным начальником Отдела Особых действий, героем революции и прочая, и прочая, а тут в одночасье превратился в ничто, в белое полотнище экрана, в монитор, в шар для показа стереоскопических картин, в чистый лист бумаги, на котором можно было нарисовать или написать все, что угодно.

И конь начал писать и рисовать так, как он мог это делать. В мозгу товарища Дементьева с ураганной скоростью понеслись видения, описывающие жизнь и судьбу Потрясателя Вселенной, великого завоевателя Чингисхана.

Смерть отца, нищее детство, вечный страх и убийство брата, рабская колодка на шее, скитания, неудачи и предательства – товарищ Дементьев словно бы сам стал юным Темучином из рода Борджигинов и на своей шкуре испытал, какого это – быть изгоем.

А конь уже гнал его дальше, во взрослую жизнь Чингисхана. Женитьба на красавице Борте, ставшей своему мужу не только спутницей жизни, но и верным советником. Стычки, походы, друзья и враги, опять предательство одних и благородство других, опять походы и битвы. Свист стрел, топот копыт по ночной степи, крики раненых, молчание убитых. Терпкий запах крови мешается с гарью степных костров. Когда перед завтрашней битвой тысячи воинов в темноте точат свои мечи, от этого звука становится не по себе даже самому отъявленному храбрецу.

Товарищ Дементьев не считал себя храбрецом, но и трусом он тоже никогда не был. Однако скрежет тысяч клинов по наездакам поверг его в ужас. Он попытался разжать руку, выпустить коня, чтобы передохнуть, отдохнуться, а изучение странной фигурки возобновить потом, на Луне. Но пальцы товарища Дементьева свела непрошеная судорога, и удивительные видения продолжились.

Армии, сражения, штурмы городов, истребление дерзких и непокорных – он смотрел жуткий исторический блокбастер, в главной роли которого был рыжеволосый человек с разноцветными глазами и фигуркой волка. Волк побеждал врагов Чингисхана еще до того, как его воины бросались в атаку. Волк позволял править множеством людей, не опасаясь бунта или измены. Волк был ключом и замком, плетью и петлей, топором и плахой.

«С таким предметом легко можно стать новым Чингисханом, – подумал товарищ Дементьев во время одной из редких пауз между видениями. – Хотя зачем Чингисханом? Дементьевым... Прусаковым... Прусаковым? Что за странно знакомая фамилия? Геннадий Васильевич Прусаков. Кто это? Откуда мне известен этот человек?»

По всей видимости, мозг товарища Дементьева оказался не просто крайне восприимчивым к тем ментальным волнам, что испускал конь; он еще и изменился под действием этих волн. Изменился – и из глубин его выплыла истинная личность человека, известного всем как товарищ Дементьев.

Лидер звездных борцов товарищ Бета, он же товарищ Дементьев, он же начальник Отдела Особых действий, в этот момент умер. Просто перестал существовать. Его место – и свое законное место! – занял Геннадий Прусаков, когда-то учившийся вместе с Матвеем Гумилевым на одном курсе. И уже ему показывал конь финальные сцены эпопеи Чингисхана.

Став властелином половины мира, создав гигантскую империю, получив практически официальный титул Потрясателя Вселенной, стерев с лица земного целые народы, Чингисхан все же был глубоко несчастным человеком. Он не выполнил своего земного предназначения, не исполнил воли Тенгри, воли Вечного Синего неба. Эту волю владыка всех монголов понимал как установление мира на земле. На всей Земле. Любимая поговорка Чингисхана очень точно отражала метод, который он использовал: «Чтобы наступил мир, убей своего врага!». Потрясатель Вселенной был убежден, что когда все страны и народы объединятся под его властью и станут жить по своду законов Монгольской империи, Великой Яссе, его миссия будет завершена. Но старость, обычная человеческая старость помешала Чингисхану. Он тщетно искал лекарство от нее, но даже китайский мудрец-даос Чань-Чунь не сумел подсказать царю царей верный способ обмануть безжалостное время.

Впрочем, именно Чань-Чунь поведал Чингисхану о фигурах, родственных его волку, и подарил коня, того самого, что сжимал сейчас в руке товарищ Дементьев.

Дементьев? Нет, уже Геннадий Прусаков!

Даосский мудрец предложил Чингисхану выход. Это была изящная комбинация и Прусаков оценил ее по достоинству. Крупинки Вечности, загадочное снадобье, погружающее человека в вечный сон, как бы консервировали Чингисхана, чтобы Потрясатель Вселенной мог дожить до тех времен, когда у людей появятся технологии омоложения.

«Или пересадки личности», – отметил про себя Прусаков.

Инсценировав собственную смерть, Чингисхан провел блестящую спецоперацию по организации фальшивых похорон. Его советник Елюй Чу-сай выполнил все приказания своего повелителя. Прусаков слушал доклад советника и поражался масштабности замысла:

– О Учитель, все было сделано именно так, как вы и задумали. Камни, изображающие ваше тело, мы положили в полированный гроб из горной сосны, его поместили в гроб из серебра, а его – в золотой гроб. Десять тысяч богатырей-турхаудов скакали впереди процессии, убивая всякого встречного, будь то человек или зверь, чтобы враги до поры не просыпались о вашей кончине. По прибытие к подножью Хангая нас ожидали сотни тысяч монголов и людей иной крови, собравшихся, чтобы в последний раз поклониться вам. Сто больших телег, полных золота, отвезли мы к могиле вашей. Сто лучших степных скакунов забили мы. Сто самых прекраснейших дев легли в гробницу рядом с конями. Наконец, сто сильнейших багатуров добровольно дали убить себя, чтобы охранять своего повелителя в другой жизни. Никто из смертных, кроме меня, ваших сыновей и ближайших полководцев не знает, где находится могила. Тридцать три раза прогнали мы табуны лошадей по той долине, чтобы ничто не указывало на место захоронения. Все землекопы, все возчики и слуги, помогавшие нам, убиты. Сотни воинов, что несли дозоры на окрестных горах, также убиты. Убиты и те, кто убивал их. Тайна вашего погребения, Учитель, будет сохранена в веках.

«Гениально! – усмехнулся про себя Прусаков. – Все обставлено по высшему разряду. Могилу Чингисхана ищут до сих пор! И никто, ни один человек не догадался, что на самом деле Потрясатель Вселенной вместе со своим предметом, погруженный с помощью Крупинок Вечности в подобие летаргического сна, покоится совсем в другом месте, в ледяной пещере горы Хан-Тенгри».

Кто был тот парень, что отдал коня Прусакову? Почему он явился на встречу вместо данайцев? Или...

Геннадий облизнул пересохшие губы. Или он – посланник, и фигурка попала по адресу? Ведь в двадцать пятом веке есть все, что нужно для возвращения Чингисхана к активной жиз-

ни. Сколько ему было на момент «смерти»? Шестьдесят с небольшим? Современные медицинские технологии вполне могут вернуть Потрясателю Вселенной если не молодость, то по крайней мере силу зрелого мужчины, и он проживет еще тридцать-сорок лет.

Проживет, чтобы завершить начатое. Волк поможет Чингисхану стать вождем новой, невиданной армии...

– Стоп! – вслух произнес Прусаков.

А почему этим вождем должен стать полуудикий монгол из далекого прошлого? Почему не он, Геннадий Прусаков? Могущественный предмет сам идет к нему в руки. Так неужели же он упустит такой шанс?!

Бывший товарищ Дементьев без сил растекся по креслу, уставившись неподвижным взглядом в одну точку. Он пытался понять, что делать и как ему быть дальше, потому что полученные сведения – а это были именно что сведения, информация, которой предстояло грамотно распорядиться – требовали серьезного осмысления.

На панели вспыхнул алый огонек, тоненько пропищал сигнал готовности – «Дамокл» подходил к грузовой палубе «Справедливого». Прусаков, точно очнувшись, завертел головой, включил связь и вызвал секонд-отсек:

– Коля! Отставить!
– Что оставить?
– Все. Посадку и прочее. Мы возвращаемся.
– Куда, товарищ Дементьев?
– На Землю. Координаты я сам введу в курсоуказатель. Да-вай, давай, работай, Коля! Время не ждет!

Яйцо «Дамокла», уже готовое вплыть в распахнутые створы грузпалубы, зависло на некоторое время, пока Коля вел переговоры с диспетчером крейсера, а потом скользнуло по касательной к атмосфере Луны, устремляясь на скованную льдами Землю.

К этому моменту Прусаков сумел облачиться в спецкомбинезон и вернул себе управление «Дамоклом». Он ввел координаты пика Хан-Тенгри и приготовился ждать – модулю предстояло облететь земной шар и наочной стороне планеты совершить посадку в совершенно диких, давным-давно не посещаемых людьми краях.

Все то время, пока «Дамокл» совершал маневр облета, Прусаков придумывал себе титул и должность. Император? Король? Главный правитель? Великий диктатор? Вождь? Учитель? Хозяин? Все эти слова отдавали дешевой детской фэнтези, ненастоящестью какой-то, игрой. А Прусаков решился на шаг настолько серьезный, что исключались даже малейшие намеки на игру.

Так ничего и не придумав, он отложил принятие решения на потом. Сейчас у него было более важное дело – посадить «Дамокл», отыскать пещеру и забрать то, что сама судьба – или все же данайцы? – преподнесли ему как бесценный дар.

Конечно, конь – и пославший его в будущее Чингисхан – желали другого. Но Прусаков решительно отказался от мысли оживлять древнего завоевателя. Делить власть с кем бы то ни было – зачем? Да и получится ли разделить? Владеть волком будет только один, все остальные станут бояться и подчиняться. Нет, пусть Потрясатель Вселенной и дальше спокойно спит в своей ледяной могиле.

«Я возьму только предмет. Даже не возьму, а обменяю! Это будет честная сделка, – улыбался Прусаков, разглядывая на экране спутниковые снимки горы Хан-Тенгри. – И вот тогда мы посмотрим...»

Бойцы Отдела Особых действий, сидящие в секонд-отсеках десантно-штурмового модуля, не заметили изменений, произошедших с их командиром. Для них он оставался товарищем Дементьевым, и до поры Прусаков решил не раскрывать карты.

«Революция! Да к черту революцию. Хватит, накуражились. Пора заняться делом, – мысли Прусакова неслись вскачь, словно непобедимая конница Чингисхана. – Все так удачно складывается – базы «Армии пробуждения» и «Танцоров вечности» войдут в общую сеть опорных пунктов Космофлота. Нет, и Космофлот тоже к черту! Создадим новую армию, Военно-Космические силы...»

– Товарищ Дементьев, нас запрашивает Луна, штаб «Армии пробуждения», – перебил мечты Прусакова боец секонд-отсека.

– Что им надо?

– Товарищ Гамма интересуется, как быть с захваченными членами Правительства Объединенного человечества. Расстреливать?

«Конечно, – сказал бы товарищ Дементьев. – Исторический балласт нам не нужен».

– Нет, ни в коем случае, – ответил Геннадий Прусаков. – Пусть ждут моего возвращения.

Он знал – теперь эти люди ему пригодятся.

«Дамокл» вошел в плотные слои земной атмосферы где-то над ледяными полями Западной Сибири, прочертил в небе замерзшей планеты огненную дугу длиной в несколько тысяч километров и снизился у подножия горы Хан-Тенгри, освещенной лучами заходящего солнца.

Исполинский пик розовой пирамидой плыл над облаками. Прусаков опасался, что устье пещеры окажется закрыто ледником – тогда пришлось бы расплавлять лед,тратя энергию «Дамокла», а это могло привести к проблемам при возвращении.

Но ледяная река, спускавшаяся со склона Хан-Тенгри, очень удачно обтекала скальную гряду, в которой прятался вход. «Дамокл» по приказу Прусакова разделился на ИБМ.

– Займите позиции над скалами, – приказал он своим бойцам-секондам. – Будьте наготове. Наблюдайте. Возможны гости. Но без моей команды огня не открывать.

«Нагрузив» таким образом подчиненных, Прусаков двинул свой ИБМ вниз, в ложбину между скалами. Тут повсюду лежал снег. Ветер, проносящийся над каменными глыбами, уложил снег косыми гривами и сейчас они отбрасывали густо-фиолетовые тени, скрывая пещеру.

Включив мощный фонарь, вмонтированный в верхнюю часть ИБМ, Прусаков принял внимательно вглядываться в камни, сугробы, темные пятна и вскоре обнаружил углубление, прикрытое от любопытных глаз скальным козырьком, на котором нарос снежный холмик.

Покинув ИБМ, он спрыгнул в снег, сразу провалившись по пояс, и полез в черную дыру, подсвечивая себе дорогу наплечными габаритными огнями спецкомбинезона.

Прусаков не взял с собой никакого оружия – да и с кем было воевать в ледяной пещере? Тело Чингисхана, пролежавшее в кедровой колоде больше тысячи лет, едва ли станет сопротивляться. А больше тут не было ни одного живого существа – тепловые датчики ИБМ показывали это со стопроцентной очевидностью.

Но войдя под своды пещеры, Прусаков несколько оробел – уж очень величественно выглядели ледяные сталактиты, сталагмиты и сталагниты, сверкающие в лучах габаритных огней. На потолке пещеры искрился пушистый, узорчатый иней. Стены казались отлитыми из хрустала. Под ногами Прусакова похрустывала ледяная крошка.

Он миновал две обширные полости, два ослепительно прекрасных зала этого подземного дворца, и увидел в нише, заткнанной бахромой сосулек, темный продолговатый предмет.

Сглотнув, Прусаков расправил плечи и быстрым шагом пересек замерзшее пещерное озеро, отделяющее его от заветной цели.

Кедровая колода прекрасно сохранилась. По ее полированному коричневому боку вился удивительно гармоничный морозный узор, но Прусаков даже не взглянул на него.

Ухватившись за крышку, он поднатужился и отвалил ее в сторону. То, что оказалось под крышкой, заставило Прусакова громко вскрикнуть. Он ожидал всего, чего угодно – разложившегося трупа, мумии, черных костей или, напротив, нетленных мощей Чингисхана, но только не такого...

Потрясатель Вселенной смотрел на человека, дерзнувшего нарушить его многовековой сон. Залитый прозрачным медом, седой длиннобородый стариk глядел сквозь янтарную окаменевшую массу широко открытыми разноцветными – один голубой, другой зеленый – глазами, и в его взгляде Прусакову почудилась изdevка.

«Волк! Где же волк? – мысли Прусакова заметались. – Он всю жизнь носил его на себе – приматывал кожаным ремнем к телу возле сердца. А перед смертью... Точнее, перед тем, как заснуть на века, сжал figurку в руке. Значит, она там. Но как добраться до тела?»

Геннадий осторожно потрогал гладкую поверхность окаменевшего меда. Потом ударил по ней кулаком. С тем же успехом он мог бить по глыбе льда. «Лучемет! Надо было взять из «Дамокла» ручной излучатель», – укорил себя Прусаков.

Он тяжело опустился на опрокинутую крышку и задумался. В детстве маленький Гена любил бывать на Марсе, на ферме у бабушки с дедушкой. Старики занимались сельским хозяйством, что называется, для души, входя в группу реконструкторов-энтузиастов. Они разводили овец, кур, гусей, возделывали огород и держали пасеку. Мед, ароматный, густой, был главным лакомством для любимого внука. Гена предпочитал жидкий, тягучий мед – в него было так здорово и вкусно макать свежие булочки. И бабушка, чтобы угодить внуку, растапливала засахарившийся мед на водяной бане.

«Мед тает, если его нагреть», – Прусаков поднялся и, избегая смотреть в глаза Чингисхана, приложил руку к гладкой поверхности. Спецкомбинезон имел функцию подогрева – собствен-

но, поэтому Геннадий до сих пор не замерз. Плотно прижав пальцы, Прусаков выставил максимальный нагрев. Сорок два градуса по Цельсию – этого должно хватить.

Вначале он ничего не почувствовал. Потом стало жарко. Из воздушных фильтров повалил пар, забрало легкого шлема немедленно обросло инеем. Но все это можно было перетерпеть. Главное – мед под рукой Прусакова начал плавиться. Медленно, гораздо медленнее, чем хотелось бы Геннадию, но плавиться.

Спустя полчаса все в пещере изменилось. Хрустальные залы волшебного дворца погрузились в густой туман. Клубы пара оседали на ледяных колоннах белой порошкой. Прусаков дважды терял сознание от теплового удара, но медкомплекс комбизона всякий раз впрыскивал ему стимуляторы, возвращая к жизни.

Тысячелетний мед поддавался с неохотой, но все же поддавался, и через сорок минут после начала работы Прусаков добрался до рук Чингисхана, умиротворенно сложенных на груди. Геннадий весь перемазался в меду, но сейчас ему было на это наплевать. Вцепившись раскаленными пальцами в коричневые, узловатые пальцы Потрясателя Вселенной, он нашупал между ними предмет. Чингисхан не хотел выпускать свой талисман, свое сокровище.

Прусаков не знал главного – похищенный, украденный предмет не будет работать, не станет проявлять свои свойства. Но действуя по наитию, Геннадий, оставив бесплодные попытки разжать стальную хватку Чингисхана, буквально прорыдал:

– Отда-ай!

Ему показалось, что выражение лица древнего завоевателя на мгновение изменилось – Чингисхан улыбнулся? Или это все просто игра света и тени, натеки меда, усталость?

Но, так или иначе, пальцы Потрясателя Вселенной разжались, и фигурка волка оказалась в липкой перчатке Прусакова.

– Есть! – он выпрямился, торжествующе хохотнул и тут же отключил обогрев спецкомбинезона.

Геннадий вложил коня в пальцы древнего завоевателя и, спрятав волка в контейнере на поясе, окинул разоренную пещеру прощальным взором. Дыра в медовом саркофаге медленно оплывала. Пар осел, туман рассеялся.

– Вот и все! – выдохнул Прусаков.

Он приблизился к колоде, чтобы закрыть ее крышкой. Когда-нибудь сюда по приказу Геннадия придут специалисты, чтобы все же оживить этого жуткого старика. Историки много узнают от него о той великой и страшной эпохе. Но пока Прусакову не до истории. Точнее, он будет творить свою, новую историю.

Задвигая крышку, Геннадий посмотрел в лицо Чингисхану и увидел, что глаза его плотно закрыты...

ЭПИЗОД 5

Своя игра

Уран, база «Армии пробуждения» Оазис; Луноград, борт крейсера «Вольный»

Так случилось, что инструктор штаба «Армии пробуждения» Соня ван Астен не принимала участия в тех событиях, что потрясли Солнечную систему, сменив ее государственное устройство и начав новый этап истории человечества.

После уничтожения Аэрополиса и разгрома «Танцоров вечности», вчерашних союзников, оказавшихся коварными врагами, готовыми вонзить нож в спину революции, Соня по приказу брата и вождя осталась на орбите Сатурна. Девушка получила официальные полномочия представлять в этом регионе Солнечной системы «Армию пробуждения».

– Сестренка, я должен быть уверен, что тут у нас все в порядке! – сказал Соне на прощание Людвиг ван Астен.

Соня хотела ответить брату, что это назначение больше похоже на ссылку, а еще больше – на попытку спрятать, оградить ее от грядущих опасностей и трудностей, но тут к ней подошел Максим и обидные слова куда-то исчезли, растаяли, как дым.

– Надеюсь, мы недолго, – сказал Максим, обнимая Соню.

– Надеюсь, вы вернетесь целыми и невредимыми, – ответила Соня, целуя жениха.

Надежды не сбылись. Брат погиб. Максим чудесным образом спасся, и это была радость сквозь слезы. Он прислал Соне с Марса единственное сообщение: «Люблю, люблю, люблю!» и замолчал. Девушка понимала причину этого молчания – после событий на Марсе «Армия пробуждения» готовилась к решающей битве.

Ей же выпала тяжкая доля – хоронить Людвига. Урна с прахом товарища Альфы – все, что удалось собрать в недрах остывшей печи – прибыла на Уран, на главную базу звездных борцов. Туда же прилетела и Соня.

На аллее Павших Героев вырубили во льду глубокую могилу. Она располагалась прямо у ног статуи Справедливости – последнего произведения Людвига. Впрочем, нет. Последним его творением был спасенный от испепеляющего дыхания кометы Шпитц-11 Марс, его цветущие сады, возделанные поля, тенистые леса, прохладные реки и озера, густонаселенные города.

И люди. Миллионы людей, оставшихся жить. Они – остались, а Людвиг – нет. Примерно такими словами Соня и закончила панихиду, на которую собралось несколько десятков звездных борцов. Все остальные были срочно вызваны на Марс, туда, где в обстановке строжайшей секретности новый товарищ Альфа, ее Максим, готовил небывалое – штурм цитадели Объединенного человечества.

Урну с прахом опустили в могилу и залили жидким азотом, который спустя несколько минут превратился в крепчайший монолит, навечно замуровав останки Людвига ван Астена, великого мечтателя и грозного вождя звездных борцов. Соня посмотрела в бездонно-синее небо Урана и вздохнула.

Потекли дни ожидания. Техники законсервировали ненужные теперь комплексы на дополнительных pontонах базы, и вся жизнь Оазиса сосредоточилась на «Центральном». Проведя перекличку с дальними базами «Армии пробуждения», Соня, получившая полномочия коменданта Оазиса, выяснила, что штаб «подмел» все и всех – боевые и вспомогательные корабли ушли к Марсу, а на базах остались лишь дежурные смены, а то и вовсе все управление было передано исинам.

Время шло. Ничего не происходило. Соня проводила положенное время в кабинете коменданта, кормила голубых чере-

пашек, слушала музыку и смотрела в небо. Ей было плохо, а рядом не оказалось никого, кто мог бы поддержать девушку, просто обнять и дать возможность выплакаться.

А потом наступил долгожданный судный день Объединенного человечества, день штурма Луны.

Соня сутки провела в Главной диспетчерской базы, отслеживая все сообщения «снизу», из недр Солнечной системы. Техники и охрана базы сгрудились за ее спиной, живо комментируя поступающие по каналам гиперсвязи новости.

Аппаратура гиперсвязи, хотя и тратила невероятное количество энергии, но позволяла получать и передавать информацию практически в режиме реального времени. Правда, качество «картинки» хромало, но звук проходил нормально и Главная диспетчерская периодически взрывалась восторженными криками. А когда металлический, лишенный оттенков голос исина крейсера «Вольный» сообщил о захвате форта «Железная скала», старший техник Оазиса Рихард Гончаров пробасил в окладистую рыжую бороду:

– Вот и спеклись объединенночеловеки! Аминь!

Потом пошел вал информации, завершившийся новостью о смерти Оберпротектора Гая Руднева. Кто-то притащил в диспетчерскую ящик шампанского и сразу несколько пробок ударили в сетчатый высокий потолок, салютуя победе «Армии пробуждения».

Соня сидела ни жива, ни мертва. Все ее мысли были только о Максиме. Она прекрасно знала характер своего жениха и ни секунды не сомневалась, что он находится в самом пекле. Но ей в голову не могло прийти, что он, товарищ Альфа, сам, лично подрывал дредноут «Австралия», вел бой, штурмовал секретную резиденцию Руднева...

Напряжение отпустило Соню в тот момент, когда на экране появилось лицо Максима, усталое, покрытое копотью, родное...

Обращение товарища Альfy «Армии пробуждения» ко всем людям Солнечной системы в диспетчерской слушали стоя. А когда Максим закончил говорить и пошла заставка, сопровождаемая гимном звездных борцов, все заорали, звеня бокалами, принялись обниматься, плясать – в общем, началась форменная вакханалия.

Соня, пригубив шампанского из фужера Гончарова, выгнала звездных борцов из диспетчерской, отправив персонал базы праздновать победу в Изумрудный павильон Оазиса, а сама уселась за пульт и попыталась связаться с Максимом.

Ничего не вышло. Соня вызвала штаб, но ей в весьма невежливой форме посоветовали не занимать каналы связи в столь напряженной ситуации. Проведя ночь как в тумане, утром девушка повторила попытку связи с Максимом – безрезультатно. Отправив жениху короткое сообщение: «Поздравляю с победой! Люблю, жду, скучаю», Соня вызвала в диспетчерскую Гончарова, передала ему полномочия коменданта базы и час спустя вылетела с Оазиса на фрегате «Зоркий».

Сердце подсказывало ей, что что-то случилось, что-то невозможное, страшное, способное разрушить их любовь и оставить ее, Соню ван Астен, круглой сиротой.

Бездна, пролегающая между Ураном и Луной, не пугала девушку.

– Для любви расстояния не имеют значения, – сказала она в пилотской кабине исину фрегата.

– Задание не понял, – флегматично ответил искусственный интеллект и деловито поинтересовался: – Курс, скорость следования, параметры и координаты конечной точки маршрута?

Соня на секунду задумалась. Корабли класса «Зоркий» строились пару десятков лет назад ограниченной серией на знаменитых фобосовских верфях «Первого марсианского завода» для нужд Космофлота. Достаточно скоростные,

с неплохим вооружением, они предназначались для патрулирования высоких орбит планет-гигантов. Два дивизиона фрегатов несли службу по охране юпитерианского летающего города Хейхо, сколько-то защищали дальние подступы к Нептуну, но массовый выпуск фрегатов был свернут в связи с появлением современных корветов типа «Краб», «Скорпион» и «Меганевра».

Дело в том, что из-за небольшого запаса автономного хода фрегаты не могли совершать дальние межпланетные перелеты, а внушительные размеры не позволяли им базироваться на борту крейсеров. Для орбитальной обороны более подходили мониторы и ракетные платформы, для связи – клиперы. Фрегаты стали тупиковой ветвью развития боевых кораблей и тихо дослуживали свой век.

«Армии пробуждения» удалось захватить один из них во время прошлогоднего героического рейда на Нептун. Израненный корабль подлатали, нарекли «Зорким», в Космофлоте он именовался очень уж неблагозвучно – «Гренобль», видимо, в честь стертого ледником какого-то земного города – и отрядили в патрульно-дозорную службу.

Когда штаб «Армии пробуждения» начал готовить операцию по захвату Луны, с Оазиса отозвали практически все боевые корабли звездных борцов. Остались буксиры, пара орбитальных мониторов и «Зоркий», так что выбор у Сони был невелик. Точнее, его не было вовсе.

– Идем до «Покоя», там делаем дозаправку – и на Луну, – взвесив все «за» и «против», ответила девушка исину. – Координаты точки прибытия назову позднее. Как понял?

– Понял вас хорошо, расчет курса до станции «Покой» завершен, – лаконично произнес исин. – Время полета – четверо стандартных суток.

– Тогда стартуем, – Соня уселась в кресло первого пилота и мягкие лапы компенсаторов обвили ее, словно руки любимого.

Пока исин тестировал системы корабля и прогревал двигатели, Соня предприняла попытку еще раз связаться со штабом, используя станцию гиперсвязи Оазиса – безрезультатно. Тогда она рискнула выйти напрямую на товарища Бету – второй человек в «Армии пробуждения» обязан был знать, где его непосредственный начальник. Но адъютант в ответ на запрос прислал короткое сообщение: «Товарищ Дементьев отсутствует, ответить вам не может».

– Корабль к старту готов, – пророкотал исин.

– Старт! – нетерпеливо приказала Соня.

Она не знала, что в эти минуты десантно-штурмовой модуль «Дамокл», пилотируемый товарищем Дементьевым, входил в земную атмосферу где-то над Западной Сибирью...

– Товарищ Дементьев! – дежурный боец Отдела Особых действий, несущий стражу во внутренних апартаментах дворца Оберпротектора, сделал шаг вперед. – Вас уже несколько часов ожидает сестра Кобра... У вас что-то с глазами?

– Спецлинзы. Зачем пустил? – устало пробурчал Прусаков. – Впрочем... Соединись с хозслужбой, пусть доставят ужин... на двоих.

Пинком открыв двери в покой, он прошел через анфиладу комнат к ванной. Сестра Кобра выскочила из спальни. Она что-то хотела сказать, но увидела злое лицо товарища Беты и прикрыла открытый рот ладонью. Геннадий молча указал на столовую – жди, мол.

Стянув с себя комбинезон, он сжал в руке фигурку волка и полез под секущие струи контрастного душа. Когда кожа стала красной, а туман в голове рассеялся, Геннадий рухнул в объятия массажного аппарата. В заключение он прошел через ионизатор и почувствовал себя более-менее сносно.

Завернувшись в махровую простыню, Прусаков сунул фигурку волка под широкий браслет наручного коммуникатора и прошлепал в столовую, куда уже подали ужин. Судя по всему,

его доставили из какого-то фешенебельного ресторана Лунограда. Омары, фуа гра, трюфели, спаржа, сырное ассорти и две бутылки красного «Полонеза» девятого года.

– Шикарно жили олигархи, – усмехнулся Геннадий, усаживаясь в кресло.

Сестра Кобра, коротавшая время с бокалом вина, к этому моменту полностью овладела собой. Женщина усмехнулась уголками рта.

– Товарищ Дементьев удивлен?

– Товарищ Дементьев голоден, – не принял игривого тона Геннадий и взялся за омара.

Варварски схватив его руками, он отломил клешню так, что красный пахучий сок брызнул во все стороны, и принялся высасывать нежное мясо. Поймав удивленный взгляд сестры Кобры, Геннадий на секунду оторвался от еды.

– А что привело вас сюда, сестра, да еще и заставило одеться так... м-м-м... фривольно? Кстати, угощайтесь.

– Благодарю, – наклонила платиновую голову сестра Кобра. Она всегда следила за своей прической и выглядела безупречно. – У меня есть некая информация, которая, возможно, будет вам небезинтересна, товарищ...

– Геннадий, – поморщился Прусаков. – Называйте меня Геннадием. Мне так привычнее.

Сестра Кобра сдержала удивленную гримасу, сделала глоток вина и заговорила:

– Вам не кажется, това... Геннадий, что революция топчется на месте?

– Задавать вопросы – странный способ делиться информацией, – заметил Прусаков, обсасывая вторую клешню. – Впрочем, извольте. Да, кажется.

– А вы знаете, почему?

– Черт возьми! – Прусаков бросил растерзанного омара и вытер руки прямо о скатерть. – Вы пришли интриговать меня?

Ну-ка, быстро – что вам нужно? Или выметайтесь! У меня был очень трудный день.

– Конечно, конечно... – в глазах сестры Кобры мелькнул испуг. – Из очень надежного источника мне стало известно... кто был человеческим материалом для пересадки личности Максима Верховцева.

– Товарища Альфы? И кто же?

– Сын президента корпорации «Кольцо» Степана Николаевича Гумилева Матвей, – быстро и четко ответила сестра Кобра.

– М-м-м? – только и смог произнести Прусаков, застыв над столом с бутылкой вина в одной руке и бокалом в другой.

Разноцветные – один зеленый, другой голубой – глаза Геннадия вспыхнули недобрым огнем. Простыня сползла с плеч и упала на стул, но он не обратил на это досадное обстоятельство никакого внимания. Мозг Прусакова начал просчитывать возможные варианты развития событий. Сестра Кобра, тактично отведя взгляд от обнаженного мужчины, покачивала босой ногой. Шелковый халат как бы случайно соскользнул с ее колена, но Геннадию сейчас было не до того.

Подхватив простыню, он запахнул ее на манер древнеримской тоги и принял расхаживать по столовой, бормоча что-то себе под нос. Вдруг остановился и резко развернулся всем телом к сидящей за столом женщине.

– Источник? Источник информации?

– Тот же, что и всегда... – пролепетала сестра Кобра.

Она только сейчас заметила, что глаза человека, известного ей как товарищ Дементьев, поменяли цвет. Один был голубым, второй – изумрудно-зеленым.

– Черный шлем? – уточнил Прусаков. – Наставник?

– Да... товарищ... господин...

– Геннадий, – поморщился мужчина. – Я же просил!

– Геннадий... Могу я спросить?

– Про глаза? – Прусаков улыбнулся, и его улыбка напугала сестру Кобру еще больше.

– Да...

– Как тебя зовут, сестра? Точнее, как тебя звали до вступления в ваше братство?

– Александра...

– Так вот, Александра, если ты хочешь стать той, кем собирались, идя сюда – никогда больше не задавай мне вопросов. Поняла?

– Да, Геннадий, – сестра Кобра опустила голову.

Она испытывала безотчетный страх и не могла понять, почему ее так пугает и одновременно манит к себе этот человек, еще недавно бывший товарищем Дементьевым. Хотелось угодить ему, выполнять все его приказания. Хотелось быть покорной.

– Иди в спальню, – бросил Прусаков, наливая себе вина. – Я сейчас буду.

Сестра Кобра сорвалась с места и на цыпочках выбежала из столовой.

– Матвей Гумилев... – прошептал Геннадий, глядя на свое отражение в зеркальной поверхности огромного окна. – Вот это да! Что ж, господа данайцы, ваши подарки становятся все интереснее и интереснее. И теперь-то я уже совершенно точно не отступлю...

Последние часы полета Максим, доведенный неизвестностью и собственной беспомощностью до отчаяния, всерьез подумывал о самоубийстве. Но, разумеется, бдительные наноботы, день и ночь окружавшие его в рубке крейсера «Вольный», не предоставили лидеру «Армии пробуждения» ни малейшего шанса.

«Еще бы, – с тоской думал Максим, разглядывая через иллюминатор визуального контроля приближающуюся громаду станции «Амур». – Захватить самого товарища Альфа и дать

ему возможность, как говорят стэлмены, «уйти в смерть» – этого Гумилев своим подручным не простит».

Максим никогда в жизни не встречался с Гумилевым, видел только изображения, но в его голове сложился совершенно четкий и законченный образ президента корпорации «Кольцо»: коварный, жесткий, хитрый, алчный человек, готовый ради сохранения своих сверхприбылей на все. В общем, типичная акула, патентованный олигарх, чья корпорация – один из первых кандидатов на национализацию.

Линию поведения Максим продумал до мелочей, благо последние часы Исинка ничем его не тревожила. Плотно перекусив – ветчина, поджаренные хлебцы, сыр, салат из свежих овощей, кофе – Максим подремал, откинувшись в кресле, но сон не принес облегчения. Голова продолжала работать, просчитывая различные варианты развития событий. Фигурка льва, с которой Максим не расставался ни на секунду, источала ободряющий холод.

Голос Исинки прозвучал как гром среди ясного неба, неожиданно и тревожно:

– Мы прибыли. Я связалась с диспетчерской станции «Амур». За тобой высылают членок.

– Разве мы не пристыкуемся? – удивился Максим.

– Это лишнее. Крейсер «Вольный» отправится в обратный путь. Надо сбить твоих бывших соратников со следа.

Слово «бывших» неприятно кольнуло Максима. А сразу следом за этим он подумал о возможных сюрпризах, которые Исинка может приготовить тем, кто найдет крейсер.

– У меня просьба, – тихо произнес он.

– Слушаю внимательно, – Исинка была сама любезность.

– Пообещай мне, что когда мои... соратники найдут «Вольный» и проникнут внутрь, никто из них не погибнет.

– Обещание есть формальность, присущая вербальному способу общения, – туманно ответил искусственный интеллект.

– Пообещай! – настаивал Максим.

– У тебя увеличился пульс. Успокойся. Нет никаких причин для волнения. Если ты думаешь, что я заминирую крейсер, размещу в отсеках мины-ловушки, низкочастотные генераторы или автоматические лазерные системы, а также любые другие средства из арсенала диверсионной борьбы, то ошибаешься.

– И на том спасибо, – проворчал Максим.

У него не было оснований не верить Исинке – по идее, искусственные интеллекты по определению не могли говорить неправду и причинять вред человеку, хотя ходили какие-то темные слухи о создании боевых киберсистем с исинами, свободными от всяких ограничений.

«Кто его знает, что там, в электронных мозгах этой Исинки, – мрачно думал Максим, прохаживаясь по тамбуру стыковочного узла в ожидании прибытия челнока. – И потом – она слишком умна и развита, чтобы давать прямые ответы».

– До свидания, Матвей, – сказала на прощание Исинка. – Надеюсь, скоро мы вновь сможем пообщаться, но уже по-другому.

– А я вот не надеюсь, – только и смог ответить Максим.

Конгломераты наноботов, сопровождающие пленника, безмолвными гротескными статуями застыли по углам отсека. Мелодичный сигнал оповестил Максима, что челнок прибыл и стыковка прошла успешно.

– Ну, богиня Справедливости, – мысленно он представил строгие и торжественные черты ледяной скульптуры, высеченной Людвигом ван Астеном и установленной на аллее Павших героев на Уране. – Помоги мне...

ЭПИЗОД 6

Правильный ответ

Орбита Венеры, станция «Амур», штаб-квартира корпорации «Кольцо»

На челноке прибыло два десятка человек, но президента «Кольца» Гумилева среди них не оказалось. Облаченные в бронескафандры бойцы из Службы безопасности корпорации, с тяжелыми плазменниками «Сармат» наперевес, разместились по периметру тамбура. Вперед вышел молодой мужчина в строгом костюме. Правильные черты лица, идеальный пробор на голове, сверкающие ботинки – этот человек явно выполнял в корпорации представительские функции.

– Добрый день, Матвей Степанович, с прибытием вас! – бело-зубо улыбнулся встречающий. – Как долетели? Как здоровье?

– Перестаньте! – рявкнул Максим. – Это клоунада не делает чести ни вам, ни нашему хозяину.

– Прошу прощения, – человек погасил улыбку, отошел чуть в сторону. – Проходите на борт челнока. Президент корпорации «Кольцо» Степан Николаевич Гумилев ждет вас.

Садясь в кресло, Максим краем глаза заметил, что к «Вольному» подошло еще одно судно и пристыковалось к грузовому стыковочному узлу. «Наноботов перегружают, – с неприязнью подумал он. – Этот Гумилев рад небось, что столько добра задарма получил. Ждет он меня, как же! Наверняка сидит сейчас, прибыли подсчитывает...».

Но президент «Кольца» и в самом деле ждал гостя, и не просто ждал – волновался, вытирая руки платком, бегал по устланному коврами холлу VIP-шлюза, а на все просьбы и предложения

референтов принять успокоительное лишь досадливо махал рукой – ни к чему, мол.

Увидев Максима, идущего по ковровой дорожке от тамбура, Гумилев бросился навстречу, частя на ходу:

– Матвей, боже мой! Жив! Слава богу! Мать извелаась вся, я с ней час назад говорил по гиперсвязи. Она на Титан летит, эвакуирована вместе с осталь...

– Во-первых, – выпятив подбородок, жестко оборвал это словоизвержение Максим, – я, Максим Верховцев, как товарищ Альфа «Армии пробуждения» и как Председатель Временного правительства Солнечной системы, официально заявляю свой протест. Во-вторых, я требую, чтобы ко мне относились в соответствии с нормами права, как к дипломатическому лицу. В-третьих, я настаиваю на немедленной связи с командованием «Армии пробуждения» и Временным правительством и возврате мне крейсера «Вольный» или передаче любого иного безопасного транспортного средства, способного в максимально кратчайшие сроки доставить меня на Луну. И, наконец, в четвертых – я настаиваю на немедленной изоляции так называемого искусственного интеллекта Исинка и помещении носителя с ее интеллектуальным ядром в силовое поле для дальнейшего расследования. В случае, если все мои требования будут немедленно и без проволочек выполнены, я гарантирую вам, господин президент, что трибунал, который станет расследовать преступную деятельность корпорации «Кольцо», будет справедливым и беспристрастным. Это все.

И несколько картино сложив руки на груди, Максим замер, сверху вниз поглядывая на совершенно смешавшегося Гумилева.

– Какой трибунал, Матюша... – тот развел руками, губы дрогнули, глаза подозрительно заблестели. – Ты что, и вправду... чужой?

– Я выдвинул требования и хотел бы разговора по существу, – отчеканил Максим, задирая подбородок еще выше.

Перемена, произошедшая с Гумилевым после этих слов, не- приятно поразила его. Президент корпорации «Кольцо» секунду, не более, находился в ступоре и вдруг, мгновенно, преобразился из волнующегося, растерянного пожилого человека в сурового, властного мужчину, привыкшего принимать решения и не боящегося ответственности.

– Что ж, хорошо, – заведя руки за спину, произнес Гумилев. – Сыграем в эту игру, сударь. Извольте выслушать мой ответ на ваши требования: нет, нет, нет и нет. А ваш крейсер «Вольный» в автоматическом режиме уже вылетел курсом на Солнце.

– Зачем? Это же глупость – уничтожать такой корабль! – вскричал Максим.

– Не глупость, а разумная осторожность, – отрезал Гумилев. – Теперь ступайте в карцер. Когда мне будет угодно, я допрошу вас. И совершенно не гарантирую при этом, что допрос будет справедливым и беспристрастным. Олег! Уведите.

Максима довольно грубо пихнули в спину стволом «Сарматы», давая понять, что приказания Гумилева в корпорации выполняются быстро и четко.

Карцер, вопреки ожиданиям Максима, готовящего себя к голым стальным стенам и пластиковым нарам, оказался просторным помещением с чистой кроватью, душевой, спортивными тренажерами и инфомонитором, прикрепленным под потолком. Правда, передавали по нему лишь записи развлекательных программ с общесистемного канала «Солнечный ветер», но это было лучше, чем ничего.

Завалившись поверх покрывала на кровать, Максим задумался, параллельно следя за экраном. Передавали какую-то викторину для старших школьников. Викторина называлась «Знаешь ли ты Солсис?» и показалась Максиму смутно знакомой – он то ли где-то ее уже видел, то ли порядок вопросов совпадал с данными из сетевых энциклопедий...

Участники, выступающие под никами, пятерка ребят лет четырнадцати, сидели под полусферой огромного экрана, на котором отображалась вся Солнечная система. Ведущий, седенький, благообразный старичок в черной мантии, типичный, классический профессор-астроном, задавал вопросы, время от времени тыча виртуальной указкой в тот или иной объект. В зависимости от правильности, четкости и полноты ответа участники получали от ноля до пяти баллов. Выигрывал тот, кто первым набирал две сотни.

Вопросы оказались не сложными. Постепенно Максим увлекся и даже начал болеть за скромного, лобастого паренька с открытым, располагающим лицом, имевшего ник «Арес» – так древние греки именовали бога войны. К этому моменту участники викторины подошли к рубежу в полторы сотни очков, вопросы стали более сложными и вскоре фаворит Максима вырвался вперед. Но буквально в спину ему дышал другой подросток со странно знакомым узким лицом и неприятным, колючим взглядом глубоко посаженных глаз. Ник этого участника звучал как «Фаэтон».

Профессор-ведущий все усложнял и усложнял вопросы. Отрыв пары лидеров увеличился. Арес набрал уже сто семьдесят пять очков, Фаэтон – на пять меньше. Трое остальных сошли с дистанции, по три раза ответив неправильно. По правилам игры это означало дисквалификацию.

– Предлагаю двум нашим оставшимся интеллектуалам сыграть в супер-игру, – воздев костлявые руки, объявил профессор-ведущий. – Я задам один-единственный вопрос. Тот, кто первым правильно ответит на него, обретет сразу тридцать баллов, что будет означать автоматический выигрыш и получение главного приза нашей викторины – Большого интерактивного атласа Солнечной системы под редакцией академика Смирнова.

Стоило только ведущему произнести эти слова – «Большой интерактивный атлас Солнечной...», как у Максима вдруг

сладко заныло под ложечкой. Он вспомнил, как хотел в детстве обладать этой волшебной штуковиной, позволяющей создать абсолютно реальную объемную модель Солисса прямо у себя в комнате и затем путешествовать с планеты на планету, следить за орбитами комет, перемещениями астероидов, помогать конвоям судов добираться до поселений на спутниках Юпитера и Сатурна, отбивать атаки пиратов и экстремистов и выискивать их логова в недрах каменных глыб пояса астероидов...

Тем временем события на экране приближались к своей кульминации. Разумеется, оба подростка согласились участвовать в супер-игре, и старичок в мантии, торжественно перечислив спонсоров викторины, перешел к вопросу.

Максиму стало интересно – сумеет ли он ответить на него раньше участников? И еще почему-то ему показалось, что он знает, о чем будет вопрос.

Ведущий выдержал торжественную паузу и произнес, глядя на участников:

– Ответствуйте же, юноши: какой созданный руками человека аппарат, в каком году и в каком месте первым достиг поверхности Марса? Время!

Прозвучал гонг и часы в студии принялись отсчитывать секунды.

Первым на кнопку нажал узколицый.

– Есть ответ? – вскинул седые бровки ведущий. – Слушаем участника под ником Фаэтон.

– Первой поверхности Марса достигла межпланетная станция «Марс-3», это произошло второго декабря тысяча девятьсот семьдесят первого года. Аппарат совершил посадку недалеко от северного края кратера Птолемей в Земле Сирен, – победоносно улыбаясь, сказал узколицый.

– Ответ неверный, – прошептал Максим.

– Ответ неверный! – воскликнул ведущий.

И тогда загорелась световая панель над Аресом.

– Вы готовы дать другой ответ? – на долю секунды раньше ведущего произнес Максим.

Ему было нехорошо. В голове возник неприятный туман, мгла, и он смотрел сквозь эту мглу как бы глазами парнишки, выступавшего под ником Арес.

А самое главное – он знал, знал, что произойдет в студии!

– Да, готов, – взволнованно кивнул Арес и торопливо, сбиваясь, заговорил, но Максим опередил его на полсекунды и парнишка повторил за ним слово в слово: – Первым на поверхность Марса опустился двадцать седьмого ноября тысяча девятьсот семьдесят первого года аппарат «Марс-2». Он упал в долине Нанеди, это в земле Ксанфа, где сейчас заповедник. «Марс-2» доставил на поверхность планеты металлический вымпел с надписью «СССР». Вымпел был найден в две тысячи сто сорок четвертом году и ныне находится в Музее Освоения.

– И-и-и… это правильный ответ! – возвестил ведущий.

Арес впервые за все время викторины улыбнулся, повернулся к камере и выкинул вверх сжатый кулак, как спортсмен после удачного удара, закончившегося голом.

– Участник под ником Фаэтон, а попросту ученик десятого класса Первой Лунной гимназии Геннадий Прусаков получает поощрительный приз – коллекцию редких минералов с астероида Орк из пояса Койпера! – продолжал верещать старишок.

– А наш победитель, участник под ником Арес, в миру также ученик десятого класса той же Первой Лунной гимназии Матвей Гумилев становится счастливым обладателем Большого интерактивного атласа…

Максим закрыл глаза, чтобы не видеть довольную физиономию Ареса. Потому что это было его лицо. В четырнадцать он выглядел точно так же.

Отвернувшись к стене – выключить инфомонитор не было никакой возможности – Максим скрипнул зубами.

«Псилообработка. Мне пытаются внушить, что я – Гумилев. Ну-ну, давайте, – со злостью думал он, сжимая в руке фигурку льва, – попробуйте. Ничего у вас не выйдет. Я не сдамся».

В том, что он действительно ПОМНИЛ викторину, вопросы и ответы участников, Максим в те минуты не признался бы даже под пыткой.

– Степан Николаевич, голубчик, – академик Китаев, один из лучших в Солнечной системе специалистов по нейропатологии, посмотрел на президента корпорации «Кольцо» и улыбнулся. – Как вы видите, наш пациент стойко сопротивляется попыткам достучаться до его истинной личности. Это, учитывая ту степень вмешательства в его мозг, которую я наблюдаю, вполне нормально. Он в настоящий момент – не ваш сын, а совсем другой человек...

– Но вы утверждали, господин Китаев, что ваши методики... – начал Гумилев.

– Именно что – методики! – кивнул Китаев, оглаживая ухоженную бороду. – Они разные, дорогой мой Степан Николаевич. Сейчас мы пытаемся провести дистанционную психокоррекцию. Нужно еще несколько сеансов, чтобы окончательно выяснить, насколько обширны области разрывов нейроканалов. Вот, посмотрите...

Академик включил голограм и вывел в пространство над рабочим столом Гумилева объемное изображение человеческого мозга. Укрупнив его, он принялся объяснять, водя световой пульт-указкой.

– Эта зона, назовем ее условно зоной оперативной памяти и закрасим синим, отвечает за воспоминания, приобретенные в короткие периоды времени – день-сутки. Посредством нейроканалов она связана вот с этими крупными узлами и находящимися за ними объемными долями мозга, где хранится долговременная информация. Сегмент, в котором живут воспоминания

вашего сына, Матвея Гумилева, закрасим зеленым. Сегмент с памятью его нынешней личности, известной нам как Максим Верховцев – красным. Теперь вы хорошо видите, как происходит обмен информацией. Все приобретенные за день знания передаются из синей в красную зону и там накапливаются. За ночь, в процессе сна, синяя зона очищается, но проснувшись, пациент помнит о большинстве вчерашних событий, так как между красной и синей зонами имеется обратная связь.

Степан Николаевич, поморщившись при слове «пациент» – ему было неприятно, что так именуют его сына – спросил:

– Терентий Апполинариевич, а это что за желтые полоски?

– Голубчик, вы, как всегда, ухватили самую суть, – расплылся в довольной улыбке нейропатолог. – Эти, как вы изволили выразиться, полоски есть ключевой момент нашей проблемы. Как вы заметили, они присутствуют только на периферии зеленой зоны. Это заблокированные нейроканалы связи истинной личности пациента с зоной оперативной памяти, Степан Николаевич. Да, да, вы наблюдаете последствия вмешательства в мозг вашего сына, причем вмешательства дистанционного. И хотел бы я знать, черт возьми, кто располагает такими технологиями… Впрочем, сейчас не это главное. Нам необходимо разблокировать их, соединить зеленую зону с синей – тогда личность Матвея вернется.

– А личность этого… Максима Верховцева? – с тревогой в голосе поинтересовался Гумилев.

Академик замялся, увеличил голограмму.

– Увы, Степан Николаевич, когда имеешь дело с живым человеческим мозгом, стопроцентно уверенным нельзя быть ни в чем. Но мы попытаемся, конечно. Да, и я не упомянул об одной важной вещи: если мы станем продолжать стимулировать синюю зону, показывая пациенту разнообразные видеосюжеты, картинки, предметы, рассказывая ему о прошлом Матвея, вполне возможно, что удастся обойтись без оперативного вмешательства…

– Я уже отдал распоряжение привести Матвея, – кивнул Гумилев. – Поговорю с ним, напомню кое-что... С памятными предметами, понятное дело, тugo – большинство вещей на Луне, дома, хотя, скорее всего, и оттуда добыть их уже не получится, сами знаете, что сейчас творится в окрестностях Лунограда...

– Это ужасно, – вздохнул нейропатолог, прибывший на станцию «Амур» по приглашению корпорации «Кольцо» для участия в совместном проекте как раз за несколько дней до начала штурма Луны бойцами «Армии пробуждения».

– Но картинки, фотографии, видео – все это есть, – продолжил Гумилев. – Терентий Апполинариевич, я приложу все усилия, но уж и вы...

– Конечно, голубчик, конечно, – замахал руками академик. – Аппаратура у вас самая современная, мы вместе с вашими сотрудниками проводим постоянный мониторинг нейроактивности и глубокое сканирование мозга пациента...

Степан Николаевич вновь скривился, и это не укрылось от Китаева.

– Я вижу, вам неприятно это слово, – оборвав сам себя, произнес он участливо. – Извините старика, привычка. В общем, мильнейший Степан Николаевич, беседуйте с сыном, тормошите его, подсовывайте воспоминания, а я буду наблюдать. Как только обнаружится положительная динамика, сразу извещу. Ну, удачи!

– И вам, Терентий Апполинариевич, – через силу улыбнулся Гумилев.

Академик был ему неприятен. Не как человек, а скорее как некое абстрактное «оно», которое называет его сына «пациент» и копается в мозгах Матвея.

Первая беседа прошла с нулевым результатом. Матвей, убежденный, что он – вождь революции Максим Верховцев, на контакт не шел, вел себя дерзко и высокомерно. Он все время пытался узнать у Степана Николаевича, с какой целью его похитили и почему корпорация «Кольцо» до сих пор не озвучила своих требований.

– Да пойми же, Матюша… – в очередной раз начал объяснять Гумилев.

– Хватит! – рявкнул Верховцев и ударил кулаком по столу. – Я вам не Матюша! Вы объясните, наконец, что вам нужно? Зачем все это? Гумилев, я всегда думал, что вы – хитрый и хищный враг, опасный и коварный. Но сейчас вы производите впечатление круглого дурака.

– Вам знакома эта женщина? – не обращая внимания на оскорбление, Гумилев пододвинул Максиму фоторамку.

Скользнув глазами по приятной шатенке с добрыми глазами, Верховцев отрицательно покачал головой и подкрепил свой ответ словами:

– Впервые вижу.

– Посмотрите внимательнее, – не приказал, а попросил Гумилев.

Максим почувствовал, что и сам почему-то хочет еще раз рассмотреть портрет. Он взял рамку в руки, взгляделся...

Женщина как женщина. Лет сорок пять, очень хорошо выглядит, одета стильно и модно. Сфотографирована на фоне цветущих яблонь где-то в окрестностях Лунограда – вон слева сквозь дымку видны шпили Дворца Правосудия.

И тут он вновь, как и при просмотре викторины в камере, почувствовал, как голову заволакивает мгла. Рассматривая фотографию, Максим уже не мог понять, знакома ему эта женщина или нет. Память превратилась в кисельный сгусток, то и дело выталкивая на поверхность какие-то странные образы и имена.

– Н-нет, – с испугом отставив рамку, проговорил Максим. – Я ее н-не знаю...

Гумилев выдержал паузу, во время которой он словно бы прислушивался к чему-то, потом неожиданно улыбнулся.

– Ну, не знаете – так не знаете. Ступайте, отдохните, м-м-м... господин Верховцев. Вас сопроводят.

ЭПИЗОД 7

Кумкватное варенье

Станция «Амур», штаб-квартира корпорации «Кольцо»

– Динамика явно положительная! – возбужденно потирал желтые ручки Китаев. – Еще несколько сеансов – и мы сломаем блокировку!

– А если нет? – мрачно спросил Гумилев.

Он оптимизма академика не разделял. Матвей не узнал собственную мать, которую буквально боготворил. Правда, Китаев продемонстрировал Степану Николаевичу запись с мониторов нейросканеров, на которой было видно, что желтые полосы в тот момент, когда Верховцев разглядывал фотографию, истончились. Нужны были еще более сильные эмоции, стимулирующие память. Но, откровенно говоря, Гумилев не мог придумать, что может всколыхнуть Матвея. Конечно, в другой ситуации они полетели бы на Луну, и там, дома...

Дома... Нет теперь никакого дома. Разграблен и сожжен. По окрестностям Лунограда бродят банды мародеров, на Ривьере пожары, в Светлогорске какой-то придурок захватил пассажирский стратолайнер и требовал назначить его новым Оберпротектором, угрожая в противном случае взорвать всех людей на борту. Но поскольку полиция и спецслужбы накануне были распущены, переговоры с горе-террористом вели... журналисты. Все новостные каналы передавали это в прямом эфире. Начавшись как трагедия, история с захватом завершилась фарсом – корреспондент «Вестника Колоний» Потап Самохин, уставший объяснять маловменяемому и явно нездоровому человеку, что к чему, торжественно, перед объективами множе-

ства камер, нарек его Оберпротектором и предложил это дело отметить.

Увидев бутылки с вином и коньяком, террорист очень оживился, сложил оружие и далее изумленные зрители в течение трех часов наблюдали в прямом эфире безобразную попойку с песнями и танцами, в которой приняли участие и съемочные группы, и пассажиры, и даже экипаж стратолайнера.

Мир определенно сошел с ума, но в данный момент Гумилева волновал не он, а собственный сын. Матвей в какой-то степени тоже являлся сумасшедшим – и в то же время был абсолютно нормальным, вменяемым человеком.

Вот только – другим.

– Я вытащу тебя, Матюша, – прошептал Степан Николаевич, глядя на портрет жены. – Вытащу обязательно. Ты нам нужен. Ты нужен мне. Я неправляюсь один...

Прошли сутки. За это время Максима трижды водили на допросы к Гумилеву. Впрочем, сам глава «Кольца» именовал их беседами. Всякий раз общение развивалось по разным сценариям – Степан Николаевич то рассказывал сыну истории из его детства, то показывал видеозаписи, то приглашал в свой кабинет сотрудников «Кольца», которых Матвей знал в прошлом.

Результат по-прежнему был нулевым. Желтые полоски не сдавались. Максим Верховцев то ругался, то смеялся, то откровенно издевался над Гумилевым. Академик Китаев разводил руками и заводил разговор о долговременной – полугодовой как минимум – программе работы с пациентом.

– У нас нет ни полгода, ни даже месяца, – сердито объяснял ему Степан Николаевич. – Вы же видите, что происходит в Солисе!

– Вижу, дорогой вы мой, – печально тряс лысой головой академик. – Провинция Аркадия на Марсе объявила о суверените. На Ио взбунтовались заключенные и там теперь «Свободная

республика Ио». Боже мой! Старый мир рухнул. Новый... Я не знаю, не знаю... Голубчик Степан Николаевич, если вам нужны немедленные результаты, остается только одно...

– Нет, – твердо сказал Гумилев. – Пока есть хоть малейшая надежда обойтись без нейрокоррекции – будем пробовать другие способы. Своими собственными руками превратить единственного сына в слюнявого идиота, в овощ...

– Ну, это происходит менее чем в тридцати процентов случаев, – начал Китаев, но заметив, как изменилось лицо Гумилева, поспешил закончил: – И я бы конечно не рекомендовал, да.

– Сегодня я попробую повысить градус эмоций, – усмехнулся Степан Николаевич, но тут на панели связи зажегся алый огонек экстренного вызова.

– Что случилось? – буркнул Гумилев в микрофон. – Я занят!

– Степан Николаевич, включите новости, – взволнованным голосом произнес дежурный офицер Службы безопасности корпорации. – Прямая трансляция из здания Генеральной Ассамблеи...

– Ваша карта бита, господин Гумилев, – усмехнулся Максим.
– Те преференции для корпорации «Кольцо», на которые вы рассчитываете, объявив меня своим сыном – это мираж. Звездные борцы никогда не пойдут на сговор с олигархическим капиталом.

– Поверьте, – мягко ответил президент «Кольца», – вы ошибаетесь. Ни о каких преференциях речи не идет. Мне гораздо важнее, чтобы вы обрели свое истинное «я», стали тем, кем были рождены. Матвей... ты очень нужен мне, маме, всем нам. Ситуация критическая...

– Довольно! – Максим вскочил. – Это бред, бред, бред! И я устал его слушать. Ведите в камеру!

– Ты не владеешь информацией, – переходя на «ты», все также спокойно произнес Гумилев. – Твои бывшие соратники уже

отказались от тебя. Ты больше не товарищ Альфа и не глава Временного правительства...

— Ложь!

— Изволь посмотреть, — Гумилев кивнул на стену.

Большой стационарный инфомонитор немедленно засвятился, по нему пошла заставка новостного канала «Первый Солнечный». Максим увидел товарища Бету в окружении лидеров «Армии пробуждения». Съемка производилась в Мраморном зале здания Генеральной Ассамблеи. Вожди революции занимали президиум, зал был набит битком журналистами, звездными борцами. Среди сидящих и стоящих в проходах почему-то было много офицеров Космофлота, причем высших офицеров, и государственных чиновников. Все возбужденно переговаривались, слышались какие-то выкрики, смех, хлопки.

Товарищ Дементьев на правах старшего встал с места, поднял руку, призывая к тишине. Максима несколько удивил костюм товарища Беты. Это был строгий темно-синий двубортный мундир с воротником-стойкой, серебряными пуговицами и серебряными эполетами в виде двух сияющих Лун. А вот привычной эмблемы «Армии пробуждения» на рукаве он не заметил.

Едва товарищ Дементьев поднялся, как сотни камер взмыли к потолку, нацелив на него объективы. Гул в зале стих. Наступила абсолютная, хрустальная тишина.

— Итак, — глядя прямо в зал, негромко произнес товарищ Дементьев, — я собрал здесь всю элиту Солнечной системы для того, чтобы сделать официальное заявление исторического характера. Заранее предупреждаю — после того, как я закончу, часы человечества начнут новый отсчет времени. В эпохальном плане новый. Итак...

Он сделал паузу, взял высокий стакан с водой, но пить не стал, лишь смочил губы. От Максима не укрылось, что в облике

товарища Беты проскользнуло что-то пугающее, злое. Обведя тяжелым взглядом собравшихся, он продолжил:

– Господа! Жители Солнечной системы! Я, Геннадий Васильевич Прусаков, волею самой судьбы обреченный стать спасителем человечества, объявляю о перезагрузке всей политической конструкции. Эта нелегкая ноша легла на мои плечи вследствие предательства, да, да, предательства, поразившего самую верхушку «Армии пробуждения». Коварный враг прорвался в святая святых звездных борцов, втерся в доверие к нашему горячо любимому товарищу Альфе Людвигу ван Астену – и погубил его! Более того – этот враг извратил саму суть нашего дела, по его приказу пролилась кровь невинных людей и, что самое ужасное, гражданского населения. Проведенное расследование выявило еще более вопиющие вещи. Речь идет о настоящем заговоре! И сейчас я готов назвать имена заказчиков и исполнителей...

Товарищ Дементьев прервался. Теперь он сделал полноценный глоток, не глядя отставил стакан и провел ладонью по лицу, давая понять, что волнуется.

Максим, развалившись в кресле, улыбался. Он прекрасно понимал, что запись – подделка, очередной этап психологической обработки. Правда, суть замысла подручных Гумилева от него ускользала – зачем все так сложно-то?

С экрана вновь зазвучал голос товарища Дементьева.

– Человек, которого мы все знали как нового товарища Альфа и даже как Председателя Временного правительства, человек, убивший Оберпротектора Колоний Гая Руднева, человек, известный многим как Максим Верховцев – никто иной как родной сын президента корпорации «Кольцо» Степана Гумилева Матвей Гумилев. Посмотрите на экран...

Свет в зале потускнел. Огромный панорамный экран засветился, на нем промелькнула старая заставка пресс-службы Генеральной Ассамблеи, а потом возникло два изображения.

Слева был Максим Верховцев в полетном комбинезоне «Армии пробуждения», справа – Матвей Гумилев в парадной форме Космофлота с эмблемами «Беллоны».

– Что называется – найдите десять отличий, – саркастически рассмеялся товарищ Дементьев. – В распоряжении моих ближайших советников имеется множество записей, файлов и даже данных биосканеров, мы провели подробный анализ с привлечением ведущих специалистов, на основании которого сделали заключение: на снимках перед вами – один и тот же человек. Сын президента корпорации «Кольцо» Матвей Гумилев.

В зале поднялся шум, раздалось несколько выкриков с мест, но товарищ Дементьев, или, как он сам себя называл, Геннадий Прусаков, уверенным жестом заставил всех замолчать.

– Это только начало, – вкрадчиво сообщил он. – Свет! Я продолжаю: итак, нами вскрыт заговор. Во главе его – корпорация «Кольцо». Цель заговора – разрушение существующих институтов государственности, дестабилизация обстановки в Солнечной системе, всеобщий хаос – и захват власти. И если бы не мы, простые звездные борцы, втянутые против своей воли в кровавую вакханалию, сейчас и Луна, и Марс уже лежали бы в дымящихся руинах!

– Бред! – фыркнул Максим, не сдержавшись. – Господин Гумилев, вам не надоело? Я не верю ни одному слову. Это монтаж, подделка. Кстати, зачем вы сделали ему разноцветные глаза?

– ...Извратив гуманистическую, созидающую идею «Армии пробуждения», Матвей Гумилев превратил нашу организацию в политическую дубинку, с помощью которой он рассчитывал завоевать власть! – продолжал тем временем вещать бывший товарищ Бета. – И у него, как это ни прискорбно, нашлись подручные. Укрывшись за личинами соратников и даже друзей, они изнутри разваливали нашу организацию. Вот! – его палец Прусакова описал полукруг и неожиданно уткнулся

в сидящего в президиуме товарища Гамму. – Вот этот человек, которого мы знали как крепкого хозяйственника и отважного звездного борца, за нашими спинами вонзали ядовитые зубы изменения и пил нашу кровь!

– Я?! – товарищ Гамма поднялся во весь свой немаленький рост и побледнел. – Товарищ Дементьев, да я же...

– Я вам не товарищ! – отрезал Прусаков и кивнул кому-то.

Тотчас в кадре появились несколько человек в тяжелых экзоскелетах с тщательно закрашенной эмблемой «Армии пробуждения». Заломив товарищу Гамме руки, они споро уволокли его прочь.

Зал снова загудел, но едва Прусаков заговорил, как наступила тишина.

– Все мы видим, к чему привела деятельность заговорщиков! – воздев руки, пафосно воскликнул он. – Наша Родина, наш мир, Солнечная система, погрузилась в анархию! Миллионы людей взывают о помощи! – и неожиданно снизив градус патетики, он спокойно продолжил: – Будем помогать. Впереди много работы. А посему я сейчас зачитаю несколько Указов, вступающих в законную силу с этого момента. Итак, Указ номер один: вся полнота власти в Солнечной системе переходит к Государственному Совету. Возглавляет Совет канцлер Геннадий Васильевич Прусаков, то есть я. Указы и распоряжения Совета являются приоритетными и требуют немедленного исполнения. Все прочие законы, действовавшие до сегодняшнего дня, отменяются.

Сделав еще один глоток воды, Прусаков продолжил:

– Указ номер два: в Солнечной системе объявляется военное положение. Нижеперечисленные организации: «Армия пробуждения», Космофлот, Пограничная служба, Министерство внутренних дел и Служба общественной безопасности – объявляются распущенными как скомпрометировавшие себя. На их основе создаются Военно-Космические силы, Ко-

митет охраны общественного порядка, Службы разведки и контрразведки. Далее...

– Забавно, – рассмеялся Максим. – У вас богатая фантазия, господин Гумилев. Но все не так уж и страшно, – он махнул на экран. – Революция всегда пожирает собственных детей. Можете выключать, мне надоело.

– Увы, – вздохнул Степан Николаевич. – Это не фальшивка. Речь Прусакова транслировалась по всем каналам и информпорталам. Кстати, еще он приказал сменить звания, и теперь все офицеры Военно-Космических сил именуются, как в старину на морском флоте. Это правда, Матвей. Но не вся правда. Пока мы искали тебя, открылись куда более зловещие и ужасные вещи. Скажи, Матвей, кто стоит за «Армией пробуждения»?

– Справедливость, – резко ответил Максим.

– А без идеологической риторики? Кто помогает вам, делится технологиями, кто подсказывает и направляет?

Сжав в кармане льва, Максим нахмурился. Он почувствовал, что игры закончились – начинается настоящий допрос. А это значит, что задумка Гумилева и его подручных с психологическим давлением провалилась.

– Я не намерен отвечать на подобные вопросы, – заявил он.

– Гораздо важнее, что ты знаешь ответы, – вздохнул Гумилев.

– Впрочем, речь сейчас не об этом. Матвей, мне тяжело решаться, но другого выхода нет. Я вынужден подвергнуть тебя процедуре нейрокоррекции...

– Что?! – Максим вскочил, покраснел и сжал кулаки. – Вы не посмеете!

Нейрокоррекцию или операцию по изменению памяти, уже много лет окружал ореол самых зловещих слухов. Человечество к двадцать пятому веку научилось делать много – изменять облик планет, летать на огромные расстояния, создавать роботов

и искусственные интеллекты с невероятными возможностями, использовать законы природы на благо всех и каждого.

И только разум, простой человеческий разум, так и остался тайной за семью печатями. Впрочем, нет, одну печать удалось взломать в середине прошлого, двадцать четвертого века. В лаборатории профессора Терехова на научной станции «Сократ» были разработаны методики, позволяющие вмешиваться в распределение нейронных связей в долях головного мозга и контролировать проистекающие там процессы. Это и была нейрокоррекция.

Для ее проведения требовалась специальная установка, гравитрон с тонкой настройкой гравитационных пучков и мощным нейросканером. Смонтировать установку, прозванную в узких кругах медиков «мозголомом», было не сложно. Гораздо труднее оказалось добиться положительного результата – в среднем каждый третий пациент, прошедший «мозголом», терял память и в лучшем случае начинал жить с нуля. Но было немало тех, кто вообще терял разум, превращаясь в некое подобие зомби из древних легенд.

Однако в отдельных случаях нейрокоррекция творила настоящие чудеса, возвращая к полноценной жизни травмированных или безнадежно больных людей. Тем не менее массовое использование «мозголомов» было запрещено и только несколько закрытых исследовательских центров имели у себя такие установки.

Поскольку корпорация «Кольцо» занималась не только и не столько терраформированием – интересы Степана Гумилева простирались куда в более обширные области приложения человеческого разума и высоких технологий – в закрытой зоне станции «Амур», называемой еще «белой», в лаборатории Х-18, стоял до поры законсервированный «мозголом» нового поколения.

Степан Николаевич предполагал использовать установку для реализации проекта «Телекинез», но этот сверхсекретный, за-

крытый даже от членов Совета директоров корпорации проект был очень далек от реализации.

А установка пригодилась...

– Я буду присутствовать, – не то попросил, не то поставил Китаева в известность Степан Николаевич.

Академик скептически хмыкнул, но возражать не посмел. Он прекрасно понимал – корпорация «Кольцо» в данный момент стала фактически его домом и единственным местом работы. То, что происходило на Луне, Марсе, на научных станциях Академии наук по всей Солнечной, можно было назвать одним кратким и емким словом: «развал».

Научно-исследовательские институты закрывались один за другим, лаборатории и опытные производства подвергались налетам шаек мародеров. Буквально сегодня утром пришло сообщение, что разграблена исследовательская база на астероиде Софокл, занимавшаяся изучением редкопланетных элементов. Уникальное оборудование похищено, не менее уникальные установки взорваны, сотрудники базы частично убиты, частично захвачены нападавшими и увезены в неизвестном направлении.

А в марсианском Центре генетического моделирования, расположенному в лесах на равнине Исиды, произошел пожар, погибли сотрудники, был поврежден охранный периметр и сотни опытных экземпляров генномизмененных животных разбежались. Канал «Первый Солнечный» организовал круглосуточную трансляцию загонной охоты, предпринятой группой добровольцев из числа местных жителей. В итоге в прямом эфире показали, как трехметровый саблезубый тигр-смилодон, восстановленный из генетического материала, обнаруженного в вечной мерзлоте Земли еще три века назад, растерзал двоих мужчин и был расстрелян из лучеметов товарищами убитых.

«Нет уж, – подумал Китаев, приступая к настройке аппарата, – возвращаться туда мне как-то не хочется. Лучше я буду заниматься подпольными операциями по нейрокоррекции, терпеть выходки Гумилева и спасать его сына. Здесь, на «Амуре», по крайней мере, безопасно».

Откровенно говоря, пожилой академик несколько лукавил даже сам с собой – никаких «выходок» Степан Николаевич себе, конечно же, не позволял. Напротив, по его приказу Китаева окружили на «Амуре» максимальным комфортом, и ученый получал все необходимое по первому требованию. Просто Китаеву, как всякому рафинированному интеллигенту, было приятно осознавать себя не только жертвой обстоятельств, а еще и немного угнетенной личностью.

Степан Николаевич, стоя рядом с академиком, думал совсем о другом. Точнее, президент корпорации «Кольцо» в эти минуты вообще старался не думать. Он безотрывно смотрел на спящего сына, покоящегося в специальном саркофаге, опутанного датчиками, беззащитного, одинокого.

«То, что произошло с Матвеем – это не просто ужасно, это за гранью добра и зла, – подумал Гумилев. – Человек может ударить другого человека, нанести емуувечье, убить, в конце концов. Но обойтись с ним вот так, иезуитски заменив одну личность на другую... Ну ничего, ничего! Вот вернется Матвей, придет в себя, и мы всерьез возьмемся за это дело. Только бы дурацкий канцлер со своими наполеоновскими амбициями не помешал. Как он там выразился? «Нами вскрыт заговор. Во главе его – корпорация «Кольцо». Цель заговора – разрушение существующих институтов государственности, дестабилизация обстановки в Солнечной системе, всеобщий хаос – и захват власти», так, кажется. Ловко, ничего не скажешь. Кажется, Прусаков учился вместе с Матвеем. Когда Анна Петровская была похищена с «Юрия Речникова», эта фамилия вроде бы уже всплыvalа... надо будет поднять файлы за тот

период. Но как он оказался в числе иерархов «Армии пробуждения», причем на хитровывернутой должности руководителя Отдела Особых действий? Что-то тут не так. Что-то не стыкуется. С нами, с людьми, играют втемную, стравливая друг с другом. И я теперь, кажется, знаю, кто сидит по ту сторону ломберного стола. Но от этого знания легче не становится, даже наоборот – лучше бы я и дальше находился в счастливом неведении...»

Степан Николаевич против воли тяжело вздохнул, вспоминая подробности секретного доклада, представленного ему одним из агентов Службы безопасности корпорации «Кольцо», внедренных в «Армию пробуждения». Этот агент, оперативная кличка «Сом», в числе прочих искал следы Матвея, а нашел...

Гумилев поежился, вспоминая снимки таинственных существ с прозрачными покровами, сквозь которые просвечивали синие жилы и кровеносные сосуды. Глаза без зрачков, ничего не выражавшие лица... Но то, что за экстремистами, пытавшимися разрушить спокойную и счастливую жизнь человечества, стояли нелюди, было еще полбеды. Из доклада «Сома» косвенно вытекало, чего УЖЕ добились прозрачные. Это стало откровением для Гумилева.

И самое ужасное, что их план продолжал действовать, приносил отравленные плоды! Маховик разрушения запущен, гибнут люди, нормальная жизнь человечества осталась в прошлом...

– Гм... У меня все готово, – негромко произнес Китаев, встав за плечом Гумилева.

– А? – вздрогнул тот, отвлекаясь от тяжелых дум. – Готово? Ну что же, давайте начинать.

Обведя взглядом помещение лаборатории Х-18, Степан Николаевич словно в первый раз увидел идеально белые стены, матовые плафоны освещения под высоким потолком, экраны приборов и нейрокорректор, похожий на большое, сверкающее

металлом насекомое, вскинувшее лапы фиксаторов. Острый щуп аппарата казался жалом, готовым вонзиться в голову сына.

– Начинать так начинать, – Китаев перекрестился. – Ну, с богом!

Заурчал механизм саркофага, тело Матвея подъехало ближе и замерло, когда лапы фиксаторов с характерными щелчками опустились, прижав его к операционному столу.

– Запускаю гравитроны, – сообщил Китаев, водя пальцами по сенсорной клавиатуре. – Все физиологические показатели в норме. Область коррекции стабильна. Сон пациента глубокий. Ввожу первый пучок...

Матвей Гумилев пробудился с ощущением радости. Так было в далеком детстве – ты еще не проснулся до конца, ты только выскользнул из теплых и мягких объятий сна, но уже знаешь, что все хорошо, все в порядке. Сейчас мама войдет в комнату и скажет, улыбаясь:

– Эй, соня, поднимайся, оладушки уже готовы! Ты с каким вареньем будешь – с клубничным, малиновым или кумкватным?

«С кумкватным, конечно!», – хотел сказать Матвей, но вовремя остановился. Конечно же, он не дома. И никаких оладушек никто ему не предложит. Он не дома – а где?

Открыв глаза, Матвей огляделся. Странно. Он совершенно не помнил, как оказался в этой белой, светлой и пустой комнате. Наморщив лоб, Гумилев попытался вспомнить, что с ним произошло – и на него обрушились ужасающие подробности того боя на Градусе Забвения с пиратским фортом «Мститель», оказавшимся хитроумной ловушкой.

Матвей снова пережил шок, когда форт распался на пять акулоподобных крейсеров незнакомой конструкции, снова в его ушах прозвучала фраза Ираиды Бек: «В нас едва не попали ракетой, мать твоя черная дыра! Матвей, ты что там, заснул?».

И как наяву он увидел рой ракет, настигающий их корвет «Краб». А потом...

Потом была смерть Ираиды. И его собственная.

Матвей невольно сделал глубокий вдох – вспоминать о том, как он задыхался в стальной скорлупе скафандра «Богатырь», было крайне неприятно.

Значит, получается, он не умер? Его подобрали, вылечили. Да здравствует жизнь! Слава медикам «Беллоны»!

И тут сквозь пелену, затуманившую мозг, вдруг прорвались новые воспоминания: тумбочка с цветами и книгой «Сказки разных народов», палата медицинского отсека крейсера «Вольный», рыжеволосая девушка в белом халате, накинутом поверх комбинезона...

«С возвращением, Максим!», – сказала она.

Девушку звали Соня. Соня ван Астен.

Матвей рывком сел на кровати, схватился руками за голову, сжал виски, зажмурился...

Мозг его полнился образами, как галактика – звездами. Из череды воспоминаний то и дело возникали отдельные, особо запомнившиеся моменты – база «Армии пробуждения» на Уране, прогулка с Соней, знакомство с товарищем Альфой, статуя Справедливости, авиетка «Колибри», полет на Умбриэль, погибшая «Барракуда», поединок на арене Аэрополиса «Танцоров вечности», фотонный крейсер «Справедливый», комета «Шпитц-11», шоу Пяти стихий, смерть товарища Альфы, сумасшедшая Анна Петровская в полицейском коптере, революция на Марсе, подготовка к атаке на Луну, подрыв «Австралии», бой со скоростными танками, мертвый Оберпротектор Гай Руднев и археоптерикс Гриша в клетке, крейсер «Вольный», Исинка...

И фигурка, подаренная Людвигом. Где же она? Ага, вот, висит на шее. Матвей сжал льва, привычно вздрогнул, пережиная волну холода.

Анна Петровская. Невеста. Стоп, Анна! Аннушка, Анютка... Его невеста, самая родная, самая любимая – и пропавшая, похищенная экстремистами с борта планетолета «Юрий Речников»... Она жива! Она спасла его, Матвея Гумилева, старшего лейтенанта «Беллоны», от казни Пяти стихий!

Но за что его должны были казнить?! Что он совершил?

И тут перемешанные в яркий коктейль воспоминания вдруг, словно получив команду извне, выстроились по ранжиру и пронеслись перед мысленным взором Гумилева в нужном порядке.

Он задохнулся от ужаса осознания произошедшего, горло сдавил спазм, сердце перестало биться, по спине потекли струйки ледяного пота.

– Господи... – прошептал Матвей, раскачиваясь из стороны в сторону. – Господи, что я наделал... что со мной сделали... Аня... Соня...

Тревожно запищали приборы. «Умная кровать», подключенная к единому лечебно-диагностическому комплексу, выпустила мягкие лапы зажимов. Тончайший инъектор выдвинулся из подголовника, но потрясенный Матвей даже не заметил укола. Спустя несколько секунд препарат подействовал. Матвей обмяк, откинулся на подушку и вновь уснул.

ЭПИЗОД 8

Между небом и землей

Станция «Амур», штаб-квартира корпорации «Кольцо»; борт корабля «Надежда»

В соседнем помещении лаборатории Х-18 академик Китаев, отодвинув стойку с дисплеями, удивленно развел руками.

– Степан Николаевич, это феноменально и удивительно. Первый случай в практике.

– Что, что происходит?! – рявкнул Гумилев-старший, напряженно глядываясь в экран, на котором шла трансляция из палаты, где находился Матвей.

– Понимаете, нейроКоррекция прошла успешно. Мы возродили в вашем сыне его личность, личность Матвея Степановича Гумилева. Но... – Китаев в замешательстве подергал себя за бороду.

– Что «но»? Да говорите же, черт вас подери! – Степан Николаевич готов был вцепиться в щуплого академика. – Что с моим сыном?!

– Видимо, это особенности строения его мозга... – пролепетал Китаев. – Он... понимаете, он обрел личность Матвея Гумилева, но полностью сохранил все воспоминания о том, как был другим человеком, Максимом Верховцевым. И теперь...

– Это не опасно? – быстро спросил Степан Николаевич.

– Ну-у... как вам сказать. Если психика вашего сына выдергит, это в чем-то даже забавно...

– Что значит «если»? Что значит «забавно»?! Вы что, в бирюльки тут играете?! – взревел Степан Николаевич.

– Извините. Я могу провести повторную нейроКоррекцию, – поспешил заверил Гумилева Китаев. – Только...

– Что «только»?! Вы можете говорить толком и изъясняться проще? Речь идет о моем сыне!

– Давайте дождемся его пробуждения. Во сне состояние шока, который он пережил, обретя воспоминания двух разных людей, пройдет.

– Погодите, – сердито засопел Гумилев, – так в нем теперь что, две личности?

– Сначала я тоже так подумал, – кивнул Китаев. – Но посмотрите вот на этот дисплей. Видите – зеленая линия, обозначающая альфа-активность мозга, только одна. У пациентов с двумя и более личностями – бывают и такие – можно увидеть две и более линии.

– То есть Матвей просто помнит то, что с ним было, когда он... ну, был как бы не в себе, был сомнамбулой? – уточнил Степан Николаевич, успокаиваясь.

– Именно.

– Хм... – президент корпорации «Кольцо» задумчиво потер подбородок и пробормотал: – Может, это даже и неплохо...

– Значит, Аня была здесь, – Матвей помешал ложечкой в стакане, сделал глоток. – Как же ты допустил, папа?

– Ну, виноват, виноват, – Степан Николаевич развел руками. – И главное, старый я дурак, сам ведь, своими собственными устами, дал команду исину «Черной стрелы» Надежде выполнить все приказы Анюты. Тут как раз началась ваша операция по захвату Луны, меня срочно вызвали...

Услышав «ваша операция», Матвей скривился. Он уже полностью взял под контроль свои новые воспоминания, но некоторые моменты его сильно тревожили. Осознать, что еще совсем недавно ты был тем человеком, который разрушил все то, за что ты же и сражался до этого, оказалось нелегко.

Отец и сын завтракали в просторных президентских апартаментах станции «Амур». Стильная хай-тек мебель, картины на

стенах, гигантский обзорный иллюминатор, дающий захватывающую дух панораму Венеры. Но сейчас Гумилевым было не до красот преображающейся планеты. Над всем человечеством нависла реальная опасность если не гибели, то по крайней мере глобального регресса. «Разделяй и властвуй», – эта древняя как мир формула вновь заработала, дробя Объединенное человечество на части. Правда, те, кто собирался властвовать, пока еще не вышли из тени, однако Степан Николаевич был уверен – это всего лишь вопрос времени.

Именно об этом он собирался поговорить с сыном, но прежде нужно было поставить все точки над *i*, разрешить все противоречия и сложности, возникшие после нейрокоррекции.

– Скажи, Матвей, – осторожно спросил Гумилев-старший. – Скажи, пожалуйста… Хотя, если не хочешь, можешь не отвечать… Ты рассказывал мне про девушку, которую… с которой у тебя были отношения… Ну, сестру главного экстремиста…

– Про Соню? – Матвей слегка побледнел. – Отношения… Отец, Соня ван Астен – моя невеста. И я люблю ее!

– А как же Аня?

– Анна Петровская – моя невеста, – растерянным попугаем произнес Матвей. – И я люблю ее…

– Ну, ты же понимаешь, сын, что рано или поздно тебе придется сделать выбор?

– Понимаю, – очень серьезно ответил Гумилев-младший. – Понимаю – и боюсь этого выбора. Но еще больше я боюсь за… за них. Аня умчалась неизвестно куда…

– Скорее всего, разыскивать тебя, – вставил Степан Николаевич.

– Соня либо в руках Прусакова, либо скрывается где-то…

– Скорее второе, если канцлер захватил ее, нам бы уже выдвинули ультиматум.

– Наверное, но мне от этого не легче. И знаешь что… – Матвей откинулся на мягкую спинку кресла. – Давай перейдем к

делам. Моя личная жизнь, похоже, до поры консервируется, как корабль, оставленный экипажем.

– Что ж, – пожал плечами Степан Николаевич. – Ты мужчина и я уважаю твоё решение. Ну, тогда переходим к делам. Точнее, к обсуждению единственного вопроса: что нам делать дальше?

– Корпорация «Кольцо», как я помню, имеет собственные вооруженные формирования и отлично подготовленную Службу безопасности? – усмехнулся Матвей. – Чего нам бояться?

– Во-первых, судя по последним сообщениям, большинство соединений Космофлота и твоей «Беллоны» присягнули на верность Прусакову, – Гумилев-старший повертел в руках серебряную вилочку для десерта. – Ты знаешь, какая это силища. Нам их не одолеть. А во-вторых...

– Господин президент, – раздался из наручного коммуникатора Гумилева-старшего голос референта. – Вас срочно требует дежурный офицер станции! Он ждет в центральном отсеке. Пожалуй, у нас проблемы, Степан Николаевич...

– Надежда, – Анна Петровская вздохнула. – Я не знаю, что делать. Совсем...

«Надежда», находясь в режиме полного радиомолчания, наматывала витки вокруг Земли. Это продолжалось уже много часов, во время которых Анна внимательно просматривала эфир и изучала сообщения на новостных порталах.

После обращения Максима Верховцева из резиденции Гая Руднева мысли в ее голове, что называется, и путались, и рвались: «Революция победила... боже мой! Оберпротектор отравился. А ведь он, когда был с визитом на Марсе, приезжал к нам, гостил в доме, вежливый такой дядечка, за обедом салфетку мне подал... Ужас! А этот Максим, который все это устроил – это же мой Матвей! Я спасла его от смерти, а он... Он любит какую-то Соню. Бред, бред!»

– Бред! – вслух сказала Анна.

– Чем могу помочь? – тут же осведомилась Надежда.

– Где Матвей? – задала риторический, в общем-то, вопрос Петровская. – Где его искать? Лететь на Луну, к этим... к мятежникам? Заявиться прямо к ним в логово... или где они там заседают?

– Не думаю, что это удачная мысль, – осторожно сказала Надежда.

– Да знаю я... – отмахнулась Анна. – Давай чаю попьем, что ли?

За последние сутки девушка привыкла обращаться к искусственноному интеллекту «Надежды» как к живому человеку. Надежда была в курсе всех проблем Анны, и хотя умела мыслить только строго логическими категориями, Петровской казалось, что она общается с подругой, понимающей и чувствующей то же, что и она.

Девушка не боялась, что «Надежда» будет обнаружена. Особое покрытие полиэдра делало корабль настолько незаметным, что одна из дозорных платформ Пограничной службы прошла буквально в нескольких тысячах километров, никак не отреагировав на «Надежду».

За чаем Анна продолжила следить за новостями. Корреспонденты передавали репортажи с улиц Лунограда, Новой Москвы, Светлогорска, Коперника, других городов Луны. Везде было одно и то же – стихийные митинги, перестрелки, разграбленные магазины, сожженные машины, битые стекла на тротуарах, горящие усадьбы. Изредка в передачи лунных СМИ вклинивались сюжеты с родного Марса – там дела шли еще хуже. Префект провинции Аркадия, милейший Дмитрий Георгиевич Воробьев, близкий друг отца Анны, объявил о суверенитете провинции, ввел военное положение и комендантский час.

– Мы будем беспощадно расстреливать каждого нарушителя, каждого мародера и преступника! – глядя прямо в камеру своими обычно добрыми, а сейчас сощуренными, белыми от гнева

глазами, чеканил префект. – Народная милиция Аркадии поставит заслон хаосу и анархии! Граждане, все как один встанем на защиту нашей Родины, прекраснейшей из провинций Марса. Особо я обращаюсь к военным, отставникам, спасателям, медикам, государственным служащим: господа, призываю вас, не дожидаясь мобилизации, явиться на сборные пункты и вступить в ряды Сил самообороны. Список вы увидите в конце трансляции.

По экрану побежали строчки с адресами, потом прошла перебивка с заставкой канала и кадры с ближайшего спутника Юпитера, пульсирующей луны Ио, где власть захватили взбунтовавшиеся заключенные. Люди на улицах столицы Ио, плавающего в лавовых потоках города Металлогорска, укрытого огромным куполом, походили на озверевшее стадо. Они жгли костры, пьянистовали, дрались, не обращая внимания на трупы, валяющиеся повсюду.

Когда Анна увидела людей в форме колониальной администрации, повешенных на консолях эстакады, ведущей из главного здания колонии к космопорту, она заплакала.

Надежда попыталась развлечь свою пассажирку. Она выросла из столешницы в кают-компании подобие серебристого металлического грибка и принялась превращать его в миниатюрные скульптуры людей, растений, животных.

– Как ты это делаешь? – сквозь слезы спросила Анна.

– «Умный металл» – новейшие технологии, разработанные в корпорации «Кольцо», – объяснила Надежда. – Сложносоставной сплав, атомы которого имеют особые свойства, позволяющие им под воздействием микроизлучений менять кристаллическую решетку.

– И можно вырастить все, что угодно? – заинтересовалась Петровская.

– Почти. Пока инженеры и конструкторы продвинулись не особенно далеко, но перспективы открываются завораживающие.

– Понятно, – вздохнула Анна. – Опять одни перспективы...

– Аня, медицинский комплекс корабля передает, что твое состояние близко к нервному срыву, – сказала Надежда. – Предлагаю принять успокоительное и поспать.

– Да, пожалуй, – кивнула Петровская, отодвигая недопитый чай.

Она проследовала в облюбованную каюту, улеглась, стойчески вытерпела комариный укус инъектора и уснула с надеждой, что завтрашний день принесет ей успокоение и хорошие новости.

Самое обидное – это когда ты обманываешься в своих ожиданиях. Проснувшись утром если не в прекрасном, то по крайней мере в приподнятом настроении – сказалось действие успокоительного – Анна позавтракала и села к монитору. Но по всем каналам шла заставка: «Уважаемые зрители! В двенадцать часов по среднесолнечному времени вы увидите экстренный информационный выпуск».

Почему-то, прочтя это, Петровская ощущала, как у нее сжалось сердце. Она не находила себе места, коротая время до «солнечного полдня», а в момент начала передачи закусила губу и сжала кулачки.

Когда неприятный человек с узким лицом, тонкими губами и пугающе разноцветными глазами, выступающий в Мраморном зале Генеральной Ассамблеи, объявил о перезагрузке политической конструкции, она часто задышала.

Когда он заговорил о предательстве среди лидеров экстремистов (Анна никак не могла заставить себя называть этих людей иначе), девушка вздрогнула от дурного предчувствия.

А когда произнес: «Человек, которого мы все знали как нового товарища Альфа и даже как Председателя Временного правительства, человек, убивший Оберпротектора Колоний Гая Руднева, человек, известный многим как Максим Верхов-

цев – это никто иной как родной сын президента корпорации «Кольцо» Степана Гумилева Матвей Гумилев», – вскрикнула и вскочила с места.

– Надежда! – голос Анны зазвенел от еле сдерживаемых слез.
– Я знаю, кто во всем виноват! Это все эта ведьма! Змея! Гадина! Она его околдовала!

– Мало данных для анализа.

– Да предостаточно! – взвизгнула Петровская. – Она же ван Астен, как этот... ну, который главный бандит. Которого убил Матвей! Значит, он – ее муж! Эта тварь влюбила Матвея в себя и заставила убить своего мужа. И теперь экстремисты ищут его.

– Нелогично, – попробовала возразить Надежда.

– Плевать! – рявкнула Анна. – Он у нее, я знаю!! И мы должны найти Соню ван Астен. Летим...

Девушка застыла посреди рубки в замешательстве. В самом деле, а куда лететь? Где искать разлучницу?

– Попробуем проанализировать всю имеющуюся у нас информацию, – осторожно начала Надежда. – Мне кажется, что под воздействием сильных эмоций ты принимаешь неверное решение...

– Помолчи! – отмахнулась Анна.

Рухнув в ложемент, она уставилась на ледяной, бело-серый диск Земли, закрывающий собой всю полусферу экрана, и попробовала сосредоточиться.

«Если убитый Людвиг ван Астен – главарь экстремистов, то эта Сонька тоже из их числа. Скорее всего, после смерти главаря у них произошел раскол. Матвей штурмовал Луну. Мог он делать это вместе с нею? Ну, будь я на ее месте, ни за что бы его одного не отпустила. А эта... наверняка где-то отсиживалась. Теперь Матвей вне закона. И он сбежал к ней. Значит, у нее где-то есть секретное убежище, нора. Та-ак, где у нас прячутся все пираты, сектанты, анархисты и экстремисты? Да это каждый

ребенок знает – в поясе астероидов! Ну, или на Троянцах и Гре-
ках Юпитера! Значит, нужно лететь туда и разбираться на ме-
сте...»

– Надежда! – принял решение, Анна не собиралась мешкать
ни секунды. – Курс на пояс астероидов.

– Недостаточно информации. Вывести справку по объектам
Солнечной системы?

– К бабушке справки. Идем на Цереру! – выпалила Петров-
ская, вспомнив название крупнейшего небесного тела пояса.
– На максимальной скорости!

– Выполняю расчет курса, – отозвалась Надежда.

Если бы она была живым человеком, то, несомненно, указала
бы Анне на очевидную нелогичность принятого ею решения.
Но искусственный интеллект получил еще на станции «Амур»
приоритетную команду выполнять все распоряжения Петров-
ской – и просто приступил к работе...

ЭПИЗОД 9

Слава великому канцлеру!

*Станция «Амур», штаб-квартира корпорации «Кольцо»; борт фрегата «Зоркий»;
Греки Юпитера, станция «Покой»*

– Сорок две... Сорок пять... Сорок восемь меток! – меланхолично объявил оператор, оторвавшись от монитора. – Господин Гумилев!

Степан Николаевич и Матвей обернулись одновременно. Оператор понял свою оплошность и уточнил:

– Господин президент, наша аппаратура засекла сорок восемь объектов. Более тридцати из них – крупнотоннажники.

– Распознавание целей? – быстро спросил Гумилев-старший.

– В процессе.

– Расстояние?

– Два с половиной миллиона. Идут на ускорителях.

– Торопятся, значит. Ну-ну...

Матвей обвел взглядом всех собравшихся в просторном центральном отсеке станции «Амур». Здесь были члены Совета директоров, начальники отделов корпорации, офицеры из Службы безопасности и командиры кораблей, всего порядка трех десятков человек. С кем-то он был знаком, кого-то видел впервые, но это сейчас не имело значения. Пройдет несколько часов и плечом к плечу вместе с этими людьми ему придется принять бой, шансов победить в котором ничтожно мало.

– Есть распознавание целей! – сообщил оператор и, не отрываясь от экрана, густо испещренного зелеными метками целей, зачастил: – Крейсер первого ранга «Халхин-гол», припи-

сан к орбитальной крепости «Победа», крейсер первого ранга «Хасан», приписан там же, крейсер первого ранга «Полтава», приписан ко Второй Марсианской бригаде, скоростной рейдер «Вектор», погранслужба, крейсер второго ранга «Рысь», приписан к бригаде «Беллона», большой десантный корабль «Простор», Лунная база «Буря-7»...

— Это армада, господа, — развел руками Гумилев-старший. — Они собрали ударный кулак, против которого нам не выстоять и десяти минут. Сорокин, сколько у нас времени на обсуждение ситуации?

Дежурный навигатор соединился с исином станции и спустя несколько секунд ответил, сверяясь с данными на экране расчетного монитора:

— Не более двадцати минут, Степан Николаевич.
— Двадцать минут... Что ж, у кого какие будут соображения?
— Гумилев повернулся к руководству корпорации.

Ответом ему было молчание. Все понимали, что есть только один путь спасения — бегство. Торопливое, постыдное, паническое бегство. Придется бросить все — станцию, лаборатории, промышленные базы, оборудование, ценнейшее сырье, уникальные установки и приборы.

— Что ж, — как бы подытожил всеобщее молчание президент «Кольца». — Я отдаю приказ об эвакуации станции. Сформируем три каравана. Уходить будем порознь, точка сбора — наша база на Тритоне. Тихоходные суда оставим. На борт брать только самое необходимое. Станцию... «Амур» придется уничтожить.

— ...крейсер второго ранга «Вепрь», — продолжал бубнить оператор, — неопознанная цель, превосходящая размерами и массой любой известный корабль из реестра...

— Это фотонный крейсер «Справедливый», — тихо сказал Матвей. — Прусаков в самом деле собрал самые мощные корабли. И мы уже не успеем уйти...

– Почему? Как? – взволнованно откликнулось сразу несколько голосов, а командир суперконтейнеровоза «Вайгач» Шепилов, седой, грузный человек с красным, будто бы обветренным лицом, пробасил:

– Даже на ускорителях им быстрее, чем за четыре с половиной часа до нас не добраться. Правда, могут начать ракетный обстрел раньше, но ракеты – ерунда, мы справимся.

– Вы не понимаете! – взорвался Матвей, сжимая в кулаке фи́гурку льва. – Я видел «Справедливый» в деле! Я знаю его технические характеристики! Он разгоняется до скорости света за сорок минут! Нас настигнут раньше, чем караваны сойдут с орбиты. «Справедливый» повяжет боем, потом подоспевают крейсера и выпустят корветы. И тогда все...

– Что же вы предлагаете, Матвей Степанович? – каркнул Самуил Боровский, один из членов Совета директоров, сухонький старишок в старомодном биопластовом костюме. – Позвольте, я догадаюсь сам... Как там было у Киплинга... м-м-м... Мы принимаем бой?

И он горько захехекал, дергая лысой птичьей головкой.

Матвей, ощущая, как ободряющий холод растекается от фи́гурки в руке по всему телу, упрямо выпятил подбородок.

– А вы что предлагаете, Самуил Аркадьевич? Сдаться?

– Я предлагаю переговоры, молодой человек! – запальчиво сказал старишок. – Вышлем парламентерский корабль, потянем время... Говорить всегда предпочтительнее, чем стрелять. Думаю, и ваши, Матвей Степанович, бывшие коллеги это прекрасно понимают. В двадцать пятом веке живем, как-никак!

Дернувшись при слове «коллеги», Матвей покачал головой.

– Прусаков не будет разговаривать с нами, – убежденно сказал он. – Ему нужен я. Нужен отец. И нужны активы корпорации. Все остальное он просто уничтожит.

– Как? На каком основании? – Боровский всплеснул похожими на паучьи лапки руками.

– По праву сильнейшего, – жестко ответил Матвей. – А как... Развернет «Справедливый» тарелкой вперед и даст «полный газ». О комете «Шпитц-11» все помнят?

Собравшиеся в центральном отсеке понурили головы. Мощь фотонного крейсера пугала.

– Куда ни кинь, всюду клин, так что ли? – вновь взял слово Степан Николаевич.

– ...скоростной рейдер «Катет», погранслужба, крейсер второго ранга «Изюбрь», «Беллона», неопознанный дискообразный объект нестандартной компоновки... – все зачитывал оператор.

– А это дисколет «Пилигрим», – прислушавшись, пояснил Матвей. – Тот самый, с вихревой защитой. Быстро они его восстановили.

– Разрешите? – зазвучал из динамиков голос Исинки. – Я провела необходимые расчеты и предлагаю следующее: суда корпорации возьмут курс на Солнце. Судя по данным мониторинга солнечной активности, наше светило сейчас нестабильно, идет череда выбросов, длина протуберанцев достигает миллиона семисот тысяч километров, скорость распространения вещества – свыше восьмисот километров в секунду. Максимально ускорившись, мы пойдем прямо навстречу одному из таких протуберанцев. Когда караван достигнет плазменного облака...

– Мы все сгорим, – усмехнулся Боровский.

– На станции имеется сидератор, – ровным голосом продолжила Исинка. – Если установить его на головном судне каравана – предлагаю использовать курьерский планетолет «Север» – и активировать так, чтобы гравитовыброс произошел прямо по курсу следования, нам удастся отклонить протуберанец. Таким образом мы освободим коридор для судов. Конечно, речь идет о едином караване, в который войдут все планетолеты корпорации. Пройдя по гравитационному тоннелю, по касательной к хромосфере Солнца, прямо через солнечную корону,

мы окажемся вне зоны досягаемости кораблей противника. Последовать за нами они не смогут – очередной выброс перекроет им путь.

– Позвольте! – взволнованно протиснулся вперед невысокий, полный человек в корпоративном комбинезоне – главный инженер проекта «Венера» Валентин Рязанов. – Но это единственный имеющийся у нас сидератор! Без него мы не сможем завершить...

– Без него мы не сможем выжить, Валентин Иванович! – жестко перебил инженера Гумилев-старший. Переведя взгляд с побагровевшего толстяка на большой экран, по которому медленно, со скоростью перемещения станции по орбите, ползла бурая стена Венеры, он тихо произнес: – Я принял решение. Дежурный! Дайте внутреннюю трансляцию.

– Через Солнечную корону, – пробормотал себе под нос капитан «Вайгача» Шепилов. – Надо же... А что, может, и проскочим!

Степан Николаевич тем временем приосанился и твердым, уверенным голосом, в котором, казалось, лязгала сталь, заговорил:

– Внимание всему персоналу станции «Амур» и служащим корпорации «Кольцо»! Я, президент корпорации Гумилев, объявляю срочную эвакуацию! Повторяю: срочная эвакуация! Начальникам отделов, заведующим цехами, лабораториями, командирам подразделений и капитанам судов действовать по плану чрезвычайной ситуации, файл «один-красный»! Повторяю...

Слова президента разносились по всем помещениям, отсекам, цехам и лабораториям станции, звучали в рубках и кают-компаниях пристыкованных к «Амур» планетолетов. Едва только Гумилев произнес «файл «один-красный»», как повсюду взвыли сирены и вспыхнули алые лампы аварийной тревоги. Тысячи людей сорвались со своих рабочих мест, покинули каю-

ты и комнаты отдыха. Каждый знал, где ему надлежит находиться в случае объявления чрезвычайной ситуации – в «Кольце» не жалели средств и времени на тренинги по безопасности.

Руководство корпорации покинуло центральный отсек сразу после того, как президент начал говорить. Все эти люди, не один год проработавшие бок о бок со Степаном Николаевичем, знали, что от своего слова он не отступится и строго спросит с тех, кто не выполнил приказ.

В грузовых шлюзах оживали докер-боты, их оранжевые ковши, платформы и стрелы выдвигались, готовясь принять первые контейнеры, боксы и аппаратуру, доставляемую по силовым тоннелям из недр станции.

– Быстрее, быстрее! – торопили своих работников начальники участков. – Шестой цех – вторая лифтовая шахта, одиннадцатый шлюз, грузимся на танкер «Аметист», седьмой цех – вторая шахта, двенадцатый шлюз, лихтеровоз «Средневолжск-17», восьмой цех...

По отсекам «Амура» грохотали тысячи ног, тысячи скафандров покидали свои ниши в эвакуационных коридорах.

Исинка по приказу Степана Николаевича действовала для погрузки армаду наноботов. Металлические паучки забирались под контейнеры, станки и приборы, собирались там в некое подобие автоматических платформ и транспортировали грузы к шлюзам.

– Все тихоходы бросим. Заминировать и оставить на орбите, – командовал Гумилев-старший в микрофон. – Что? Противометеоритные платформы? К чертовой матери!

– Погоди, отец! – запротестовал Матвей, отвлекшись от расчета курса каравана. – Платформы нам пригодятся.

– Но они плетутся, как черепахи!

– Ерунда. Поставим на каждый по паре разгонников, а еще пару погрузим в запас. До Солнца должно хватить, а потом подцепим на буксир.

– Но зачем нам эти калоши? – непонимающее посмотрел на сына Степан Николаевич.

– На противометеоритных платформах смонтированы широкополосные лазерные установки типа «Аквамарин», так?

– Не помню... – пожал плечами Гумилев-старший и отвлекся, закричав в микрофон: – Оставить катализаторные колонны! Да, Виталий Иванович, да, вы не осыпались. Они слишком громоздкие и тяжелые. Лучше загрузите побольше медикаментов и продовольствия – боюсь, для нас в ближайшее время это будет куда важнее.

– Отец! – Матвей потрепал Степана Николаевича по плечу. – Смотри: если перенастроить резонаторный блок – я знаю как – то из гражданского широкополосника, годного лишь на то, чтобы сжигать орбитальный мусор и метеориты, мы получим боевое лазерное орудие, способное поражать корветы противника на дальних дистанциях.

– Этому тебя в Академии Космофлота научили? – иронично улыбнулся Гумилев-старший.

– На базе «Армии пробуждения», – серьезно ответил Матвей.

– Хорошо, убедил. Действуй, сынок.

И Матвей побежал действовать. Энергия льва, буквально бьющая из фигурки, подстегивала его, придавала сил. И все окружающие, все люди на станции и кораблях корпорации чувствовали это возбуждение, заражались энтузиазмом Матвея.

– Быстрее, быстрее! – звучало со всех сторон, неслось из всех динамиков, наушников и переговорных устройств.

Не обходилось, конечно, без накладок и происшествий. Из-за повышенного напряжения в третьем кольцевом отсеке перегорели мегастабилитроны на подстанции и сотни людей оказались отрезаны от лифтовых шахт главного ствола за межотсечными бронедверями. Поскольку времени на замену мегастабилитронов не было, Гумилев распорядился задействовать тяжелые плазменные penetраторы «Перун», которые

обычно использовали на поверхности Венеры для прокладки тоннелей, предупредив, что если не удастся решить проблему в течение десяти минут, людей придется оставить.

Бригада горнодобывающих с двумя «Перунами» уложилась в семь минут, испарив бронедвери, а заодно повредив кабели питания аварийного освещения. В результате все третье кольцо станции погрузилось во мрак и люди выбирались на ощупь. Но они успели, выдержали жесткий эвакуационный график, заняв свои места на борту планетолетов, а это было самое главное.

Расхаживая по центральному отсеку, Степан Николаевич отдавал распоряжения, подписывал приказы, подгонял замешкавшихся, ободрял отчаявшихся. Матвей, осмотрев противометеоритные платформы, вернулся в центральный отсек, но пробыв с отцом не более пары минут и убедившись, что все идет как надо, умчался на флагман корпоративного флота «Кольца» курьерский планетолет «Север» – контролировать установку сидератора.

– Быстрее, быстрее!

А армада кораблей нового хозяина Солнечной системы канцлера Прусакова все приближалась. Скоростные разведчики уже покинули крейсера и широким конусом охватили пространство, чутко отслеживая все перемещения судов корпорации. Их исины напряженно фиксировали цели для предстоящей атаки, передавая в компьютеры базовых кораблей гигабайты информации.

Скоро, совсем скоро откроются орудийные порты крейсеров, поднимутся над броней боевые башни, разойдутся мембранны ракетных шахт, отстыкуются от пилона корветы, прозвучит команда к атаке и тогда уже ничто не спасет корпорацию «Кольцо».

– Мы успеем! – как заклинание повторял Гумилев и следом за ним сотни и тысячи людей. – Мы обязательно успеем... Быстрее, быстрее!

Надежда, как известно, умирает последней.

Перелет по маршруту Уран – станция «Покой» запомнился Соне ван Астен как один бесконечный даже не день, а час. После того, как она, пересекая орбиту Юпитера, практически случайно увидела трансляцию из Мраморного зала, где Прусаков объявил ее Максима предателем, мятежником, да к тому же сообщил, что он – вовсе не он, а какой-то Матвей Гумилев, девушка впала в прострацию. Она не могла заснуть и сидела в рубке фрегата, бездумно просматривая канал за каналом, передачу за передачей, сериал за сериалом – и не вникала ни во что.

Лишь однажды ее внимание привлек новостной выпуск «Первого Солнечного», в котором бравый капреранг с седыми висками, пресс-секретарь ВКС, вдохновенно вещал о разгроме мятежного флота корпорации «Кольцо».

– Наши отважные Военно-Космические силы, собранные в мощный кулак, способный сокрушить любого врага, под личным чутким руководством бесстрашного канцлера господина Прусакова выследили изменников, пытавшихся столкнуть человечество в пучину хаоса и регресса. Новейшие боевые корабли, управляемые профессиональными, опытными пилотами, отправились в самое логово коварного врага, на орбиту Венеры. Кстати, органы аудита, проверив деятельность корпорации «Кольцо» по терраформированию этой планеты, выявили массу нарушений. По результатам проверки возбуждено более трех десятков уголовных дел. Но вернемся к операции Военно-Космических сил. Гнездо мятежников, станция «Амур», на которой, по данным Службы разведки, проводились запрещенные опыты над человеком, ощетинилась батареями дальнобойных орудий и пусковыми установками ракет класса «космос-космос».

Лицо пресс-секретаря сменила картинка – плывущая на фоне оранжевого диска Венеры черная машина станции. Выглядела она и впрямь грозно. Соня припомнила все, что знала об «Амуре», и в ее душе шевельнулось удивление. То, что она видела на экране, как-то мало совпадало с реальным внешним видом станции.

– Господин канцлер, не желая напрасного кровопролития, выдвинул мятежникам ультиматум, – воодушевленно заявил каперанг. – Но испугавшиеся расплаты за свои кровавые злодеяния, главари корпорации «Кольцо» отвергли этот жест доброй воли. И тогда пришел черед говорить пушкам...

Кадры боя на орбите Венеры вызвали у Сони, не раз видевшей реальные сражения в космосе, легкую улыбку. Громады крейсеров Военно-Космических сил выпустили сонмище корветов. Тьма раскрасилась сотнями лазерных лучей. В ответ мятежники нанесли удар по флагману эскадры Прусакова – фотонному крейсеру «Справедливый».

– Коварный враг использовал запрещенный прием – выдвинул вперед спасательный шлюп «Можайск». Всю его команду перебили и в рубке шлюпа находились смертники, – комментировал происходящее пресс-секретарь. – Вы видите, как «Можайск» со включенными аварийными огнями подходит к флагману и пытается таранить «Справедливый».

Желтый, пузатый шлюп в самом деле выкинул световую комбинацию «Погибаю, но не сдаюсь!» и рванул вперед. Соня вздохнула. Столкновение двух кораблей было показано во всей красе – взрывы, искореженные корпуса, выбросы газов, зарево на полкосмоса.

И все – неправда. «Скорее всего, этот ролик был смоделирован в виртуале, – решила Соня. – Обыватель не знает, что в космосе не видно лазерных лучей, а взрывы выглядят совсем не так, как в атмосфере. Стало быть, пропагандистская липа. Но «Справедливый» этот канцлер, судя по всему, потерял реально. Интересно, чем все закончится?»

Закончилось не менее бравурно, чем началось.

– В результате самоотверженных действий подразделений Военно-Космических сил, направляемых военным гением господина канцлера, станция «Амур» была захвачена. Группке мятежников удалось ускользнуть на гражданских судах и в

настоящий момент ведется их поиск. Граждане Солнечной системы могут не сомневаться – все преступники будут пойманы и предстанут перед судом. Слава отважным бойцам Военно-Космических сил! Слава великому канцлеру!

– Слава виртуальным технологиям и лжи! – воскликнула Соня и отключила трансляцию.

Она поняла главное – дела у Прусакова идут отнюдь не блестящие...

Станция «Покой» была построена на основе небольшого эллипсообразного астероида Пинос, входящего в группу Греков Юпитера. Орбита астероида лежала внутри орбиты Юпитера, он примерно на шестьдесят градусов опережал газового гиганта, находясь в районе так называемой «четвертой точки Лагранжа». Троянцы Юпитера, знаменитый «волшебный огород» «Армии пробуждения», находились в «пятой точке Лагранжа».

«Покой» представлял собой оплетавшую весь Пинос систему куполов, переходов, технологических блоков, складов и причальных узлов. Главнейшим объектом станции являлся заглубленный в тело астероида реактор повышенной мощности, вырабатывающий энергию для зарядки топливных батарей двигателей планетолетов.

Корабли «Армии пробуждения» использовали «Покой» как промежуточную базу при дальних походах «вниз», к внутренним планетам Солнечной системы. Кроме того, станция принимала и независимых старателей, и контрабандистов, и паломников из числа «армагеддонян», путешествующих к своим святыням на Эриде. Правительственные ищечки так и не сумели обнаружить станцию – Пинос благополучно затерялся среди пятисот тысяч астероидов Главного пояса, Троянцев и Греков.

Когда «Зоркий» приблизился к «Покою» на десять тысяч километров, Соня включила аппаратуру опознания «свой-чужой». Со станции пришло подтверждение опознания и разрешение на стыковку. Но связаться с персоналом «Покоя» – обычно там

дежурили пятеро звездных борцов из ведомства товарища Гаммы – не удалось.

Станция явно функционировала в автоматическом режиме. Сначала это раздосадовало девушку, но вскоре, отправив ряд запросов, она убедилась, что реактор и топливные генераторы работают, охранные системы следят за пространством, а когда исин «Покоя» любезно разрешил Соне воспользоваться гостиничным блоком, она успокоилась и лихо пришвартовала «Зоркий» к заправочному пирсу станции.

Пройдя по телескопическому стыковочному коридору, освещенному тусклыми лампами дежурного освещения, Соня вышла в зал управления заправочным комплексом. Задав на прозрачном дисплее необходимые параметры и получив подтверждение от исина станции, девушка по пустым переходам проследовала в гостиничный блок.

Заказав у кибер-бармена стандартный ужин, она отправилась в гигиенический отсек. С наслаждением поворачиваясь под бодрящими струями ионного душа, Соня напряженно размышляла над тем, как быть дальше.

«Ну и пусть настоящее имя Максима – Матвей Гумилев. Пусть он с точки зрения узурпатора Прусакова мятежник. Главное – он наверняка жив и где-то скрывается. Но вот где?».

Тяжелые раздумья Сони прервала трель вызова. Выйдя из душевой кабины, она натянула просторную пижаму и подошла к старомодному телекому.

– Слушаю.

– Искусственный интеллект станции «Покой» извещает вас, что к станции приближается горнодобывающий комплекс «Аметист». Процедура опознания бортом пройдена успешно.

– Спасибо, – машинально кивнула Соня, хотя исин не мог ее видеть, и поспешила в комнату – одеваться.

ЭПИЗОД 10

На боевом посту

Борт спасательного шлюпа «Можайск»

Они действительно успели. Когда до контрольной отсечки времени, после которой караван просто физически не успевал покинуть орбиту Венеры, осталось несчастных восемь минут, с последнего пристыкованного к станции «Амур» планетолета – грузо-пассажирского транспорта «Миклухо-Маклай» – пришел сигнал о завершении погрузки. Гумилев-старший немедленно скомандовал:

– Общий старт!

Он покинул станцию вместе с дежурной сменой персонала, но шлюз прошел последним. Бросив прощальный взгляд на залившую тревожным, мерцающим светом аварийных ламп площадку перед шлюзом, на замершие погрузчики и докер-боты, Степан Николаевич ощущал, как никогда не беспокоившее его сердце вдруг дало сбой, часто забилось, словно хотело вырваться из грудной клетки.

«Вот и старость», – горько подумал Гумилев-старший, пережидая, пока не начнет действовать кардиопрепарат, оперативно впрыснутый под кожу вмонтированным в деловой костюм медботом.

– Степан Николаевич! – бросился к нему, заметив неладное, начальник Службы безопасности. – Что с вами? Врача?

– Все нормально, Олег, – через силу улыбнулся Гумилев. – Уже отпустило. Идем. Нам нельзя сейчас мешкать, болеть и поддаваться эмоциям. Хотя... Жаль «Амур». Фактически это тоже мой ребенок, как и Матвей. Семикилометровый ребенок, ко-

торого я растил много лет. Но... Человек предполагает, а он... – Степан Николаевич поднял глаза куда-то вверх, – располагает. Все, идем, Олег. Быстрее, быстрее!

Они покинули станцию на аварийно-спасательном катере и взяли курс на «Север». Суда уже выстроились в походный порядок и караван начал движение. Когда катер с президентом и дежурной сменой пристыковался к флагману, Матвей приказал:

– Полный ход!

Вспыхнули сотни голубых огней, черноту космоса прорезали ослепительные выбросы маршевых дюз, и караван, ускоряясь, поплыл сквозь пространство навстречу своей судьбе.

Позади осталась сияющая громада станции – и невидимые еще, но уже хорошо читаемые на экранах даже гражданских радаров корабли канцлера Солнечной системы Геннадия Пру-сакова.

Всего эвакуационный караван корпорации «Кольцо» насчитывал двадцать три борта. В основном это были крупные грузовые суда различных конструкций, от лихтеровозов до танкеров. Они составили основу строя, растянувшегося на добрые три тысячи километров.

Венера постепенно удалялась, ее оранжево-бурый шар становился все меньше и меньше, но до орбиты Меркурия оставалось еще несколько миллионов километров пустоты, которые необходимо было преодолеть на максимальной скорости.

Солнце, ослепительное, косматое от протуберанцев огненное пятно, постепенно увеличивалось, заполняя собой обзорные экраны. Багровые сполохи создавали сплошную завесу, через которую предстояло пройти судам корпорации. Датчики уже фиксировали повышение радиационного фона, но пока это не представляло серьезной опасности. Все изменится через несколько часов, когда суда встретятся с плотным потоком солнечных частиц, способных сжигать металл как бумагу.

В авангарде каравана шел бело-голубой красавец «Север» с подвешенным под днищем цилиндром сидератора, арьергард замыкали противометеоритные платформы, орбитальные буксиры и старый, еще прошлого века постройки, шлюп аварийно-спасательной службы «Можайск», корабль необычный, даже, на первый взгляд, нелепый.

Выкрашенный в ярко-оранжевый цвет, с трехсотметровыми лапами-захватами, объемным трюмом и собственной лазерной установкой во вращающейся башенке, «Можайск» вызывал улыбку у каждого, кто его видел – этакий реликт, привет из прошлого, гигантское космическое насекомое. Но, несмотря на все это, и даже невзирая на маломощные, устаревшие двигатели, спасатель был ценным кораблем – он относился к судам двойного назначения и мог использоваться как полноценная боевая единица.

Руководство корпорации «Кольцо» собралось в рубке «Севера». Конечно, кают-компания была вместительнее и комфортнее, но Степан Николаевич знал – в тесной, набитой приборами рубке он будет чувствовать себя держащим руку на пульсе событий.

Чтобы не мешать работе экипажа, для Гумилева и членов Совета директоров установили диван и несколько кресел у задней переборки, возле входа. Техники смонтировали несколько экранов, вывели на общую консоль интерфейс переговорных устройств.

Координацию движения каравана Степан Гумилев поручил Исинке. На нее замкнули исины всех судов, предоставили дополнительные мощности вывезенных с «Амура» компьютерных блоков физической памяти и теперь люди могли немного пердохнуть – караван управлялся и контролировался самым совершенным в Солнечной системе искусственным интеллектом.

Первый этап плана вроде бы прошел на отлично. Однако президент корпорации, сидя в пилотском кресле, хмурил брови.

Дело в том, что корабли противника явно обнаружили беглецов и прибавили скорость, стремясь не упустить добычу. Если бы караван мог прикрыться Венерой, это произошло бы гораздо позже. Теперь же оставалось лишь уповать на точность расчетов и молить всех космических богов даровать беглецам удачу и везение.

– Степан Николаевич, – главный навигатор «Кольца» Борис Железняков протянул президенту корпорации инфомонитор, – посмотрите. Если оставить «Можайск», мы сможем увеличить скорость на несколько сотен километров. Эта калоша висит на караване, как гиря.

Гумилев-старший пробежался глазами по колонкам чисел и отрицательно покачал головой.

– Нет, Борис. Спасатель нам понадобится. А выигрыш в скорости получается слишком незначительный. Нам это мало что даст. Потеряв «Можайск», мы останемся совершенно незащищенными. Любой догнавший караван корвет сможет спокойно и безнаказанно расстреливать наши суда. Мы не знаем, какие типы корветов несут преследующие нас крейсера. Вы слышали о «Меганеврах»?

– Проект скоростного корвета со спаренной лазерной установкой повышенной мощности и ускорителем нового типа? Но их вроде бы выпущено всего несколько штук, опытно-экспериментальная партия...

– А где гарантия, что одна из этих «стрекозок» не сидит сейчас на внешнем стыковочном узле какого-нибудь крейсера первого ранга и ее экипаж дожидается команды «фас»?

– Гумилев устало улыбнулся, вернул инфомонитор Железнякову. – С «Можайским» мы хотя бы сумеем отогнать врача, а то и сбить. Это позволит выиграть время. Там мой сын, опытный военный пилот. Я в нем уверен. Так что спасатель останется.

– Хорошо, – кивнул навигатор.

Он знал – если Гумилев сказал «нет», настаивать бесполезно.

Матвей и капитан «Можайска» Иннокентий Безуглов, двадцатисемилетний здоровяк в оранжевом комбинезоне, в этот момент осматривали корабль. Гумилев-младший перелетел на спасатель уже после начала движения каравана. Облаченный в стандартный пилотский скафандр «Эгида», гарантирующий в случае разгерметизации несколько часов жизни в открытом космосе, он покинул борт рассыльного катера и перешел на шлюп через носовой тамбур.

Его, как и отца, очень беспокоила беззащитность судов корпорации. Перенастройка противометеоритных лазеров на платформах шла полным ходом, но даже при самых оптимистичных прогнозах до завершения работ оставалось несколько часов.

Исинка регулярно сообщала, что расстояние между армадой преследователей и караваном неуклонно сокращается. Она прогнозировала возможное появление скоростных корветов противника за тридцать минут до прохождения «Севером» контрольной точки, в которой необходимо будет включить сидератор.

Экипаж «Можайска» не относился к штату корпорации, да и сам корабль принадлежал не «Кольцу», а ЕСС, Единой Спасательной службе. И когда Гумилев-старший объявил о начале эвакуации, Безуглов сообщил, что будет придерживаться принципа экстерриториальности. Он рассчитал все правильно – Прусаков наверняка не тронул бы спасателей. Но вместительные трюмы «Можайска» и лазерная установка сыграли свою роль, и Гумилев заявил капитану, что покупает корабль. Чтобы соблюсти все формальности, соответствующее сообщение было отправлено в главный офис ЕСС, а на борт «Можайска» вместе с эвакуированными прибыли бойцы из Службы безопасности «Кольца».

— Мы можем оставить вас на «Амуре», капитан, — сообщил Безуглову Степан Николаевич. — «Можайск» поведут мои люди.

— Нет уж, господин президент, — недовольно кривя губы, ответил Иннокентий. — Давайте считать, что вы приняли меня на временную работу.

— Давайте, — улыбнулся Гумилев.

Он всегда считал, что добровольное согласие лучше принуждения.

Безуглов догадывался, что «Можайску» предстоит стать главной боевой единицей каравана, но считал безумием воевать с армадой военных кораблей, идущих по пятам за судами корпорации. Об этом Иннокентий честно сказал Матвею, едва тот взошел на борт спасательного шлюпа.

— Не боги горшки обжигают, — усмехнулся в ответ Гумилев-младший. — Давай, показывай свое хозяйство.

По итогам осмотра Матвей понял — капитан прав, воевать на «Можайске» может только самоубийца. Шлюп имел импульсный генератор защитного поля, рассчитанный на одиночную метеоритную атаку. Поле включалось на несколько секунд, после чего энергонакопители корабля в течение долгих тридцати минут заряжались от главной двигательной установки, что существенно снижало ее мощность. Стало понятно — в случае массированного обстрела «Можайск» обречен.

Лазерная пушка шлюпа тоже разочаровала. В отличие от боевых лазеров, здесь не имелось систем коррекции, целеудержания и стабилизации по пространственным осям. По сути пушка представляла собой стационарный лазер большой мощности с ручным управлением, установленный во вращающейся башенке на корме «Можайска». Лазер предназначался для технических нужд — проделать отверстие в корпусе терпящего бедствие корабля, срезать выступ скальной породы на астероиде, сжечь обломок космического мусора.

– Ну, ты теперь видишь, что вояки из нас никакие? – со вздохом спросил Безуглов, когда осмотр корабля был завершен.

Они только что спустились из башенки и стояли теперь в коридоре, полукольцом охватывающем корабль. Серые металло-пластиковые стены, редкие плафоны освещения, двери отсеков с номерами, крышки приборных модулей, рифленый стальной пол. Все очень просто и функционально – «Можайск» предлагал своим случайным пассажирам минимум комфорта.

– Вижу, – ответно вздохнул Матвей. – Но выбора-то у нас нет. Будет воевать тем, что имеется.

– Психи вы, – помрачнел капитан «Можайска». – И ты, и твой папаша.

– Мы людей спасаем, – просто ответил Матвей. – Между прочим, ты вроде бы тоже этим должен заниматься?

– А я что?! – обиженно сверкнул глазами Безуглов. – Я от работы не отказываюсь.

– Тогда хватит нюни распускать! – гаркнул Гумилев-младший, сжимая в кармане льва. – Иди, приободри людей, скажи им, что все будет в порядке! Капитан, а ведешь себя, как тряпка.

Несколько секунд Иннокентий смотрел в разноцветные глаза Матвея, словно раздумывая, что ответить. Но энергия предмета, веселая, яростная отвага, в конечном итоге пересилила человеческие страх и недоверие. Капитан «Можайска» белозубо улыбнулся.

– А ведь ты прав, Матвей Степанович! Мы – спасатели! И будем спасать.

– Вот именно, – буркнул Матвей, проводил взглядом плечистую фигуру Безуглова и полез по скобам шахты обратно в башенку лазерного орудия.

Он справедливо рассудил, что в случае внезапной атаки ему лучше находится на боевом посту.

ЭПИЗОД 11

«Меганевры»

Борт спасательного шлюпа «Можайск»

Предчувствие не обмануло Матвея. Он минут десять просидел в жестком кресле стрелка, наблюдая сквозь прозрачный бронеколпак башенки холодные звезды за кормой «Можайска» и любуясь багровыми сполохами солнечных протуберанцев прямо по курсу шлюпа. Потом Матвей представил, как лучи радаров шарят сейчас в пространстве, чутко ощупывая корабли противника, а те в ответ посылают еще более чуткие лучи боевых сканеров, надежно контролируя будущие цели. И тут из переговорного устройства скафандра послышался голос Исинки:

— Внимание! Одиночная цель, опознанная как крейсер первого ранга «Халхин-гол», совершила маневр ускорения. Предположительно, использованы бустеры повышенной тяги.

«Вот оно, началось!», — волнуясь, понял Матвей. Он попытался вспомнить все, что знал о «Халхин-голе». Знаний оказалось не густо — крейсера этого типа находились в резерве Главного командования Космофлота, базировались на орбитальной крепости «Победа» и... И, пожалуй, все.

Мог «Халхин-гол» нести корветы типа «Меганевра»? Да запросто! И тогда Прусаков все сделал правильно — бросил крейсер вперед, чтобы тот на бустерах сократил расстояние до критического и выпустил «стрекоз²», способных догнать и уничтожить суда корпорации «Кольцо».

Конечно, фотонный крейсер «Справедливый» на полной тяге сумел бы сделать это быстрее, но громадный флагман «Армии

² Меганевра — род вымерших гигантских стрекоз каменноугольного периода

пробуждения» в ближнем бою был слишком неповоротлив. Его главное оружие – сжигающий все на своем пути поток частиц, выброшенных из чаши кормового отражателя. Таким оружием можно уничтожить астероид, комету, даже небольшую планету, но против судов каравана это будет так же эффективно, как стрельба из пушки по воробьям.

А вот скоростные и хорошо вооруженные «Меганевры» – совсем другое дело...

– Исинка, сколько времени нам осталось до прибытия в контрольную точку включения сидератора?

– Семьдесят девять минут.

– Хорошо, сообщай о маневрах «Халхин-гола» каждые три минуты.

– Принято.

Матвей откинулся на спинку кресла, напряженно глядываясь в сторону уже превратившейся в крохотное красноватое пятнышко Венеры, словно хотел разглядеть где-то там серую громаду крейсера первого ранга «Халхин-гол».

Как обычно перед боем – а в том, что бой состоится, он уже не сомневался – Гумилев-младший нервничал. Лев дарил ему отвагу, но это лишь усиливало волнение. Матвей не боялся, нет. Он пребывал в том удивительном состоянии боевого возбуждения, когда мысли о собственном выживании отходят на второй план. Главное – уничтожить врага, победить. Все остальное кажется не заслуживающей внимания ерундой.

Впрочем, не все. Матвей поморщился, как от зубной боли, настолько диссонансными были внезапные мысли о Соне ван Астен и Анне Петровской. Перед его мысленным взором появились лица обеих девушек. Рыжая Соня – строгий товарищ, серьезный работник – и страстная в минуты уединения подруга. Анна – ее полная противоположность. Импульсивная, горячая в словах и поступках, веселая – и неожиданно задумчиво-нежная, когда они оставались вдвоем.

Кого он любит больше?

– «Халхин-гол» продолжает маневр ускорения, – сообщила Исинка.

– Понял тебя, – откликнулся Матвей, на секунду вынырнув из тумана размышлений.

Итак, кого он любит больше? С тех пор, как истинная личность вернулась и Матвей обрел себя, этот вопрос вопросов он задавал себе не раз и не два. Задавал, потому что обязательно должен был найти на него ответ. Почему? Потому что любить двоих в принципе, с некоторыми оговорками – можно.

А вот жениться?

– Двоеженец... – вслух произнес Матвей и снова поморщился.

Уродливое слово. Впрочем, главное не в звучании. И даже не в сути. Если говорить откровенно, где-то в очень потаенных глубинах души Матвей в общем-то был бы и не прочь...

Он представил огромную, застеленную черным шелковым бельем кровать, на ней себя, а рядом – с одной стороны обнаженную стройную Соню с молочно-белой кожей, с другой – смуглую, спортивную Анну. Вздохнул. Аня почему-то представилась Матвею хохочущей, а Соня – просто улыбающейся.

Нет, это все бред, бред! Видения, достойные пубертатного возраста! Стыд и позор для взрослого мужчины.

А все почему? Потому что он не может сделать выбор. Да признаться, и выбирать-то затруднительно. Где сейчас Соня? Где Анна? Что с ними?

Впрочем, а сам-то он где? Нет, понятно, что сидит в башенке лазерного орудия спасательного шлюпа «Можайск», готовясь к самоубийственной дуэли с боевыми корветами. Но по сути? Былой, мирной жизни, в которой существовали такие понятия как любовь, свадьба, семейная жизнь, больше не существует. В Солнечной системе царит канцлер Прусаков, на Луне, Марсе, станциях и поселениях в других мирах – везде хаос, анархия,

процветает мародерщина и сепаратизм... И что самое печальное – он сам, правда, в ипостаси Максима Верховцева, приложил к этому руку.

– «Халхин-гол» подходит к рубежу досягаемости каравана. Крейсер произвел отстрел бустеров, – голос Исинки звучал ровно, но Матвею показалось, что в нем проскальзывают тревожные нотки.

Рубеж досягаемости! Это значит, что «Халхин-гол» может выпускать корветы – и они гарантированно догонят суда корпорации. Матвея словно окатило холодной водой. Голова прояснилась, все лишние на этот момент мысли ушли, растаяли.

Он был готов к бою, но все же надеялся, что – обойдется. Может быть, крейсер выпустит вдогонку уходящему каравану десяток автоматических торпед, каких-нибудь «Гризли» или «Скифов» – и на этом все закончится? Или...

Что «или» – додумать Матвей не успел. Исинка вышла на связь, быстро и четко выговаривая слова:

– Внимание! Фиксирую разделение целей. «Халхин-гол» снижает скорость. Новая цель движется к каравану. Произвожу попытку классификации...

«Ну же, ну! – стиснув зубы, торопил Матвей. – Давай, милая, давай!»

– Классификация цели произведена, – словно услышав его мысли, сообщила Исинка. – Три корвета типа «Меганевра», идут сомкнутым строем на максимальном ускорении. Подлетное время до момента огневого контакта – минута сорок одна секунда.

– Мать моя черная дыра! Три корвета! – возбужденно выкрикнул Матвей, хватаясь за поручни кресла. – Полное звено! Крученый бозон им в печень!

Новейшие корветы «Меганевра» он воочию никогда не видел, впрочем, как и «Филины», состоявшие на вооружении киберкрепостей Лунной обороны. Но знал – если «Филины», неболь-

шие, верткие машины-автоматы, опасны только в группе, то скоростные гиганты «Меганевры» страшны даже по одиночке. Матвей вспомнил виртуальную модель этого корвeta – длинный узкий корпус, изящные, стрельчатые пилоны с двигательными установками на концах и спаренное лазерное орудие в головной части. Чем-то «Меганевра» действительно напоминала стрекозу – гигантскую бронированную стрекозу, способную одним залпом перерубить надвое среднетоннажный транспорт.

Он еще раз оглядел внутреннее устройство башенки. Все очень просто и даже примитивно – две педали горизонтальной наводки, два рычага вертикальной. На правом рычаге, под большим пальцем – кнопка включения лазерного орудия. Над толстой, сегментированной казенной частью – прозрачная линза экрана целеуказания.

«А радар наведения! – обожгло Матвея. – Тысяча рентген им в сопло, здесь же нет радара наведения! Как вести бой, как отслеживать перемещения противника? Черт, черт и еще раз черт!»

– До момента огневого контакта – пятьдесят восемь секунд... – напомнила Исинка.

– А стрелять-то куда?! – заорал Матвей, кулаком ударив по панели активации лазера. Под кожухом тоненько взвыли эмиттеры. – Я их не вижу!

– Опусти визор забрала скафандра, я выведу данные с радара «Севера» на встроенный дисплей, – предложила Исинка.

Матвей растопыренной пятерней резко опустил многослойный визор. Искусственный интеллект соединился с компьютером скафандра и на внутренней поверхности визора зажглась зеленая координатная сетка. Спустя несколько секунд в ее левом верхнем углу появилась красная точка.

– Слишком мелко! Увеличь масштаб! – скомандовал Матвей.

– Увы, на этой модели скафандра подобная функция не предусмотрена, – с сожалением произнесла Исинка. – Матвей, я предлагаю отказаться от попытки сбить корветы. У «Можайска» есть оборудование для создания «чернильного облака»...

– Радионепроницаемой завесы? – припомнив занятия в Академии, уточнил Матвей.

– Именно. Четыре автоматические шашки после отстрела распыляют в пространстве специальный аэрозоль, создающий облако, отражающее лучи радаров и сканеров. Диаметр облака составляет до пяти тысяч километров. Это шанс, Матвей. До момента включения сидератора остается двадцать семь минут. Мы можем успеть с вероятностью в сорок два процента. Это лучше, чем ничего. В случае попытки обстрела корвета они гарантированно уничтожат «Можайск»...

– Понял, приступаю к реализации! – быстро согласился Матвей, поднял визор и включил связь с рубкой. – Капитан, здесь Гумилев. Слышишь меня?

– Слыши. Что случилось? Нас догоняют?

– Да. Давай шашки завесы. Исинка даст тебе координаты.

– Есть, – четко, по-военному отозвался спасатель.

Через пару секунд стартовые заряды вытолкнули длинные желтые цилиндры шашек из контейнеров, расположенных по бортам «Можайска». Одноразовые движители взрывного типа придали цилиндрам ускорение и они канули во тьме. Матвей проводил их взглядом и тут его вызвал отец.

– Мы меняем курс, чтобы облако прикрыло нас полностью. Сидератор на катодном подогреве, плотность потока частиц в протуберанце растет.

– Мы успеваем?

– Вроде бы да...

– Не слышу оптимизма и уверенности в твоих словах, папа, – улыбнулся Матвей.

– Рад, что они присутствуют в твоих, – парировал Степан Николаевич.

– Постановка радионепроницаемой завесы начата, – вмешалась Исинка. – Корветы противника пытаются ее обойти.

Матвей представил, что сейчас переживают пилоты «Меганевр». Только что приборы корветов ясно видели цели, и боевые системы кораблей готовились к атаке. Но вдруг все изменилось – суда каравана исчезли, по экранам сканеров и радаров пошла сплошная засветка. И конечно же, в этой ситуации командир звена дал команду на смену курса, чтобы обойти преграду и вновь обнаружить цель. Матвей и сам поступил бы так же.

– Исинка! – вызвал он искусственный интеллект. – Сколько осталось до включения сидератора?

– Двадцать четыре минуты. В настоящее время осуществляется запуск кольцевых генераторов сидератора. Процесс протекает штатно. Корветы противника продолжают маневрировать. В данный момент я не вижу их за облаком завесы, но моделирую возможные варианты действий.

– Они могут вновь обнаружить нас?

– С вероятностью в девяносто три процента.

– Ясно...

Матвей усмехнулся. Конечно, глупо было бы надеяться, что шашки с аэрозолем сумеют остановить «Меганевр». Корветы облетят завесу, нащупают суда каравана – и начнут атаку. Это будет не бой, а уничтожение. Резня. Избиение младенцев.

Он представил, как под залпами лазерных орудий гибнут транспортники, как беззвучные декомпрессионные взрывы окутывают их корпуса, как мгновенно замерзает, превращаясь в кристаллики льда, вырывающийся через пробоины воздух, вокруг судов возникают серебристые облака и в них плывут искалеченные человеческие тела.

Ему доводилось видеть учебные фильмы, рассказывающие о том, что случается с людьми в случае мгновенной разгермети-

зации корабля. В основе фильмов были реальные записи камер слежения из отсеков погибших бортов. Смотреть это полагалось всем курсантам, чтобы будущие офицеры Космофлота представляли себе, что их может ожидать. Но выдерживали жуткое зрелище далеко не все. Кто-то падал в обморок, кому-то требовалась после сеанса помочь психолога или реабилитационный курс в стационаре, кто-то просто впадал в депрессию. Три человека написали рапорты о переводе с пилотского факультета.

При мгновенном падении давления до нуля человеческое тело превращалось в кровавое месиво. Лопались глазные яблоки. Взрывалась грудная клетка, иногда – живот. Кожа трескалась вдоль прохождения крупных артерий. Обезображеные трупы выкидывало из разрушенных корпусов кораблей в космос и они плавали там, исковерканные, серые, обезвоженные...

Представив, что все это может случиться с тысячами эвакуированных, с отцом, с ним самим, Матвей скрипнул зубами. И тотчас же лев дал понять – этого нельзя допустить. Фигурка испустила волну ледяного, бодрящего холода. Все ненужные, лишние мысли ушли. Матвей понял, что он должен сделать. План был прост, осталось только реализовать его.

– Иннокентий! – вызвал он капитана шлюпа. – Стоп машина!

– Есть, – ответил Безуглов и тут же спросил: – А что случилось?

И буквально в тот же момент на связь вышел Гумилев-старший:

– Матвей, что ты задумал? Почему «Можайск» останавливается?

– Так надо, папа, – сквозь стиснутые зубы ответил Матвей. – Продолжайте движение.

Он отключил канал связи с «Севером» и скомандовал Безуглову:

– Капитан, выполняем перпендикуляр-ноль-ноль. Как понял?

– Понял тебя, – подтвердил Иннокентий.

«Можайск» затормозил – Матвей почувствовал, как перегрузка вжала его в кресло – и начал отрабатывать маневровыми двигателями, разворачиваясь для смены курса.

Команда «перпендикуляр-ноль-ноль» означала, что судно прекращает двигаться вперед и начинает перемещаться с той же скоростью под прямым углом к старому курсу, оставаясь в плоскости следования.

Дождавшись, когда спасательный шлюп отойдет на несколько десятков километров в сторону, Матвей дал новую команду:

– Отстрелить контейнеры с бытовыми отходами, спасательные шлюпки и навесное оборудование.

– Это противоречит уставу! – попробовал возразить Безуглов.

– Спасательные шлюпки...

– Выполнять! – рявкнул Матвей. – После все объясню.

– Но команда... – растерялся капитан «Можайска», – на чем мы будем спасаться, если шлюп получит повреждения?

– У «Меганевр» сдвоенные лазеры мощностью по пять гигаджоулей каждый. При прямом попадании спасаться нам не придется. Выполните приказ, капитан.

– Матвей! – Исинка бесцеремонно вклинилась в переговоры.

– Ты поступаешь неразумно. Немедленно верни «Можайск» в походный ордер и продолжайте следовать прежнему курсу. До запуска сидератора – семнадцать минут...

– Где корветы? – оборвал ее Матвей. – Они обошли завесу?

– Да, и в настоящий момент ведут повторный целезахват. До рубежа огневого контакта – двенадцать секунд...

– Семнадцать минут – и двенадцать секунд. Вот видишь, – прошептал Матвей и выключил всю внешнюю связь, оставив только канал с рубкой «Можайска».

Над прозрачным колпаком башенки проплыли, сияя проблемными маячками, овальные капсулы спасательных шлюпок. Чуть в стороне угадывались угловатые силуэты контейнеров с отходами и какие-то конструкции, наверное, навесные спасательные приспособления. Вообще-то сбрасывать это в открытом пространстве было грубым нарушением все того же Устава Полетной службы, но Матвею сейчас было на все наплевать. Сканеры «Меганевр» нашаривали цели и сброшенные «Можайском» объекты должны были хоть на какое-то время заменить собой суда каравана.

Его злило, что нет никакой возможности обнаружить врага раньше того момента, когда корветы начнут атаку. Впрочем, и тогда зафиксировать их не удастся – без боевых сканеров это невозможно. Но Матвей надеялся, что газово-пылевой аэрозоль завесы, постепенно расползаясь, сделает лазерные лучи вражеских орудий заметными и он сможет визуально определить, откуда ведут огонь грозные «стрекозы». Определить – и сделать ответный выстрел. Наугад, на глазок, практически без шансов на успех – но огрызнувшись, дать врагу понять, что легкой прогулки не будет, что у беззащитных гражданских судов есть чем ответить. После этого командир звена «Меганевр» просто обязан будет провести перестроение своих ведомых и атаковать вновь, уже прикрывая друг друга, по всем правилам. Таким образом будет выиграно время, еще несколько драгоценных минут.

– На два часа, сорок пять градусов – атака! – возник в корабельной трансляции голос Исинки.

Матвей улыбнулся – искусственный интеллект нашел способ, как с ним связаться – а сам уже вертел головой, разглядывая указанный сегмент полусфера. Естественно, луча он не увидел – в вакууме это невозможно – но одна из дрейфующих за кормой «Можайска» спасательных шлюпок вдруг разъехалась на две половины, выпустив серебристое облачко замерзшего воздуха.

Еще один выстрел противника Матвей заметил – сдвоенный луч «Меганевры» испепелил контейнер с бытовыми отходами и в темном пятне пепла высветились два голубых росчерка.

С помощью педалей развернув башенку, Матвей утопил большим пальцем гашетку, стреляя туда, где должен был находиться вражеский корвет.

– Девять часов, семьдесят градусов, – подсказала Исинка.

Новый разворот башенки, еще один выстрел. Эммитеры выли, не переставая – лазерное орудие накапливало энергию.

Тут Матвей понял, как надо поступить. На аэрозольную взвесь уповать не приходилось, и он принял сжигать плывущие в пространстве контейнеры, создавая перед «Можайским» новую завесу – из пепла. Теперь луч его лазера был виден, но стали заметны и огненные шнуры вражеских орудий.

Отвага, дарованная львом, ускорила реакции организма Матвея, сделала его сверхчеловеком, способным мгновенно вычислять те точки пространства, откуда били лазеры «Меганевр» – и отвечать им.

Сдвоенные залпы орудий корветов скрестились за кормой спасательного шлюпа – и ушли куда-то вниз. А сразу следом за этим Матвей увидел приближающийся на огромной скорости корвет «Меганевра». Серебристая черточка стремительно неслась за шлюпом – видимо, командир звена корветов решил действовать наверняка, чтобы покончить с неожиданным противником, мешавшим ему справиться с безоружным караваном.

Разворачивая башню, Матвей молил всех богов только об одном: успеть! Когда пришлось задрать вверх ствол лазерной пушки, руки отзывались тягучей болью. Он забыл загерметизировать скафандр, весь поглощенный стихией боя. Азарт, ярость, отвага – все эти вызванные львом чувства слились воедино.

– Раз! Два! Три! – вслух командовал себе Матвей, следя за линзой целеуказателя. Когда метка цели вошла в прицельный кружок, он выкрикнул: – Огонь!

И нажал гашетку. Лазер плюнул навстречу смертоносной «Меганевре» испепеляющим пучком когерентного излучения. В самый последний момент Матвей чуть дернул стволом орудия влево – ему показалось, что он промажет.

И он действительно не попал в корпус корвета. Но луч полоснул по вынесенному на пylonе двигателю, разрушив его. Вспышка плазмы, длящаяся какие-то доли секунды, разлетающиеся во все стороны обломки – и закувыркавшаяся «Меганевра» ушла под брюхо «Можайска».

– Есть! – заорал Матвей, от возбуждения подпрыгнув в кресле.

– Ты повредил ведущий корвет, – спокойно произнесла Исинка. – Внимание! Ведомые заходят парой, двенадцать часов, шестьдесят пять градусов.

– Вижу! – Матвей лихорадочно жал на педали, в очередной раз разворачивая башенку.

Голубые лучи расчертлили пепельное облако и «Можайск» ощутимо тряхнуло.

– Попадание в кормовую секцию! – испуганным голосом выкрикнул Безуглый. – Потеря хода! Пожар в левом двигательном отсеке. Активирована система пожаротушения. Потерь среди экипажа нет.

– Гады! – с чувством прошипел Матвей, давя на гашетку.

Серебристые стрекозы пронеслись мимо спасательного шлюза и тут же повернули на второй заход. Гумилев-младший потерял их из виду и скомандовал:

– Капитан, оборот девяносто градусов!

«Можайск» вздрогнул, и звезды над прозрачным куполом башенки поплыли в сторону – шлюп поворачивался вокруг своей оси.

– Справа, шесть часов! – предупредила Матвея Исинка, но его чудесным образом ускорившиеся реакции уже подали в мозг сигнал опасности.

Развернув орудие, Матвей наискось повел стволовом, стараясь зацепить сразу обе «Меганевры». Первый корвет в этот момент скользнул вниз и открыл огонь по шлюпу, второй же на некоторое время завис – видимо, пилот собирался спикировать на «Можайск», чтобы без помех расстрелять спасатель.

Луч лазера рассек колпак пилотской кабины «Меганевры» надвое. Несмотря на приличное – в пару километров – расстояние, Матвей ясно увидел и облачко замерзшего воздуха, и серебристую фигурку человека, выброшенного из кабины в космос.

Память услужливо подсказала: «Серебристый цвет имеют противоверегрузочные комбинезоны «Янтарь», позволяющие летать на сверхскоростях. Оборудованы гермошлемом, но наличие системы жизнеобеспечения не предусмотрено. Время выживания в открытом космосе зависит от конкретной ситуации и состояния среды, но в любом случае ограничено двумя минутами».

Фигурка закувыркалась в пространстве, подбитый корвет, оставшийся без пилота, унесся в бездну. Матвей прекрасно понимал, что означает фраза «наличие системы жизнеобеспечения не предусмотрено». Человек попросту замерзнет. Хотя его может убить и жесткое излучение, и разница давлений, разрывающих шланги подачи дыхательной смеси. В любом случае пилот обречен. А если единственная оставшаяся «Меганевра» попытается спасти его, то и ее пилот отправится на тот свет быстрее, чем успеет сосчитать до трех.

На мгновение Матвей ужаснулся собственным кровожадным мыслям. Он, только что фактически убив одного своего бывшего коллегу, размышляет, как удобнее расправиться со вторым! А ведь это может быть кто-то из знакомых! Или даже из однокашников, парней, с которыми он все годы учебы в Академии делил то, что журналисты называют «тяготами и лишениями нелегкой воинской службы».

Но лев одарил Матвея очередной бодрящей волной холода и ненужные мысли ушли, пропали. «А ля гер ком а ля гер» – так, кажется, говорили в прошлом. Закон войны простой: «Не убиваешь ты – убьют тебя».

И Матвей сосредоточился на серебристой человеческой фигурке, извивающейся, словно в пространственном танце. На фоне багрового сияния приближающегося протуберанца пилот сбитого корвета был как на ладони.

– Где же третий? – шептал Матвей, в возбуждении покусывая губы.

Он давно уже не обращал внимания на переговорное устройство, из которого доносился голос Безуглова, информирующего Гумилева о ситуации на борту «Можайска». Главное: гравитация есть, энергия есть, лазер работает. С остальным разберемся позже.

Пилот третьей «Меганевры» не стал делать Матвею подарка, подставляя свой корвет под лазерное орудие спасательного шлюпа. Он поступил четко согласно Боевому уставу Космофлота – потеряв ведущего и второго ведомого, вышел из боя и на форсаже помчался к базовому кораблю.

– Все правильно, парень. Но руку тебе в кают-компании не пожмут, – с некоторым сожалением вздохнул Матвей и коротким выстрелом прервал мучения барахтающегося среди обломков пилотской кабины человека. – Вот и все...

Несколько секунд он провел в странном оцепенении, слушая, как потрескивают под остывающим кожухом лазера импульсные источники света. Из простирации Матвея вывел голос Исинки:

– До включения сидератора – две минуты двадцать пять секунд. «Можайск» поврежден. Переключаю на Степана Гумилева.

– Стой! Не надо! Запрещаю! – спохватился Матвей, но было уже поздно.

– Матвей! – отец явно нервничал и поэтому позволил себе повысить голос: – Ситуация скверная! «Можайск» не сможет следовать вместе с караваном. Я высылаю за тобой и сотрудниками корпорации два катера. Мы успеем снять вас и переправить на замыкающий транспорт каравана. Экипаж шлюпа останется на борту – их не тронут.

– Но отец...

– Без разговоров! Это приказ!

– Внимание! – диалог двух Гумилевых прорезал звенящий голос Исинки: – Крейсер «Справедливый» увеличил тягу. Он догоняет нас!

«Прусаков выкинул главный козырь», – понял Матвей. А еще он понял, что бой с тремя «Меганеврами» был не самым серьезным испытанием.

Матвей сжал льва и ему почудилось, что фигурка шевельнулась в руке, словно оживая. Пришло осмысление того, что он должен сделать, чтобы спасти караван, людей, отца. Дыхание выровнялось, мышцы налились небывалой силой.

– Отец! Отзови катера. Времени на объяснения нет. Если что... позаботься о матери и... И все, отбой!

Тут же переключившись на ходовую рубку «Можайска», он вызвал Безуглова:

– Капитан! Включай аварийку!! Повторяю: включить внешние сигналы аварийной ситуации!

– Понял! Выполняю, – Матвею послышался восторг в голосе Иннокентия. Энергия льва, похоже, распространилась на всех, находящихся на борту спасательного шлюпа.

ЭПИЗОД 12

Огонь из всех орудий!

*Борт скоростного корабля «Надежда»; борт фотонного крейсера «Справедливый»;
борт спасательного шлюпа «Можайск»*

Покинув земную орбиту, «Надежда» призрачным фантомом понеслась через густо заполненный различными объектами сектор пространства между Землей и Марсом.

Надежда то и дело сообщала Анне, что прямо по курсу корабля находится то станция пересадки, то верфь, то космический завод, то группа судов. Петровская, полулежа в уютных объятиях ложемента, слушала переговоры диспетчеров, капитанов и навигаторов, но ни во что не вмешивалась, следя собственному же приказу о соблюдении режима радиомолчания.

Эфир был забит сигналами. В Солнечной системе, похоже, творилось черт знает что. На заводе компании «Орион», производящей бытовых роботов, персонал объявил забастовку, требуя повышения зарплаты. На пассажирской станции «Полянка-4» какие-то хулиганствующие молодчики разгромили зал ожидания и теперь прибывшая с Марса группа охранников ловила их по всему огромному комплексу станции. У сухогруза «Капитан Андреев» взбесился исин, вообразивший себя первым в истории кибернетическим писателем. Вместо выполнения своих прямых обязанностей по пилотированию планетолета он заблокировал экипаж в отсеках судна и принялся выдавать прямо в эфир куски свежесочиненного романа о любви двух андроидов на разведывательной базе в поясе Койпера. С Луны к «Капитану Андрееву» вылетел спа-

сательный корабль «Ростов Великий» с группой специалистов на борту.

Еще хуже обстояли дела в окрестностях Марса. Высланная с Луны эскадра Военно-Космических сил в составе пяти крейсеров и массы вспомогательных кораблей попыталась было высадить десант в столице мятежной Аркадии, чтобы раз и навсегда решить вопрос с самопровозглашенной республикой, но аркадцы подняли на низкие орбиты сотни гражданских судов, от стратолайнеров до мусорщиков, и угрожали взорвать их, закрыв пространство над Аркадией в случае начала высадки.

Командир эскадры ВКС контр-адмирал Головань приказал задействовать для отправки десанта «на грунт» орбитальный лифт, но поскольку более десятка телекомпаний освещали конфликт, ведя прямую трансляцию, в том числе и из боевой рубки флагмана эскадры, крейсера первого ранга «Нарва», о решении Голованя оперативно узнал бывший префект, а ныне президент и главнокомандующий Аркадии Воробьев. Он приказал лифт подорвать, что и было выполнено.

Гигантское сооружение очень красиво обросло облаками взрывов и в течение трех часов обломки сыпались на склоны горы Павлин. Взбешенный Головань арестовал всех корреспондентов и запретил трансляцию. СМИ радостно взвыли, на все лады склоняя контр-адмирала и жалуясь на ограничение свободы слова.

Закончилось это вмешательством Луны. Канцлер решил проблему кардинально – специальным указом он приостановил деятельность всех средств массовой информации Солнечной системы, за исключением официального правительственного канала.

– Ну и дурак, – сказала Анна, прослушав заявление пресс-секретаря канцлера.

«Надежда» оставила Марс позади и устремилась к поясу астероидов.

– Что у нас с двигателями? – Матвей покинул башенку лазерного орудия и торопливо бежал по мигающему аварийными лампами коридору к рубке, на ходу продолжая разговор с Безуглым.

– Левый – все, – коротко ответил капитан шлюпа. – Правый – потеря мощности тридцать семь процентов. Маневровые в порядке.

– Приказываю – идем наперевес «Справедливому». Выжми из реактора все, что только можно, слышишь?! Мы должны перехватить крейсер до того, как он настигнет караван.

– Понял! – подтвердил Безуглый.

Влетев в рубку, Матвей поймал несколько восторженных взглядов офицеров «Можайска», сидящих за пультами. Опьяняющее чувство отваги, дарованной львом, сделало из простых людей настоящих бойцов, берсеркеров, готовых погибнуть, но не сдаться врагу.

«Наверное, вот так в старину горстке воинов удавалось побеждать целые армии, – подумал Матвей, берясь за тангету внутренней связи. – Триста спартанцев, дружины Евпатия Коловрата... Интересно, был ли у него лев?»

Щелкнув переключателем, он поднес тангету к губам и четко произнес:

– Слушать в отсеках! Я, старший лейтенант Космофлота Объединенного человечества Матвей Гумилев обращаюсь к экипажу спасательного шлюпа «Можайск» и сотрудникам корпорации «Кольцо». Друзья! Мы идем на перехват фотонного крейсера «Справедливый». Остановив его, мы дадим шанс всему каравану уйти, скрывшись за завесой протуберанца. Не хочу никого обманывать – скорее всего, мы погибнем. Надеюсь, что все выполнят свой долг до конца. Командира группы Службы безопасности корпорации прошу подойти в ходовую рубку. Все.

Закончив говорить, Матвей поманил к себе Безуглова.

– Кеша, слушай внимательно. План такой...

Громада «Справедливого» пронзала пространство, стремительно пожирая километры. Прусаков расхаживал по просторному центральному посту крейсера, помахивая инфомонитором, на который передавалась вся оперативная информация.

Дежурная смена склонилась над дисплеями, старший помощник капитана, держась на почтительном расстоянии, внимательно следил за канцлером, готовый в любой момент выполнить любое пожелание нового хозяина Солнечной системы.

Прусаков принял решение бросить в погоню «Справедливый» сразу после того, как неизвестный стрелок с «Можайска» подбил первый из трех отправленных расстреливать караван корветов. У канцлера возникло неприятное ощущение, что добыча ускользает из рук. Конечно, неповоротливый «Справедливый», нагнав караван, не смог бы уничтожить все суда корпорации «Кольцо», но этого и не требовалось. Одиночные транспорты добьют потом корабли эскадры. Главное – покончить с флагманом Гумилевых, сжечь «Север». В том, что президент корпорации и его сын сейчас на курьерском планетолете, не вызывало у Прусакова никаких сомнений. Прекрасно понимал он и задумку Гумилевых – с помощью сидератора пробить дыру в губительной волне плазмы, уйти в нее. Оставив преследователей один на один с яростью светила.

– Господин канцлер! – один из офицеров оторвался от дисплея. – Выходим на крейсерский режим. Скорость – двести. Прикажите увеличивать?

Прусаков посмотрел на инфомонитор, где отображались данные о курсе и скорости крейсера.

– Нет, этого вполне достаточно. Через минуту начнем разворот и тогда дадим полное излучение. Мы сожжем «Север» со всей начинкой до того, как они успеют нырнуть в дыру.

Под «всей начинкой» Прусаков подразумевал не столько отца и сына Гумилевых, сколько серебрянную фигурку льва. Правда, твердой уверенности, что удивительный предмет сгорит в потоке испепеляющего излучения фотонного крейсера, у канцлера не было. Но даже если и так, пусть фигурка окажется в облаке пепла и обломков корабля, дрейфующих в поле притяжения солнца. Придет время – и она будет притянута светилом, чтобы навечно кануть в его термоядерных безднах.

Конечно, соблазнительно было попытаться завладеть львом, отправив на «Север» десант. Но, во-первых, мощность излучения за бортом приближалась к критической отметке и десантники попросту испеклись бы в своих ИБМ, а во-вторых, теперь у Прусакова был волк, предмет не менее могущественный, чем лев.

Информонитор вспыхнул по краю тревожным красным светом сигнала экстренного вызова.

– Что за черт? – нахмурился Прусаков, считывая данные.

Старший помощник, носящий новенькие погоны капитана первого ранга, подбежал к канцлеру, на ходу сверяясь со своим гибким дисплеем.

– Това... Простите, господин канцлер! Поврежденный корветами спасательный шлюп «Можайск» изменил курс и движется в нашу сторону.

– Вижу, вижу, – раздраженно дернулся серебряным эполетом Прусаков. – Какого черта им надо?

– Не знаю, но они включили аварийные сигналы.

– Аварийка, – усмехнулся канцлер. – Идиоты! А чего все так всполошились? Чем это желтое корыто может угрожать нам?

– Они идут на сближение, господин канцлер. А мы... Мы не можем изменить курс и уклониться, слишком велико ускорение.

– Шутишь? – недобро прищурился Прусаков и по его узкому лицу пробежала судорога. – Так расстреляйте этот шлюп к такой-то матери!

– Но это спецкорабль Единой Спасательной службы, терпящий бедствие! А кроме того, на нем предусмотрено кратковременное включение силового щита повышенной мощности – для отражения метеоритной атаки. Едва только мы откроем огонь...

– Молчать! – заорал, покраснев, канцлер. Он швырнул на пол инфомонитор, сунул руку в карман и сжал фигурку волка. – Огонь изо всех орудий! Немедленно! Выполнять!!!

Старший помощник, напротив, побледнел, как полотно, и торопливо забормотал в пластины микрофона, дублируя приказ канцлера.

– И выведите на большой экран визуализацию, – чуть успокоившись, буркнул Прусаков. – Я хочу видеть, как сгорит этот проклятый «Можайск»...

Лепестки диафрагм орудийных портов «Справедливого» разошлись и наружу выглянули толстые стволы плазменных пушек. Канониры крейсера открыли огонь практически сразу, без прицеливания – спасательный шлюп, ярко пылая кольцевыми огнями аварийных сигналов, был совсем близко, и чтобы поразить его, не требовалось ни расчета энергии импульса, ни корректировки прицела.

И тут ярко-красные мигающие огни, опоясывающие широкий корпус «Можайска», погасли, а вместо них зажглись совсем другие.

– Господин канцлер! Они... Это А1!

Прусаков с чувством выругался.

Сигнал «А1», или «последний сигнал», был знаком каждому пилоту, каждому курсанту и кадету. Древний, восходящий

еще к былинным временам парусного флота, он звучал лаконично и торжественно: «Погибаю, но не сдаюсь!» В старину команды обреченных кораблей, вступая в бой с превосходящими силами противника, поднимали на мачтах сочетание сигнальных флагов Ш-Ж-А. Бриг «Меркурий», крейсера «Варяг» и «Рюрик», катера и мониторы Пинской флотилии и множество других героических кораблей русского флота вошли в вечность под этим сигналом.

Теперь «Погибаю, но не сдаюсь!» выглядело как сочетание радиокодов, дублирующихся световой сигнализацией. Носовая часть и борта «Можайска» опоясали световые кольца – красное, белое и голубое. Спасательный шлюп подготовился к своему последнему бою.

Борта «Справедливого» окрасили множественные вспышки выстрелов. Без силовой защиты «Можайск» не продержался бы против этого хаотичного залпа и доли секунды. Но мощное поле, способное выдержать удар метеорита массой свыше пятидесяти тонн, не сплоховало. Спасательный шлюп облило сиреневое пламя и позади корабля возник длинный шлейф остаточной энергии, медленно загибающийся в противоположную от Солнца сторону – сказывалось давление потока частиц, испускаемых светилом.

– Торпеды! Ракеты! – надрывался канцлер, нервно тиская в руке стило, которым он наносил пометки на дисплее боевого управления. – Огонь! Огонь!

Но «Справедливый» так и не выпустил по «Можайску» ни торпеды с термоядерными боеголовками, ни ракеты класса «корабль-корабль», способные разрушить монитор орбитальной защиты. Шлюп опасно сблизился с фотонным крейсером и взрывы гарантированно повредили бы гигантский корабль.

– Что они делают?! – воскликнул Прусаков, наблюдая на большом экране, как нелепый желтый спасатель, с его разду-

тым трюом и многосотметровыми лапами захватов, приближается к «Справедливому». – Это что, таран?

– Хуже, – прощедил сквозь зубы старший помощник и расстегнул тугой воротничок нового мундира. – Они пытаются встать нам на курс.

– И?..

– При нашей скорости это конец, господин канцлер. Врезавшись в шлюп, «Справедливый» сомнется, как гармошка, до самых отражателей. Осталось несколько секунд. Отвернуть мы не успеем...

– Спасательную шлюпку! – на бегу выкрикнул Прусаков, покидая центральный отсек. – Каперанг, приказ экипажу – покинуть корабль!

Телохранители из числа бойцов бывшего Отдела Особых действий подхватили своего шефа под руки и сунули в эвакуационную нишу, где стояли наготове эвакокапсулы. Сами они заняли соседние, а по коридорам и отсекам «Справедливого» мчались обезумевшие люди, торопящиеся занять места в спасательных шлюпках.

Электромагнитный захват подхватил капсулу Прусакова и втолкнул ее в трубопровод. Получив ускорение, капсула скользила к эвакуационной палубе. Секунду спустя она вошла в специальный люк спасательной шлюпки и тут же сработал механизм отстрела. Направленные заряды выбили аварийные заглушки, и овальное тело шлюпки выбросило в открытый космос. Пискнул активатор аварийного буя. Прусаков, вжавшись в узкое кресло шлюпки, с ужасом и тревогой наблюдал, как удаляется от него серая стена крейсерского борта. И еще он с неудовольствием отметил, что его шлюпка покинула «Справедливый» далеко не первой.

– Стоп машина! – скомандовал Матвей, стоя за спиной Безуглава. – И сразу полный назад! Как только пройдем нос крейсера, поднимай захваты и цепляйся к корпусу.

И посмотрев вслед рою спасательных шлюпок, покинувших «Справедливый», он глубокомысленно изрек:

– Спасайся, кто может. Не ожидал...

План младшего Гумилева сработал как нельзя лучше.

Обманув противника аварийными сигналами, усыпив его бдительность, «Можайск» сблизился со «Справедливым», совершив запрещенный всеми инструкциями по космовождению маневр, на сленге пилотов называющийся «срезать шнобель». Успех операции был обеспечен точнейшим расчетом времени – Безуглов включил защитное поле именно тогда, когда фотонный крейсер уже не мог изменить курс. Силовой щит выдержал залп бортовых орудий «Справедливого», а «Можайск» приблизился к громаде несущегося на огромной скорости крейсера и загородил ему путь.

И в самый последний момент, за пару секунд до столкновения, неминуемо уничтожившего бы оба корабля, по приказу Матвея спасательный шлюп переместился буквально на сотню метров в сторону и с помощью лап-захватов прикрепился к корпусу «Справедливого».

«Можайск» был оборудован захватами для удерживания и буксировки терпящих бедствие кораблей из потенциально опасных участков пространства. За свою долгую жизнь шлюп таким образом вытащил из глубин газовых атмосфер планет-гигантов немало прогулочных яхт, переместил десятки захваченных грузовозов с пути следования метеоритных потоков, а вот теперь роли поменялись – фотонный крейсер тащил на себе оранжевый шлюп, в тамбуре переходного отсека которого штурмовая группа во главе с Матвеем Гумилевым готовилась к захвату «Справедливого».

Десять бойцов Службы безопасности корпорации «Кольцо» во главе со старшиной Архиповым, восемь добровольцев из числа сотрудников корпорации и сам Матвей – штурмовая группа заставила бы улыбнуться любого матерого космо-

десантника, особенно если учесть, что только безопасники имели настоящие боевые экзоскелеты, а добровольцы шли на абордаж крейсера в спасательных скафандрах высшей защиты «Корунд». Эти «Корунды» прекрасно защищали от радиации, агрессивных сред, высоких температур, но не могли противостоять ударному воздействию. Иными словами, хоть «Корунд» и мог выдержать залп из плазмомета, оболочку спасательного скафандра легко пробила бы обыкновенная пуля из примитивного огнестрельного оружия, не говоря уж о луче лазера.

И тем не менее Матвей не колебался ни секунды. Лев наполнял его отвагой, побуждал действовать, действовать! Энергия предмета заражала всех вокруг и у штурмовиков буквально горели глаза в предчувствии грядущего боя.

Экипаж «Можайска» и капитан спасательного шлюпа тоже рвались поучаствовать в абордажной схватке, но Матвей настрого запретил им покидать спасатель.

– Если что, кто-то должен будет уцелеть, чтобы вести «Справедливый»! – сказал он не терпящим возражений тоном.

«Можайск» прикрепился к корпусу фотонного крейсера в районе центрального отсека. Мощные плазменные резаки аварийно-спасательного комплекса шлюпа не без труда, но достаточно быстро вскрыли броню «Справедливого» и внутрь крейсера вдвинулся телескопический переходник. Зашипела поликерамическая быстrozастывающая пена, обеспечивающая герметичность соединения.

Матвей, сжав импульсный ручной лазер «Каин», оружие коварное и смертоносное, застыл перед овальной дверью переходника, считая секунды. Бойцы штурмовой группы сгрудились вокруг, подняв стволы своих плазменников.

На мгновение Матвей подумал об отце – как он там? Судя по времени, сидератор должен вот-вот заработать, продавли-

вая в огненном море протуберанца тысячекилометровый тоннель, по которому понесутся суда каравана.

Отливающая синим бронедверь дрогнула и стала сдвигаться в сторону.

«Все, – подумал Матвей, – началось!»

– Вперед! – рявкнул он и бросился в открывшийся проем.

Никакой особой тактики штурмующие не придерживались. Испокон веков при абордаже все решала ярость одних – и трусость других. Кто отважнее, тот и побеждает. Так было на Земле во времена парусников и броненосцев, так стало и в космосе.

Переходник со спасателя пронзил какой-то вспомогательный коридор и вдвинулся прямо в большую овальную кают-компанию «Справедливого». Матвей, держа палец на спусковой клавише «Каина», выскочил прямо на середину, пинками расшвыривая валяющиеся повсюду легкие стулья. Он ожидал увидеть закованных в тяжелую броню защитников крейсера, но кают-компания была пуста. Опрокинутая мебель, посуда, инфомониторы, чей-то недоеденный суп в фарфоровой миске – следы панического бегства были повсюду, но неужели с крейсера сбежали ВСЕ?!

– Командир, – прогудел в наушнике голос старшины Архипова. – Не стой, двигайся, сбивай прицел. Возможно, здесь засада!

Матвей быстро, насколько это можно было сделать в громоздком спасательном скафандре, переместился к стене и указал стволом «Каина» на проход, ведущий в центральный отсек.

– Туда!

Штурмующие бросились к арке, над которой горело красное табло «Экстренная эвакуация!». Двери в центральный отсек крейсера оказались открытыми. Над возвышающимся ходовым мостиком темнел большой экран внешнего обзора,

включенный в боевом режиме. Там скрещивались и расходились зеленые курсовые векторы целей, помаргивали яркие точки своих и чужих кораблей.

И ни души!

Впрочем, нет. Один человек все же остался. На вертящемся стуле у вспомогательного пульта, с которого во время боя обычно идет дублирование команд, сидел бледный человек в новеньком темно-синем мундире с серебряными погонами капитана первого ранга и задумчиво попыхивал кривой трубкой. В центральном отсеке висел неповторимый аромат дорогого марсианского табака с плантаций в долины Грез.

Увидев Матвея, во главе штурмовой группы ворвавшегося в отсек, каперанг поднялся и спокойно, по-военному четко, вскинул руку в приветствии звездных борцов:

– Товарищ Альфа! Старший помощник крейсера «Справедливый» Роберто Квалья докладывает – крейсер покинут командой...

Матвей рассмеялся, отсалютовал в ответ. Отстегнул шлем, швырнул его на диванчик, предназначенный для отдыхающей смены, и протянул здоровяку руку.

– Рад видеть, Роберто. И рад знать, что ты не изменил... не изменился.

– А вот ты, Максим, похоже... – начал Квалья, пожимая своей лапищей руку Матвею, но Гумилев прервал его, прижав палец к губам.

– Т-ш-ш... Я тебе потом все объясню. А сейчас переключи обзорный экран в режим визуализации и разворачивай «Справедливый», иначе мы через несколько минут сгорим ко всем звездным чертям!

Нет в мире зрелища более красивого, чем гигантский солнечный протуберанец, огненным драконом летящий в пространстве. Особенную остроту эта картина приобретает,

когда ты находишься в каких-нибудь трех десятках тысяч километров на пути его следования.

Непроглядный мрак космоса, миллионы, миллиарды лет не знаящий другого цвета, кроме никакого, и в этой пустоте способный просуществовать еще миллиарды лет, вдруг расцвел яростными, теплыми, да чего там теплыми – горячими, раскаленными красками, в палитре которых присутствовали все оттенки красного, оранжевого и желтого.

Струи плазмы, протянувшись на тысячи километров, переплетаясь между собой, наполнили мрак сплохами огня, способного испепелить любой рукотворный объект. Если бы суда «Кольца» оказались на пути протуберанца, они во мгновение ока превратились бы в оплавленные груды металла, изъеденного радиацией.

Но этого не произошло. Сидератор продавил в плазменном облаке гравитационный колодец диаметром в полторы сотни километров. Пронзив протуберанец, пространственный туннель протянулся дальше – к солнечной короне, и там, отклонив излучение звезды, открыл каравану безопасный путь к спасению.

Армада боевых кораблей Прусакова исчезла с радарных мониторов «Справедливого», едва только фотонный крейсер совершил маневр уклонения.

Матвей наслаждался зреющим буйства энергии светила, полулежа на диване в центральном отсеке «Справедливого». Роберто Квалья, взяв себе в помощники экипаж «Можайска», уверенно, на полной тяге, вел фотонный крейсер в обход выброса. Двести девяносто тысяч километров в секунду – почти скорость света – ни один корабль в Солнечной системе не мог двигаться так быстро.

Единственным объектом, оказавшимся на пути развития протуберанца, оказался героический спасательный шлюп «Можайск». Отстыкованный от «Справедливого», покинутый

людьми, он дрейфовал с выключеными огнями и обесточенной силовой установкой, дожидаясь огненного погребения.

Солнечная плазма поглотила шлюп, когда фотонный крейсер был уже далеко. Гибели «Можайска» могли бы позавидовать тысячи кораблей – спасатель покрыл себя славой и стал частью космоса, частью Вселенной.

– По традиции, мы передадим это имя другому кораблю, – с грустью в голосе сказал Матвей, глядя на крохотную искорку, вдруг вспыхнувшую в оранжевом мареве протуберанца, заполняющем весь обзорный экран. – А сейчас надо отыскать караван. Роберто, друг, что там с координатами?

– Три тысячи рентген мне в костный мозг! – с чувством выругался бравый пилот, попыхивая неизменной трубкой.
– Сейчас вокруг такой кавардак из-за магнитной гипербури, вызванной выбросом, что приборы просто сошли с ума. Максим...

– Матвей!

– Тыфу ты, пропасть! Матвей, боюсь, в течение нескольких часов мы не сумеем обнаружить ваш караван.

– Наш, Роберто, наш караван, – Матвей улыбнулся. – И ты все же постараися. От этого, возможно, зависят жизни людей.

Квалья снова выругался, выпустил облачко ароматного дыма и склонился над навигационным пультом.

Гумилев прикрыл глаза. В общем-то он был спокоен – сомневаться в квалификации Квалья не приходилось. Куда больше Матвея тревожили мысли о будущем. Путь до Титана долг, даже для фотонного крейсера.

Одна астрономическая единица равна примерно ста пятидесяти с половиной миллионам километров. Именно на таком расстоянии от Солнца находится Земля. Сатурн, вокруг которого вращается Титан, удален на расстояние в десять раз большее, до него примерно полтора миллиарда километров.

Даже если лететь по прямой, на полной тяге, «Справедливому» понадобиться более суток, чтобы добраться туда. Но в Солсисе по прямой летали только писатели-фантасты, да и то в далеком двадцатом веке.

Что уж говорить о судах каравана, тихоходных транспортах, которые на максимальной мощности не выжимали из своих силовых установок и одной тридцатой от скорости «Справедливого»!

«Да за тот месяц, что караван будет плюхать к Титану, нас тысячу раз обнаружат, тысячу раз нагонят и сожгут, – с отчаянием подумал Матвей и нашарил фигурку льва. И тут же отчаяние смело ветром надежды, как осенние листья. – Мы сумеем. Главное – чтобы Прусаков как можно дольше не мог найти караван».

Далее мысли Матвея потекли в ином направлении – он начал вспоминать все, что почерпнул за время учебы из академического курса «Современные средства радиоэлектронной разведки и способы борьбы с ними».

Спустя какое-то время все, находившиеся в центральном отсеке «Справедливого», вздрогнули от торжествующего возгласа Гумилева:

– Ну конечно! «Беллона», станции слежения проекта «Око»!

Поймав несколько удивленно-встревоженных взглядов, Матвей легко вскочил с дивана.

– Все нормально, друзья! Роберто, мы нанесем упреждающий удар. Нам надо найти «беллоновскую» станцию слежения и обезвредить ее. Она где-то над плоскостью эклиптики, висит, образно выражаясь, на оси Солнечной системы.

– Это все равно, что искать иголку даже не в стоге, а в миллионе стогов сена, – развел руками Квалья. – Особенно если учесть, что нужная нам станция находится в глубинах облака Оорта, среди миллиардов комет и метеоритных роев.

И тут подал голос Иннокентий Безуглов. Спасатель тяжело переживал гибель своего корабля и по совету коллег позволил себе некоторую релаксацию в виде бутылочки хэйхэйского виски из камбузных запасов крейсера. Уединившись за отключенным пультом ручного управления, Безуглов словно отрешился от всего, мрачно накачиваясь виски. Но оказалось, что он внимательно следит за всем, что происходило в центральном отсеке.

— Я знаю, как найти эту станцию, — сказал Иннокентий, и после того, как все заинтересованно уставились на него, продолжил: — Она называется «Око-500» и у всех капитанов кораблей Единой Спасательной службы был резервный канал для связи с ней, чтобы получать координаты терпящих бедствие судов. Правда, это — государственная тайна...

ЭПИЗОД 13

Одна и без оружия

Борт крейсера «Халхин-гол»; станция «Покой»

Крейсер первого ранга «Халхин-гол», далеко опередивший эскадру ВКС, первым подошел к району дрейфа спасательных шлюпок со «Справедливого». Рутинная в общем-то операция по приему на борт терпящих бедствие обернулась настоящей битвой со временем – выброс солнечного вещества стремительно приближался, уровень радиации повышался, а секунды таяли.

Командир «Халхин-гола», капитан первого ранга Иванченко, отслуживший в Космофлоте двадцать четыре года и относящийся к той породе военных, про которых сказано: «старый конь борозды не испортит», поступил просто и разумно. Он приказал использовать магнитные ловушки и принимать шлюпки прямо на аварийную палубу, словно это были подбитые корветы.

Таким образом удалось быстро обеспечить безопасность экипажа «Справедливого» и покинуть район выброса за несколько секунд до того, как волна раскаленной плазмы, температура которой, судя по показаниям датчиков крейсера, достигла двадцати тысяч градусов Цельсия, сожгла бы шлюпки и сам «Халхин-гол» в придачу.

Прусакова, к его еще большему неудовольствию, в нарушение субординации спасли не первым. Он устроил Иванченко разнос, тут же, в рубке крейсера, понизил старого рубаку в звании и приказал вызвать на борт весь свежесформированный Генеральный штаб Военно-Космических сил.

Расхаживая перед стоящими навытяжку адмиралами, многие из которых были старше его вдвое, канцлер дидактическим тоном вещал:

– Оценивая проведенную операцию по ликвидации корпорации «Кольцо», в сухом остатке мы имеем что? В сухом остатке мы имеем полный провал! Потеряны два новейших корвета типа «Меганевра», противнику удалось ускользнуть и где его искать, неизвестно, а главное, господа – мы потеряли флагман! Все это пример вопиющего непрофессионализма! Вы не герои межпланетных трасс и не защитники человечества, вы – домохозяйки, вздумавшие поиграть в виртуальные космические игры!

Адмиралы, сверкая серебряными звездами новеньких эполет, шумно отдувались, багровели, потели, стыдливо опуская глаза в пол. Отчего-то все они испытывали необъяснимый страх перед этим человеком, невесть откуда взявшимся и вдруг в одночасье сосредоточившим в своих руках огромную, невиданную власть.

О том, что вся проваленная операция изначально была детищем канцлера и ее стратегия продумывалась без привлечения специалистов Генштаба, никто из адмиралов, разумеется, не упомянул. Прусаков фактически должен был бы высечь сам себя, но он, естественно, не собирался этого делать. Сжимая в кулаке волка, канцлер бегал вдоль строя и кричал, потрясая этим самым кулаком.

– Что, скажите мне пожалуйста, господа адмиралы, что мы теперь будем делать?! Почему я слышу в ответ только кабанье сопение?! Отвечать!! Где корабли Гумилевых? Где «Справедливый»?! Под трибунал пойдете, господа! Все, поголовно!

Волны ужаса, испускаемые волком, стали едва ли не осозаемыми. На левом фланге адмиральского строя рухнул как подкошенный бывший генерал-майор, а ныне вице-адмирал Туторин.

– Сердечный приступ! – сообщил начальник медслужбы крейсера.

Адмирала начали грузить на носилки.

– Гимназистка! – бросив на упавшего гневный взгляд, презрительно выпятил губу Прусаков.

Медицинские роботы тут же унесли бездыханное тело и вновь воцарилась тишина, нарушаемая лишь далеким, утробным гулом – это работали маршевые двигатели крейсера.

– Господин канцлер, – прозвучал вдруг тихий, но твердый голос. – Мне кажется, есть возможность отыскать караван судов корпорации «Кольцо».

– Да?! – резко обернулся Прусаков и поиском глазами говорившего. Это оказался начальник информотдела Генштаба адмирал Болобанов. – И как же?

– Нам поможет станция «Око-500», – стараясь смотреть мимо разноцветных глаз канцлера, проговорил адмирал. – Мы отследим маршрут следования каравана и сможем взять их в любой точке...

– Связывайтесь со станцией и дождите меня о результатах сразу же! – распорядился Прусаков. – Все свободны, господа. Идите, работайте, но помните – вы очень, очень меня разочаровали!

Облегченно утирая платками выступивший пот, адмиралы разошлись.

Канцлер отправился в капитанскую каюту и вызвал своего бывшего заместителя по Отделу Особых действий товарища Дельту, ныне – командира Особого отдела ВКС капитана первого ранга Лунгина.

– Возьмете «ноябрьстов», или как они там теперь называются, все время забываю...

– Отдельная специальная десантно-штурмовая бригада, ОСДШБ, – отчеканил матерый спецназовец, выпятив квадратную челюсть.

— Вот-вот, берите их в свое подчинение и в кратчайшие сроки, повторяю, в кратчайшие, разыщите мне двух девушек. Соню ван Астен и Анну Петровскую.

— Разыскать и...

— И доставить в мою резиденцию. Живыми! И невредимыми. Ну, по возможности. Все ясно? Будем ловить на живца.

— Так точно това... господин канцлер!

— И помните, Лунгин — от успешности выполнения этого задания зависит ваша... нет, не карьера, а жизнь!

Каперанг Лунгин четко повернулся на каблуках и вышел из каюты. Очутившись за дверью, он украдкой чертыхнулся и вытер о мундир вспотевшие ладони. На счету этого гения диверсий и захватов значилось не менее сотни собственноручно уничтоженных врагов, в Космофлоте и «Беллоне» о нем ходили легенды, а когда «Армия пробуждения» слилась со своими бывшими противниками, молодые лейтенанты приходили посмотреть на Лунгина, как на диковинку.

Он никогда и ничего не боялся. Но сейчас спецназовец испытывал страх, животный, ни с чем несравнимый страх человека, лишенного собственной воли...

Горнодобывающий комплекс «Аметист», тихоходный монстр с огромным, похожим на челюсть фантастического чудовища ковшом-приемником, в котором свободно умещались небольшие астероиды, доставил на «Покой» артель старателей. Верховодил в ней старый знакомец Сони ван Астен, однорукий старик по кличке Лещ.

Двенадцать артельщиков встретились с девушкой в холле гостиничного комплекса.

— Товарищ Соня! — радостно воскликнул Лещ, издали приветствуя инструктора штаба «Армии пробуждения» взмахом уцевлевшей руки. — Вот уж не ожидал!

— Я тоже рада, товарищи, — кивнула Соня. — Рада, что вы живы.

– Живы, живы, – прохрипел подрывник Глумов, падая в кресло. – И даже почти здоровы... Вот только дела у нас, товарищ Соня, идут из рук вон.

Соня с пониманием наклонила голову. Вольные старатели этой и других артелей обычно работали по договору с «Армией пробуждения», добывая для звездных борцов редкие элементы, минералы и вещества, которыми изобиловали астероиды Троянцев и Греков Юпитера.

Теперь, когда некому стало выдавать подряды на работу, артельщики оказались перед дилеммой: или сдавать добытое на государственные пункты приемки по бросовым ценам, или искать новых заказчиков.

– Пока вот пришли на «Покой» заправиться, – гудел Лещ и, прихлебывая из литровой кружки имбирное пиво. – Чего дальше делать – без понятия.

– Верно, верно! – зашумели артельщики. – Бардак кругом!

– Ну, а ты-то, товарищ Соня, как? – поинтересовался Лещ, и не дождавшись ответа, сокрушенно обронил: – Эх, Людвиг погиб, до сих пор не верится. Такой человек был! Громадина!

– Не надо об этом, – сухо сказала Соня.

– Понимаю, – Лещ приложился к кружке. Длинные усы старателя обвисли. – А ты с кем теперь? С этими, канцелярскими... или?

– Или, – отрезала Соня, но не удержалась, добавила: – Максима я ищу! Товарища Альфу! Ничего о нем не слышали?

– Извини, – поставив кружку, отвел в сторону руку Лещ. – Как в черную дыру канул. Да и вообще наших почти не встречаем. Вроде бы на Агамемноне сбивается лихая компания, но там анархисты верховодят, нам с ними не по пути.

– Ладно, – Соня поднялась, пожала Лещу руку. – Пора мне. Через час заправка закончится.

– Куда же ты теперь, товарищ Соня?

– «Вниз» пойду. Попробую разыскать кого-нибудь из «верных».

Артельщики поднялись, прощаясь с девушкой. Соня дошла до лифта и тут вспыхнули панели боевой тревоги, и голос исина загрохотал во всех помещениях станции:

– Внимание! Обнаружены три корабля «Беллоны», опознаны как крейсера второго ранга «Эльбрус», «Казбек» и легкий крейсер «Сапсан»! Подлетное время до огневого контакта – шесть минут. Боевые системы станции активированы! Повторяю: внимание! Обнаружены три корабля...

– Уходим! – заорал Глумов, первым кидаясь к лифту.

За нимсыпнули артельщики. Лещ, пробегая мимо опешившей Сони, дернул ее за руку:

– Айда с нами, товарищ Соня! Мы еще на зарядку не встали. Уйдем по-тихому. Астероидом прикроемся – и уйдем!

Соня дернулась к заполненному взволнованными старателями лифту. Предложение Леща было правильным и логичным. Ее фрегат еще час будет стоять на зарядке топливных батарей. Прерывать зарядку, размыкать контуры нельзя. Бросать «Зоркий» жалко, но три крейсера есть три крейсера. Плазменные орудия станции сумеют сдержать их натиск лишь на некоторое время, а потом корветы разрушат силовую защиту, разобьют радарные установки, превратят в руины башни системы боевого сканирования и тогда свое веское слово скажет главный калибр крейсеров. Станция «Покой» обречена, это очевидно.

С другой стороны, если «Зоркий» закончит заправку, его скорости будет достаточно, чтобы уйти от преследователей.

– Готовьтесь к отлету, я сейчас! – крикнула Соня Лещу.

– Поторопись, время дорого! – предупредил ее бывалый старатель.

Створки лифта сомкнулись. Оставшись в одиночестве, Соня, не обращая внимание на сигналы боевой тревоги, вызвала исин «Зоркого».

Выяснилось, что до полной зарядки батарей и расстыковки с заправочным комплексом осталось меньше двадцати минут.

– Успею! Продержусь! – вслух сказала Соня и связалась с Лещом.

Старатели уже погрузились на борт своей самоходной драги и ждали только ее.

– Товарищи, летите без меня, – сообщила им Соня. – Так надо.

– С ума сошла?! – заорал Лещ.

– Так надо! – жестко повторила Соня и отключилась.

Она знала, была уверена на сто процентов – артельщики не будут валять дурака, организовывать спасательные экспедиции и совершать прочие глупости. У них все решения принимаются коллегиально, у них коллектив – это сила, а коллектив всегда бережет себя и поэтому действует исключительноrationально.

Поднявшись в пункт управления станцией, Соня спустя несколько секунд увидела на обзорном экране подтверждение своих мыслей – «Аметист», подняв ковш-приемник, жутким технократическим динозавром проплыл мимо заправочного узла станции «Покой» и исчез из виду за выпуклыми куполами боевых сканеров. Следом за ним скользнула пара самонаводящихся торпед, но вряд ли они могли серьезно повредить громаду горнодобывающего комплекса.

Проводив торпеды взглядом, Соня набрала на командной панели запрос на прямой контакт с исином станции и ввела секретный цифробуквенный код. Как инструктор штаба «Армии пробуждения» она имела право напрямую подчинять себе различные объекты инфраструктуры звездных борцов.

– Приоритетный выбор целей? – поинтересовался исин «Покоя».

– Отставить! – скомандовала Соня. – Заградительный огонь по курсу противника. Частота залпов – максимальная.

— Выполняю.

Тупоносые орудия главного калибра станции выехали по направляющим из пушечных портов, разворачиваясь навстречу подлетающим крейсерам. Прошло несколько секунд и батареи дали первый залп. Сгустки плазмы ушли в пространство, окрашивая его радужными вспышками.

Крейсера, идущие клином, немедленно сбросили скорость, перестроились и продолжили атаку с трех сторон. Но их дальнобойные лазеры и импульсные пушки молчали.

«Значит, сейчас выпустят корветы», — решила Соня, бросив быстрый взгляд на электронное табло станционного хронометра.

До окончания заправки «Зоркого» оставалось одиннадцать минут.

Сердце девушки билось со скоростью сто ударов в минуту, как у спортсмена, бегущего кросс по пересеченной местности. Соню охватил азарт — успеет ли она покинуть станцию до того, как корветы прорвутся через силовые щиты и обрушат на «Покой» ливень лазерных лучей? По всем раскладкам выходило, что должна успеть.

В космических сражениях время вообще давно уже стало главным фактором успеха. Побеждает тот, кто успевает первым. Первым обнаружить цель, первым выстрелить, первым занять выгодную позицию, первым поставить силовое поле, первым включить маршевые двигатели, наконец, и покинуть опасный район.

Мониторы комплекса боевого сканирования замигали оранжевым, извещая об увеличении меток на экранах.

— Вот и кавалерия, — прошептала Соня, переключая малокалиберные пушки станции в режим одиночного сопровождения и уничтожения целей. Теперь плазменные орудия малой начинки, смонтированные во вращающихся полусферах и управляемые исином, самостоятельно разобрали корветы и шарили раструбами стволов, готовясь уничтожить врага. Соня знала

– первая волна атаки захлебнется. Тогда в бой вступят дальние бои крейсеров – странно, что они до сих пор молчат – и подавят батареи станции. Но она будет уже далеко...

«Ну, пора и честь знать», – подумала девушка, упруго выскочила из кресла и бегом покинула пункт управления. До отстыковки «Зоркого» от топливного узла оставались считанные минуты.

Соня планировала увести фрегат на теневую сторону астероида и оттуда на максимальной скорости уходить к Энею, до которого от Пиноса было почти три миллиона километров. Эней окружали густые облака метеоритов, и там противник обязательно потеряет «Зоркий».

Гулко бухая подошвами легкого пилотажного скафандра, Соня промчалась по пустому коридору перехода, ведущему к заправочному узлу. Набрав на терминале у шлюза код подтверждения, она сделала шаг к разъезжающимся лепесткам мембранных выхода, сняла с шеи электронный ключ корабля – и замерла, пораженная до глубины души.

В тамбуре «Зоркого» ее ждали. Два десятка рослых спецназовцев в таких знакомых, даже родных боевых экзоскелетах «Армии пробуждения», держа наизготовку парализаторы, окружили девушку. Она заметила, что на рукавах и груди экзоскелетов отсутствуют эмблемы звездных борцов, а вместо них появились другие – солнечная корона, заключенная в многоугранник, и буквы ВКС.

Сопротивляться было бесполезно. Соня остановилась, подняла руки. Она знала, как это больно – получить заряд парализатора с близкого расстояния, и поэтому благоразумно решила не делать глупостей.

Но все ее благоразумие как ветром сдуло, когда один из спецназовцев поднял дымчатое забрало бронированного гермошлема и оказался... товарищем Дельтой, правой рукой товарища Дементьева, заместителем начальника Отдела Особых действий.

Соня поначалу даже облегченно улыбнулась, решив, что спецназ прибыл, чтобы спасти ее. Но улыбка тут же погасла – девушка поняла, что товарищ Дельта проник на станцию «Покой», потому что его секретные коды доступа имеют куда более высокий уровень приоритета, а сам заместитель товарища Беты теперь, конечно же, занимает весьма высокий пост в новой администрации Солнечной системы.

– Пройдемте, – весело сказал командир спецназа, указывая стволом парализатора на открытый шлюз. – Мне еще надо отключить боевые системы, чтобы наши крейсера смогли пристыковаться.

– Наши?! – задохнулась Соня. – Ты, товарищ Дельта, говоришь про корабли «Беллоны» «наши»?! За сколько, интересно, вы продались объединенночеловекам?

– Не бузи! – добродушно посоветовал командир. – Нет никакого товарища Дельты. Есть капитан первого ранга Лунгин. Игры кончились, Соня. А насчет того, кто кому продался... Похоже, твой женишок как раз и... того... Понимаешь?

– Сволочь ты! – гневно сверкнув глазами, бросила Соня. – И твой канцлер тоже! Предатели!

Лунгин нахмурился. Похоже, последнее слово обидело его всерьез.

– Я хотел как лучше, – сказал он и утопил кнопку на рукояти парализатора.

Соня вскрикнула, а потом все ее тело скрутила судорога, перед глазами замелькали разноцветные пятна и сознание померкло...

ЭПИЗОД 14

Вы будете уничтожены!

Борт корабля «Надежда»; борт легкого крейсера «Сапсан»

– Аня, у нас чрезвычайная ситуация, – голос Надежды звучал бесстрастно, но тот факт, что она разбудила Петровскую посреди ночи, говорил о многом.

– А? Что такое? Сколько времени? Где мы?

– Три ноль две по среднесолнечному, – ответила Надежда. – Пространственные координаты корабля...

– Не надо! – Анна потерла глаза, откинула крышку спальной кapsулы и села на краю, свесив ноги. – Ты зачем меня разбудила?

– Я поймала сигнал бедствия. Передается в широком диапазоне, открытым текстом. У меня в программе заложена приоритетность выполнения действий по этому сигналу над всеми другими командами.

– Дай эфир! – потребовала Петровская, вскочила и прямо босиком побежала в отсек управления корабля.

– Всем, всем, всем! – зазвучал из динамиков хрипловатый мужской голос. – Здесь горнодобывающий комплекс «Аметист»! Мы терпим бедствие. Повторяю – мы терпим бедствие. Повреждены дюзы и ходовая часть. Реактор комплекса работает, система жизнеобеспечения в норме. Экипаж жив и здоров. Требуется техническая помощь или буксировка. Всем, всем, всем! Здесь горнодобывающий комплекс «Аметист»...

– Ну... – Анна повеселела, поджала ноги и завертела головой, словно надеясь увидеть «Аметист» на фоне полусфера звездного неба. – Ничего же страшного! Системы у них в норме, жизням экипажа ничего не угрожает.

– Я связалась с исином комплекса на закрытой, «машинной», как говорят программеры, частоте, – Надежда произнесла эту фразу как бы между прочим. – «Аметист» работал на «Армию пробуждения», а вчера подвергся атаке возле станции «Покой», принадлежащей этой организации. Две торпеды в дюзы...

– Ты зачем мне все это рассказываешь? – не поняла Анна. – Сделай лучше кофе, да покрепче.

Из ниши в подлокотнике ложемента выскочил стаканчик кофе, а Надежда продолжила:

– Исин сообщил: на станции «Покой» была девушка. Она осталась ждать, когда ее корабль закончит заправку. Дальнейшая судьба девушки неизвестна...

– Имя? – похолодев, спросила Петровская.

– Соня ван Астен.

– Координаты станции?

– Уже введены в навигационный блок.

– Почему не меняем курс?

– Сигнал бедствия... – в голосе Надежды скользнуло недоумение.

– Ты же сама сказала, что этим старателям ничего не угрожает?

– Но мы обязаны...

Анна едва не поперхнулась кофе.

– Обязаны?! Почему это?

– Я думала, у людей развито чувство благодарности, – сожалением произнесла Надежда.

Отставив стаканчик, Анна опустила голову. Ей было стыдно. Она вела себя сейчас как типичная губернаторская дочка, этакий персонаж из молодежного ситкома «Золотые девчонки», эгоистичный, недалекий и взбалмошный.

– Что... – дрогнувшим голосом спросила она. – Что мы можем сделать для них?

– Состыковаться с кормовым узлом и выступить в роли толкача, бустера, придав «Аметисту» необходимое разгонное ускорение.

– Отлично, – кивнула Анна. – Выполним. А я пока приведу себя в порядок – не в пижаме же мне знакомиться со спасенными...

Спустя пару минут Петровская, облаченная в обтягивающий черный комбинезон из «умного» нанопласта, заняла свое место в ложементе первого пилота. За это время «Надежда» вплотную подошла к дрейфующему в пространстве «Аметисту».

Горнодобывающий комплекс занимал почти всю полусферу экрана. Гигантская корма «Аметиста» была разворочена взрывами. От дюз остались лишь металлические лохмотья, искореженные цилиндры ходовой установки зияли дырами, над которыми парили ледяные кристаллы замерзших газов.

– Они нас не видят? – уточнила Анна.

– Поверхность «Черной стрелы» поглощает излучения радаров комплекса, – подтвердила Надежда. – Визуально наш корабль так же незаметен.

– Дай, пожалуйста, связь с их капитаном.

– Выполняю.

В эфире послышался треск, какие-то разряды.

– Внимание! – громко произнесла в выдвинувшийся из пульта управления колышек микрофона Анна. – «Аметист», вы слышите меня? Здесь... – она замешкалась, но тут же нашлась, – здесь курьерский корабль «Петр Анновский». Повторяю: здесь курьерский корабль «Петр Анновский». Приготовьтесь к стыковке на кормовой узел.

– Хв... хвала Солнцу! – от неожиданности Лещ поперхнулся словами. – А мы уж думали, будем загорать до нового Большого взрыва! Где вы, «Петр Анновский»? Мы вас не видим.

Анна усмехнулась и, проигнорировав вопрос старателя, принялась излагать план по спасению «Аметиста».

…Вся операция заняла не более двух часов. Большую часть этого времени Петровская провела в кают-компании горнодобывающего комплекса в окружении старателей. Впрочем, «провела» – не правильное слово. Анна царила в большом, неряшливо обставленном зале, она была «королевой бала», «черной феей космоса», как выразился подрывник Глумов.

Отвыкшие от женского общества старатели старались во всем угодить нежданной спасительнице. Они сыпали неуклюжими комплиментами, наперебой угождали ее сладостями, с чисто мужской непосредственностью интересовались, не надо ли чего-нибудь починить на борту удивительного корабля Анны, а однорукий артельный голова Леш даже пригласил девушку на тур вальса.

И, конечно же, Петровская получила ответы на все свои вопросы.

– На станции «Покой» была Соня ван Астен?

– Да, она.

– Что нужно было трем крейсерам Военно-Космических сил, атаковавшим станцию?

– А шут их знает, придурков.

– Где Соня сейчас?

– Похоже, улететь на своем фрегате не успела. Пробовала отбиваться, но ничего не вышло. Скорее всего, в плenу.

– Куда полетели крейсера потом?

– Судя по показаниям радаров, «Эльбрус» пристыковался к станции. «Казбек» ушел в сторону Юпитера. А легкий крейсер «Сапсан» вышел на трассу «Юпитер-Луна» и двинул по ней – только дюзы засверкали.

– А вы где были в это время?

– Висели в ста тысячах без хода. Все видели, помочь запрашивали, но не получили.

– Ясно, – Анна легко поднялась из вертящегося креслица, отсалютовала старателям – спасибо, мол, за информацию. – Ну,

давайте прощаться. Сейчас я перейду на «Наде...», на «Петра Анновского», мы разгоним вашего дракона и расстыкуемся.

Разгон «Аметиста» прошел на оценку «пять» – все же Надежда была не простым исином, а полновесным искусственным интеллектом с расширенными возможностями.

Когда сцепка из двух кораблей набрала необходимую скорость, «Надежда» отстрелила стыковочное кольцо и легко отошла от громады горнодобывающего комплекса. «Аметисту» предстоял долгий путь малым ходом к Троянцам Марса – старатели сами выбрали этот маршрут, а Анна собиралась догнать «Сапсан». Женская интуиция подсказывала ей, что именно на борту легкого крейсера она найдет ответы на многие вопросы.

Пси-излучение, используемое армейскими парализаторами, поражает в первую очередь крупные нервные центры, чтобы гарантировано вывести противника из строя как боевую единицу. То есть шевелить руками, ногами, головой и даже языком он не может. А вот слышать, видеть и чувствовать – вполне.

Поэтому все то время, пока спецназовцы бывшего товарища Дельты переправляли Соню на борт легкого крейсера «Сапсан», девушка чувствовала. Чувствовала боль. Рождаясь где-то в районе позвоночника, боль яростным когтистым зверем бросалась из стороны в сторону, терзая то плечо, то колено, то вгрызаясь в шею, то царапая ребра...

Только оказавшись в медотсеке крейсера и получив дозу антидота, Соня вздохнула с облегчением. Но тут же на нее навалилась боль совсем другого рода. Она, беспомощная, опутанная по рукам и ногам прочнейшими медицинскими лентами, лежит тут, под прозрачной крышкой диагностического саркофага и покорно ждет, когда ее доставят к товарищу Дементьеву.

Хотя какой он, к черту, товарищ! Иуда, предатель и узурпатор, вот кто он. От бессилия и обиды Соня хотела заплакать, но вни-

материнский медборт мгновенно отследил изменения в ферментном и гормональном составе крови и вколол успокоительное.

«Сейчас засну, – поняла девушка, прикрывая глаза. – А когда проснусь... Интересно, зачем я понадобилась Дементьеву или как там его теперь... Прусакову? Ну, не влюбился же он в меня... И потом – у него была масса времени. Максим вон влюбился сразу... Максим! Вот зачем я понадобилась канцлеру! Он хочет выйти на него. Шантаж...»

Бороться с наплывающими волнами дремоты было выше Солнечных сил. Побалансировав на грани между забытьем и явью, она наконец соскользнула в царство Морфея.

Легкий крейсер «Сапсан» тем временем шел по межпланетной трассе, в иное время густо насыщенной пассажирскими, грузовыми и специальными судами. Пространственная путь, связующая Луну и Юпитер, кратчайший путь между двумя населенными мирами уже много лет работал без перебоев, доставляя в обе стороны грузы и тысячи, десятки тысяч людей.

Но сейчас трасса пустовала. На радарах идущего крейсерским ходом «Сапсана» за несколько часов полета не появилось ни одной метки. И дело тут было вовсе не в том, что Луна в паре с Землей «зашли за Солнце» и для связи с Юпитером использовались запасные маршруты.

Просто в Солнечной системе практически прекратилось официальное грузопассажирское межпланетное сообщение. Компании-судовладельцы не хотели рисковать. Страховщики отказывались страховать людей и грузы. Многие порты закрылись. Где-то элементарно не хватало топлива.

– Бардак! – вздохнул киперанг Лунгин, сцепив руки под подбородком.

Он сидел рядом с капитаном «Сапсана» Хруничем, попивал забористый «адмиральский» чаек и слушал, как уже пожилой космический волк жалуется ему на судьбу-злодейку:

– Два года до пенсии оставалось! А у меня она хо-орошая выходила – три ранения, шестнадцать правительственные наград, пять успешных походов, одиннадцать побед в одиночных с вашими... И тут на тебе: новые погоны, новая должность – и служи, Емеля, дальше. И главное – не скажешь: не хочу, мол! Обязан. Ну, или увольняться по собственному. Но тогда прощай пенсия. А я домик хотел купить на Марсе...

Лунгин неопределенно хмыкнул. Здравое зерно в рассуждениях Хрунича, конечно же, имелось. Но только потому, что капитану было что терять. А вот ему, товарищу Дельте, никакая пенсия и марсианский коттедж не светили в принципе. Он вовал за идею.

А теперь? За кого сражается Тимофей Лунгин теперь? За товарища Дементьева, ставшего канцлером? За все ту же идею? За благо человечества?

Додумать он не успел – неожиданно потухли экраны боевых сканеров правого борта и следом сразу взвыла сирена боевой тревоги.

– Мать моя комета! – вскочил Хрунич, торопливо напяливая на голову гарнитуру боевого управления. – Пост наблюдения! Вы что там, спите?!

– Атака по правому борту, – отозвался взволнованный голос.

– Это я и так вижу! – рявкнул Хрунич. – Кто?!

– Объект вне сферы обнаружения.

– Поднять зонды, выпустить сканеры!! Канонирам – готовность номер один. Выполнять!

– Я пойду к своим, готовиться на всякий случай, – Лунгин поднялся. – Вдруг нас на абордаж будут брать – а тут опа – такой сюрприз!

Он ничего не понимал в космических боях, но был крепким профессионалом в сражениях иного рода и знал – сорок имеющихся под его началом на борту «Сапсана» спецназовцев

в случае чего покрошат в мелкий винегрет батальон обычных десантников.

Каперанг Лунгин даже не догадывался, что крейсер «Сапсан» атакован вовсе не межзвездным линкором или тяжелым крейсером типа «Москва», а сравнительно маленьким шарообразным корабликом, пилотируемым хрупкой девушкой в черном комбинезоне из нанопласти.

– Теперь сканеры левого борта! – скомандовала Анна.

«Надежда» облетела серебристый корпус легкого крейсера «Сапсан», и Надежда одним залпом выжгла белые шары, густо облепившие носовое утолщение крейсера. Уникальное покрытие полиэдра позволяло ему оставаться полностью невидимым.

– Антенны радаров! – восторженно взвизгнула Петровская.

Все пять плазменных орудий «Надежды», маломощные в сравнении с главным калибром «Сапсана», но чрезвычайно эффективные в ближнем бою, разнесли в брызги темные многоугольники антенных конструкций, окончательно ослепив корабль.

– Теперь связь с капитаном! – Анна сосредоточилась и строгим учительским голосом выдала заранее заготовленный текст: – Эй, на «Сапсане!» Немедленно посадить в спасательную шлюпку находящуюся на вашем борту Соню ван Астен и выслатать шлюпку на безопасное расстояние. В противном случае вы будете уничтожены.

– Тяни время, – шепнул Хруничу Лунгин.

Командир спецназовцев вернулся в боевую рубку крейсера. Как руководитель всей операции по поимке Сони ван Астен он не мог допустить, чтобы неведомый и невидимый враг диктовал ему свои условия.

Хрунич, бледный как мел – он впервые встретился с невидимым противником – кивнул и потянулся к микрофону. Преувеличенно четко выговаривая каждое слово, капитан «Сапсана» произнес:

– Какие у нас гарантии?

– Никаких, – отрезала Анна. – Вы не поняли, капитан как-вас-там. Я могу сжечь «Сапсан» в любую секунду. Погибнут все, находящиеся на борту. Мне нужна ван Астен. Даю минуту на размышления, после чего разобью кормовой отсек.

Хрунич, отключив микрофон, повернулся к Лунгину.

– Что будем делать, спецназ?

– План такой: сажаем девчонку в шлюпку, отстреливаем, а вместе с нею в открытый космос выходят пятнадцать моих бойцов в «Акулах». Мы возьмем ПГП и подождем, пока шлюпку подберут. Невидимых глазу кораблей не бывает. Рано или поздно он появится. Тут мы его и...

– Рискованно, – процедил сквозь стиснутые зубы Хрунич. Ему было до смерти обидно потерять все радары и сканеры, оставшись слепым и глухим. Проиграть бой, даже не начав его... – А если они вас заметят?

– У меня такая работа – рисковать, – усмехнулся Лунгин. – В любом случае пусть твои канониры будут наготове. Как только мы начнем огневой контакт, прикройте нас.

– Само собой.

– Тогда давай, командуй, пусть готовят шлюпку. И открай створы грузового отсека внешней палубы. Мы будем выходить оттуда. ПГП придется включить прямо в шлюзе, чтобы противник ничего не заметил.

ЭПИЗОД 15

Две невесты

Борт корабля «Надежда»; борт легкого крейсера «Сапсан»; база Оазис; Луноград

Пятнадцать лучших бойцов бывшего Отдела Особых действий быстро облачились в специальные абордажные скафандры «Акула». Проверив все системы, Лунгин первым прошел в грузовой отсек.

– До отстрела спасшлюпки десять секунд, – сообщил ему Хрунич.

Командир спецназовцев принял от одного из бойцов серый контейнер с плазменным генератором помех, иначе говоря ПГП, снял предохранительный колпачок и утопил клавишу активации.

– Шесть, пять, четыре, три... – вел отсчет Хрунич.

Голубоватое поле окутalo грузовой отсек – и всех находившихся в нем людей.

«Приготовились», – жестом показал своим бойцам Лунгин и передал ПГП одному из них.

– Две, одна... Отстрел шлюпки! Штатно!

«Вперед!», – включая реактивный ранец, подал сигнал Лунгин и прикрытые помехами и от того невидимые для электроники спецназовцы оторвались от рубчатого настила внешней палубы и хищной стаей устремились вслед за ярко-оранжевой, освещенной аварийными огнями фасолиной спасшлюпки, в которой мирно спала ни о чем не подозревающая Соня ван Астен.

– Давай, Надя, давай! Хватаем ее! – азартно кричала Анна, тыча пальцем в летящую сквозь мрак прочь от «Сапсана» шлюпку. – Ну, ты чего?

– Не советую торопиться, – сдержанно ответила Надежда. – Мои бортовые системы фиксируют некий источник энергии в непосредственной близости от спасательной шлюпки. Это может быть опасным.

– Да нет там никого... – уже не так уверенно сказала Петровская, приглядываясь. – А можно поближе показать?

– Укрупняю выбранный участок...

Сверкающая проблесковыми аварийками шлюпка словно прыгнула навстречу Анне – девушка даже отшатнулась. Она ясно разглядела два вытянутых иллюминатора и даже увидела внутри человеческий силуэт, покоящийся в кресле. Но вокруг шлюпки действительно никого не было. Только какое-то странное голубоватое сияние.

– Все нормально. Надежда, как будем стыковаться?

– Я планировала принять шлюпку на борт, прямо в трюм, но теперь не уверена...

– Да что ты все не уверена-то?! – разозлилась Анна. – Я же вижу – нет там никого...

Прижимаясь к летящей в никуда шлюпке, пятнадцать спецназовцев во главе со своим командиром зорко осматривали пространство, готовые ко всему. Лунгин нервничал. Он слышал байки о невидимых кораблях, способных возникнуть из ничего и так же бесследно исчезнуть во мраке, но это были именно что байки, подобных технологий не имелось ни у Космофлота, ни у «Армии пробуждения». Одно дело – с помощью ПГП сделаться невидимым для электроники, и совсем другое – реальная, визуальная, так сказать, невидимость. Тут уже попахивает чертовщиной. Или сумасшедшим миллиардером, потратившим кучу денег на подобную разработку.

– Ком, передняя полусфера, сорок два градуса, пол одиннадцатого – звезда погасла. Вторая, ком. Там что-то есть! – сообщил вдруг один из бойцов.

Лунгин вскинул голову, быстро нашел обозначенный сектор и с невольной дрожью увидел нечто... нечто действительно невидимое, но заслоняющее собой далекие звезды. «Словно черный шар, поглощающий свет, – подумал он. – Интересно, что это? И кто? Неужели чужие?»

По роду своей деятельности товарищ Дельта был знаком со многими секретами как «Армии пробуждения», так и ее противников. Но он никогда не слышал о корабле, покрытие которого по своим физическим свойствам приближалось к так называемому «абсолютно черному телу».

Собственно, именно поэтому у него и родилась мысль о чужих. Поисками инопланетян, братьев по разуму, люди занимались давно. При Генеральной Ассамблее Объединенного человечества почти два столетия существовала специальная комиссия, чьи сотрудники методично обшаривали всю Солнечную систему, прослушивали и прозванивали радиолучами окрестное пространство – но тщетно. Несколько артефактов вроде марсианского Большого Сфинкса, «Колеса судьбы» на спутнике Сатурна Тефии или «Синего пятна» на дне океана спутника Юпитера Европы пришлось списать на неизвестные физические законы и природные явления.

Комиссию закрыли в тридцатых годах, остались только неправительственные организации вроде «Вселенского братства», ищущие чужих на голом энтузиазме.

И вот теперь появляется этот странный корабль, охотящийся за сестрой погибшего лидера звездных борцов. Поразмыслив, Лунгин все же решил, что инопланетяне тут ни при чем. А вот странные помощники, спонсоры и наставники «Армии пробуждения», щедро делящиеся технологиями – очень даже возможно. Про них ходили разные слухи: мол, это военные из Космофлота, которым поперек горла стояла власть Оберпротектора, или научники, мечтающие свалить режим, чтобы получить полную свободу для своих изысканий. Поговаривали и

о группе олигархов, недовольных высокими налогами, и даже о фанатиках-армагеддонянах, таким образом приближающих долгожданный конец света.

Невидимый корабль мог принадлежать кому угодно. Неизвестный противник всегда в десять раз опаснее именно потому, что он неизвестен.

Но командир спецназа не испытывал страха. Многолетние тренировки и боевые стимуляторы курировали выброс адреналина, оставляя его в крови ровно столько, сколько нужно для быстроты реакций.

«Тем интереснее будет, – улыбнулся Лунгин. – Когда «войдем», надо предупредить ребят, чтобы не слишком курочили там все. Может пригодиться».

Он оглядел абордажную группу. Бойцы шли кучно, прикрываясь корпусом шлюпки. Реактивные ранцы, заправленные смесью сжиженных инертных газов, не оставляли ни выхлопа, ни конденсационного следа. ПГП надежно прятал спецназ от аппаратуры обнаружения. Лунгин был уверен в этом. Если бы на странном шарообразном корабле, о медленном движении которого можно было догадаться только по гаснущим и вновь вспыхивающим звездам, могли увидеть группу, ее бы уже давно уничтожили.

А раз они живы, значит, все идет в штатном режиме. Когда до борта неизвестного корабля останется тридцать метров, первая пятерка абордажников выбросит магнитные якоря, прикрепится к обшивке и начнет вскрывать ее плазменными резаками. Вторая пятерка войдет в дыру и зачистит плацдарм. Третья, во главе с командиром, проникнет во внутренние помещения корабля и обеспечит контроль за боевыми системами и управлением. Порука успешного выполнения операции – тяжелое штурмовое вооружение, которым обвешаны спецназовцы. Многоствольные лучеметы, гранаты объемного взрыва, импульсаторы и, конечно же, старая до-

брая плазма в разных видах, от скорострельных «Хамелеонов» до могучих «Вулканов», способных прожигать дыры даже в керамете.

Один из спецназовцев первой пятерки поднял руку и выкинул четыре пальца. На языке жестов, принятом в группе Лунгина, это означало: «Осталось сорок метров». Абордажники проверили оружие, потеснее сгруппировались вокруг шлюпки. До начала операции оставалось несколько секунд...

– Опасность! – выкрикнула Надежда. – Анна, я увожу корабль!

– Отставить! – в тон ей крикнула Петровская и добавила уже более спокойным голосом: – Ну чего ты нервничаешь?

– Я не могу нервничать по определению. Но анализ ситуации подсказывает мне...

– Подожди, Надя! – перебила искусственный интеллект девушка. – А мы можем как-то достать человека из шлюпки, не приближаясь к ней?

– Разгерметизировать шлюпку в открытом космосе означает убить в ней все живое.

– То есть нельзя?

– На борту имеется тридцатиметровый выдвижной манипулятор... Но масса шлюпки такова...

– Ну?

– Теоретически мы можем взять шлюпку захватами и отойти с нею на безопасное расстояние от крейсера «Сапсан»...

– Ну так давай, действуй! – с облегчением улыбнулась Анна.

– Выполняю!

Многогранный сегмент обшивки «Надежды» отъехал в сторону и из чрева корабля выдвинулась суставчатая рука манипулятора. Поскольку его действиями управлял не оператор-человек, а машина, манипулятор не сделал ни одного лишнего движения. Раскрыв широкую рубчатую клешню захвата, он

сомкнул ее на корпусе шлюпки и потащил оранжевую фасолину к кораблю.

– Получилось, получилось! – захлопала в ладоши Анна, наблюдавшая на обзорном экране за действиями Надежды.

И в ту же секунду возле шлюпки, точнее, в той точке пространства, где только что была шлюпка, на мгновение возникли неясные контуры человеческих фигур в матовых серых скандах с характерными плечевыми наростами генераторов силовой защиты.

– Призраки! – испуганно вскрикнула Петровская.

– Мы атакованы! – одновременно с ее возгласом сообщила Надежда.

– Бежим! – только и смогла выдохнуть Анна, расширившимися от ужаса глазами глядя, как прямо из ничего возле корабля появляются вооруженные спецназовцы.

– Выполняю!

«Надежда» рванулась с места...

Командир первой пятерки выкинул три пальца. Тридцать метров. Лунгин облизнул пересохшие губы и активировал боевые системы «Акулы». На визоре шлема пробежали красные циферки, извещающие о готовности.

Неизвестный корабль теперь ясно различался на фоне звезд. Граненый черный шар нависал над абордажной группой, как арбуз над муравьями.

Появление манипулятора стало для всех полной неожиданностью. Зажав спасательную шлюпку в лапах захвата, манипулятор потащил ее к кораблю, на секунду разорвав поле ПГП.

– Абордаж! – заорал Лунгин, понимая, что группа обнаружена.

Беззвучно сработали пиропатроны магнитных якорей. Плоские диски, снабженные тросиками, устремились к кораблю, и тут на его граненой поверхности открылись дюзы и оттуда хлестнули потоки огня.

Якоря не долетели до обшивки каких-нибудь пару метров. Черный шар дернулся, словно футбольный мяч, получивший крепкий удар, и унесся прочь. Реактивная струя закрутила спецназовцев, перепутала тросики магнитных якорей.

– Отбой! – устало пробурчал в микрофон Лунгин, ощущая чувство острой досады. – На «Сапсане»! Высылайте платформу. Операция сорвана...

Нейтрализовать станцию «Око-500» оказалось задачей не то, чтобы легкой, но не ставшей серьезной проблемой для экипажа «Справедливого». На руку Матвею сыграла разница в уровне технологий. Не долетев до станции полтора миллиона километров, он приказал развернуть крейсер, отключить электромагнитные ловушки, и пространство вокруг «Око-500» заполнилось потоками низкоскоростных элементарных частиц, парализовавших все радары и сканеры станции.

На малой тяге «Справедливый» подошел к ослепшей и оглохшей станции, и Матвей лично разнес главное антенное поле из плазменной пушки. Квалья с помощью световой сигнализации передал на станцию: «Сдавайтесь, иначе будете уничтожены». Новоиспеченный вице-адмирал Дацюк вынужден был включить световые сигналы: «Сдаюсь на милость победителя».

После этого на «Око-500» высадилась штурмовая группа старшины Архипова. Бойцы Службы безопасности корпорации «Кольцо», сопровождаемые злобными взглядами персонала станции, «демонтировали» большую часть следящей аппаратуры, попросту расстреляв ее из импульсаторов. Блоки секретной системы «Отзыв», позволяющей определять типы и классы кораблей, безопасники забрали с собой и вернулись на борт «Справедливого».

– А теперь, когда мы погасили это недреманное око, идем на Уран, – распорядился Матвей. – Посмотрим, что там творится у нас в Оазисе...

Перелет занял больше времени, чем рассчитывал Гумилев – «Справедливому» понадобилось пополнить запас вещества, используемого для аннигиляции, то есть попросту раздробить и принять в специальные отсеки небольшой астероид Е-класса Штейнс, почти целиком состоящий из тугоплавкого минерала энстатита. Экипажу фотонного крейсера пришлось повозиться с треугольным «камешком» размером пять на шесть километров, но иного выхода не было.

– Варварство, конечно, – развел руками Матвей, когда разделка астероида была завершена, – но по-другому нельзя. Война, господа, война...

Оазис преподнес им сюрприз. На базе «Армии пробуждения» оказалось полным-полно народа. Тут собралось почти шесть сотен пилотов, техников, десантников, инженеров, горняков из числа бывших звездных борцов. Это были так называемые «непримиримые» – те, кто после самопровозглашения Прусаковым себя канцлером Солнечной системы отказался служить ему, усмотрев в действиях бывшего товарища Беты измену.

Когда Матвей и Квалья спустились на понтон «Центральный» и, оставив авиетку на попечение автоматического комплекса космодрома, прошествовали по аллее Павших Героев к цилинду Дискуссионного клуба, они не встретили по дороге ни единого человека.

А вот в самом клубе было жарко. Здесь собрались все «непримиримые». Решался самый важный, самый животрепещущий вопрос – что делать дальше? Главный техник Оазиса Рихард Гончаров и пилот Дубов отчаянно спорили, доказывая каждый свое.

Дубов предлагал, по сути, вернуться к былой тактике звездных борцов – атаковать военные и гражданские корабли, копить силы с тем, чтобы однажды нанести удар по деспотии

Прусакова. Рыжебородый Гончаров, получивший полномочия коменданта Оазиса от Сони ван Астен, настаивал, что бросать базу, где были сосредоточены верфи и фабрики, нельзя, нужно держать оборону здесь.

– Да на Уране нас раскатают на атомы! – выкрикивал маленький Дубов, размахивая скрюченной рукой. – Вы что, забыли – у Прусакова весь Космофлот да еще большинство наших крейсеров в придачу! Мы не выстоим. Надо уходить. Спрячемся на Троянцах Юпитера, не впервой.

– Успокойтесь, друзья! – остановил спор начальник верфи инженер Раевский. – Вот сейчас сюда явится товарищ Альфа и нас рассудит.

– Он уже явился! – громко крикнул Матвей из-за спин собравшихся и принял следом за великаником Квальей протискиваться к трибуне.

Звездные борцы встретили появление своего пропавшего воождя громом аплодисментов. Матвей легко взбежал на трибуну, пожал руки Гончарову, Раевскому, Дубову и повернулся к залу.

– Товарищи! Друзья! Начнем с того, что я больше не товарищ Альфа. Того Максима Верховцева, которого вы знали, больше нет. Меня зовут Матвей Гумилев, и это такой же факт, как и то, что я и корпорация «Кольцо», принадлежащая моему отцу, находимся в состоянии войны с канцлером Прусаковым.

Наступила напряженная тишина. Сжав льва, Матвей оглядел бывших соратников и твердо отчеканил:

– У нас очень мало времени. Каждый, кто хочет сражаться против узурпатора Прусакова – добро пожаловать на борт «Справедливого». Оазис, к сожалению, нам не отстоять. Ждем на орбите до четырнадцати ноль-ноль по среднесолнечному. Это все.

И покинув трибуну, он в сопровождении молчаливого Квальи проследовал сквозь расступившихся звездных борцов к выходу.

Вернувшись на фотонный крейсер, Матвей принял мерить шагами Центральный отсек. Вскоре исин «Справедливого» сообщил, что с космодрома Оазиса начали стартовать авиетки и катера. Они доставляли на борт тех, кто решил последовать за Гумилевым. К радости Матвея, таковых оказалось подавляющее большинство.

Ровно в два часа после полудня последний катер доставил на «Справедливый» Дубова и Гончарова.

– Ты прав, товарищ Альфа, – прогудел в бородищу главный техник. – Не отстоять нам Оазис. Но мы сюда еще вернемся!

– Обязательно вернемся, – пропустив «товарища Альфу» мимо ушей, заверил Рихарда Матвей. – Ну а пока наш путь лежит на Титан.

Соня ван Астен очнулась – или правильнее сказать «проснулась»? – от голода. Есть хотелось чрезвычайно. Последний раз она завтракала на борту «Зоркого» и, в общем-то, собиралась победать на станции «Покой», но появление старателей, а затем атака крейсеров и плен помешали ей исполнить задуманное.

Открыв глаза, девушка увидела белый потолок с большим красным крестом.

«Медотсек», – поняла она. Что ж, все правильно… и хорошо. После того, как ее накрыл выстрел парализатора, со стороны тех, кто захватил Соню, было очень гуманно дать организму возможность восстановиться.

Приподнявшись на локтях, девушка огляделась. Медотсек крейсера «Сапсан» оказался на удивление маленьким, даже крохотным. Здесь поместились всего два саркофага лечебно-диагностического комплекса «Эскулап», в одном из которых находилась Соня, и реанимационный блок.

Прислушавшись к своим ощущениям, девушка поняла, что у нее ничего не болит, голова ясная, руки-ноги слушаются. Если бы не голод, можно даже было сказать, что чувствовала она себя отлично.

Выбравшись из саркофага, Соня ладонями разгладила помятый серый комбинезон с нашивками «Армии пробуждения» и шагнула к двери. Но она не успела даже прикоснуться к сенсору замка, как дверь с еле слышным шипением отъехала в сторону и на пороге появилась какая-то девчонка в черном обтягивающем костюме. В руках она сжимала обычный полицейский лучемет «Удар».

Невольно сделав шаг назад, Соня посмотрела в глаза незнакомке и увидела там ненависть. Красивое лицо девочки... нет, пожалуй что девушки, взрослой, никак не младше Сони, иска-жала злобная гримаса.

– Здравствуйте, – на всякий случай улыбнулась ван Астен, гадая, кто перед ней и почему в таком состоянии.

– Очнулась... – прошипела девушка и отошла в сторону, осво-бождая проход. – Выходи!

Это было не предложение, а скорее приказ. Соня пожала пле-чами и подчинилась.

– Иди прямо! – скомандовала обладательница черного ко-стюма и «Удара». – Не сюда, налево! Стой!

«Да это же вовсе не «Сапсан»!», – поняла Соня, проследовав по закругляющемуся коридору и остановившись возле двери безо всяких символов.

Когда дверь открылась, последовала новая команда:

– Входи. Садись за стол.

Помещение, в которое попала Соня, напоминало размерами стандартную одноместную каюту, но здесь не было кровати, тренажерного комплекса и инфомонитора. Просто гладкие сте-ны, стол и два стула.

Она послушно села на один из них. Незнакомка, держа Соню на прицеле, свободной рукой отодвинула оставшийся стул в сторону и уселась на него, закинув ногу на ногу.

– Где он? – спросила девушка, поигрывая «Ударом».

– Послушайте, – как можно мягче произнесла ван Астен и улыбнулась самой доброжелательной из всех своих улыбок. –

Я ничего не понимаю. Меня захватили... похитили, парализовали, теперь вот вы... задаете какие-то непонятные вопросы... Может быть, для начала познакомимся? И уберите оружие, я же ничем вам не угрожаю!

– Заткнись! – покраснев, завизжала вдруг девушка в черном.
– Заткнись, или я пристрелю тебя!

– Значит, так! – Соня закаменела лицом. Все же она была инструктором штаба «Армии пробуждения» и умела вести себя жестко. – Во-первых, прекратите истерику! Во-вторых, до тех пор, пока вы не представитесь и не объясните, где я нахожусь, никакого разговора не будет. В-третьих, я очень голодна. Это все.

– Ах ты... – задохнулась девушка.
«Удар» в ее руке ходил ходуном.
«Сейчас выстрелит», – отрешенно поняла Соня. Тренированное тело напряглось, готовясь уйти с линии огня.

– Анна, мне кажется, наша гостья права, – неожиданно прозвучал в комнате спокойный женский голос. – У тебя не получится с нею нормальный диалог без выполнения ее условий. Третье из них я снимаю с повестки.

Из столешницы выдвинулся прямоугольный контейнер, серая крышка распалась на две половинки, и Соня увидела внутри дымящиеся судки, кюветы с соусом и столовые приборы.

– Здесь тушеные овощи, морепродукты и кофе. Вы довольны?
– поинтересовался голос.
– Вполне, – Соня кивнула. – Вы, я так понимаю, исин?
– Да, меня зовут Надежда.
– Спасибо, Надежда.

Девушка в черном тем временем опустила лучемет. На лице ее отразилась внутренняя борьба. Обуздав ярость, она сквозь зубы прощедила:

– Ты на борту «Надежды». Я – капитан этого корабля. Меня зовут... Анна Петровская.

– Соня ван Астен, – наклонила голову Соня, берясь за вилку.
– Как я здесь очутилась?

Анна дернула плечом и отвернулась.

– Мы отбили вас, – объявила Надежда.

– У целого крейсера и кучи спецназовцев в придачу? – удивилась Соня. – «Надежда» – это что, линкор?

Надежда не успела ей ответить. Петровская резко повернулась, вскочила и выкрикнула:

– Я – невеста Матвея Гумилева! Где он?!

Соне понадобилась одна-единственная секунда, чтобы свести концы с концами.

Глаза ее расширились, рыжие волосы взметнулись, как языки пламени, когда девушка, отодвинув стул, встала из-за стола.

Они замерли друг напротив друга.

– Я – невеста Максима Верховцева, – тихо сказала Соня. – И мой жених, видимо, находится там же, где и ваш.

– Где, где?! – с мольбой в голосе простонала Анна.

– Да не знаю я! – не выдержала Соня. – Понимаешь ты – не знаю!!

Прусаков вернулся в Луноград, пребывая в скверном расположении духа. Неудачный поход к Венере взбесил канцлера, но стоило ему покинуть борт челнока и сойти на плиты космодрома, как адъютанты подкинули новую головную боль – еще две марсианские провинции, Офир и Беловодье, следом за Аркадией объявили о суверенитете.

– Проклятье! – выругался Геннадий, просмотрев информационные сводки.

Он забрался в огромный правительственный лимузин с флагжком на капоте и кортеж понесся во Дворец Оберпротектора, ныне именуемый Дворцом Солнца.

По дороге, изучая приготовленные секретариатом Государственного Совета документы, Прусаков осознал, что количество неотложных дел растет как снежный ком.

Министерство внутренних дел требовало людей и техники для борьбы с мародерами. Олигархи завалили Государственный Совет жалобами, требуя вернуть утраченное имущество и настаивая на компенсациях за уничтоженную в ходе революционных событий собственность. Глава Службы общественной безопасности настаивал на отправке к Ио карательной экспедиции.

Отдельным блоком шли экономические вопросы. Падение уровня производства, закрытие многих предприятий, сабо-таж, опустевшие биржи, парализованный банковский сектор – со всем этим надо было что-то делать.

К тому же Штаб Военно-Космических сил настаивал на проведении срочной мобилизации резервистов первой категории – военным не хватало людей для зачистки разбросанных по всей Солнечной системе баз «Армии пробуждения», где скрывались отказавшиеся поддержать Прусакова звездные борцы.

Их было немало. Спаянные крепкой дисциплиной, опытные, прошедшие через горнило многолетнего противостояния с «Беллоной», эти люди представляли серьезную опасность, и Прусаков решил начать именно с решения проблемы бывших соратников.

Назначив заседание Государственного Совета на шестнадцать ноль-ноль, канцлер покинул остановившийся у Дворца Солнца лимузин и по сверкающей полировкой широкой лестнице поднялся в свои покои.

Там Прусакова ждала сестра Кобра. Она встретила его в холле. Длинное обтягивающее платье, бриллиантовые серьги в ушах, скромный макияж, подчеркивающий выразительность глаз. Женщина выглядела обворожительно и Геннадию захотелось послать все дела к черту.

После ледяного мрака космоса, после панической эвакуации со «Справедливого», после всех пережитых волнений он желал только одного – тишины, покоя и физической близости с покорной и нежной женщиной.

– Милый, – проворковала сестра Кобра, прижимаясь к нему всем телом. – Я так ждала тебя... Ты голоден? Или сначала вина?

– Сначала тебя! – прорычал Прусаков, подхватил сестру Кобру на руки и понес в спальню.

– Подожди, подожди! – смеясь и отбиваясь, она наконец вывернулась и подняла тонкую руку, требуя внимания. – У меня важная новость.

– Что еще? – нахмурился Прусаков, предчувствуя, что ничего хорошего он не услышит.

– Приходил господин Наставник... – начала сестра Кобра.

– Черт!

– Может быть, он и черт, – улыбаясь, кивнула женщина. – Точнее, дьявол. Но мы не можем не прислушиваться к его советам, ведь именно благодаря им ты стал канцлером.

– Это как? – набычился Прусаков. – Я стал канцлером потому, что захотел этого! Потому что добыл коня, а с его помощью волка, который...

– Милый, тебе ДАЛИ предмет. Понимаешь?

– Это сказал Наставник?

– Да. Еще он сказал, что предмет нельзя забрать без согласия владельца.

– Что же, получается, Чингисхан... он не возражал?

– Я не все запомнила, Наставник говорил что-то про Крупинки Вечности, которые вводят человека в транс, но при этом им можно управлять. А самое главное – после всего тебе придется вернуть волка.

– Вернуть?! – вскинулся Прусаков. – Ну уж нет! Это моя... мой предмет! С его помощью... Стоп. Что значит – «после всего»?

Сестра Кобра пожала узкими плечами, подхватила со столика высокий фужер с темно-красным, густым, как кровь, марсианским порто.

– Я точно не знаю, но Наставник сказал, что ты обязательно должен, обязан довести до конца начатое...

– Начатое что?

– Убить Гумилевых, разгромить корпорацию «Кольцо».

Прусаков шагнул к сестре Кобре, вырвал из ее пальцев фужер и залпом выпил. Несколько капель упали на руку женщины и расплылись кровавыми пятнами.

– Гумилевы, Гумилевы... – пробормотал Прусаков, утирая губы. – Хотел бы я знать, почему они этим данайцам как кость в горле.

– Все очень просто, – улыбнулась сестра Кобра, выуживая из барного контейнера бутылку и наполняя фужеры. – Когда-то эта семья угрожала делу тех, кого представляет господин Наставник. Потом Гумилевых удалось взять под контроль. Было заключено что-то вроде джентльменского соглашения: людям – вся Солнечная система, а прозрачным – Земля, которую они переустроят по своему вкусу...

Прусаков усмехнулся, взял наполненный фужер и вновь осушил его залпом, не чувствуя вкуса и букета изысканного вина.

– Статус кво сохранялся достаточно долго, несколько веков. Люди заселяли и осваивали Марс, Луну, спутники планет-гигантов, астероиды. Но отец нынешнего главы корпорации «Кольцо» Николай вышел за отведенные рамки. Он заинтересовался тем, что сейчас происходит на Земле. Ты не знаешь, милый, но Гай Руднев и Николай Гумилев проводили закрытые переговоры, по результатам которых был подписан секретный меморандум. Согласно ему, после терраформирования Венеры корпорация «Кольцо» должна была получить заказ на покрытый льдом Титан. Именно там предполагалось отработать технологии, которые затем планировалось использовать на Земле.

– Терраформирование Земли? – Прусаков снова усмехнулся.

– А как же все эти резолюции Генеральной Ассамблеи о невме-

шательстве? Впрочем, понимаю Гумилевых – какой куш можно было бы сорвать на этом!

– Николай Гумилев погиб при невыясненных обстоятельствах, но его сын Степан, образно выражаясь, подхватил знамя из рук отца. Он начал копать вглубь, это был уже не чистый бизнес, о котором ты говоришь, а нечто иное... Степан несколько раз встречался с Рудневым, секретный меморандум был обновлен и подтвержден их подписями. И вот тогда-то прозрачные и поняли, что рискуют потерять все. Они начали действовать. Было выбрано несколько пиратских группировок, из которых со временем получились...

– Звездные борцы и «Танцоры вечности»?

– Наставники работали еще и с «армагеддонянами», но эти фанатики не пошли на контакт, – сестра Кобра пригубила вина и присела на краешек дивана.

Расхаживая по спальне, Прусаков напряженно думал. Неожиданно сжав волка в кулаке, он повернулся к женщине и крикнул:

– А если я не отдам предмет?!

– Не знаю... – сестра Кобра закурила длинную ароматическую сигариллу, наполнив комнату пряным запахом. – Я передала тебе все то, что рассказали мне. Главное – ты должен как можно скорее уничтожить Гумилевых и их корпорацию. Уничтожить в прямом смысле слова. Убить, прервать их род.

– А как же остальные дела? Ты знаешь, сколько у нас проблем?

– Милый, эти проблемы покажутся тебе детскими страшилками, если Гумилевы уцелеют. Они же не будут сидеть сложа руки! И в конце концов ты окажешься на их месте, а потом и вовсе...

– Я понял, – Прусаков сел прямо на пушистый ковер из шерсти альпако, расстегнул воротничок мундира. – Что ж, ладно. Сыграем по правилам данайцев. Но волка я им не отдам!

– Может быть, он им и не понадобится, – проворковала сестра Кобра, гибко опускаясь на пол рядом с Геннадием. – Или скромный герой, искоренивший зло, получит свою заслуженную награду...

Она запустила руку с алыми ноготками под канцлерский мундир, приблизила свое лицо к лицу Прусакова, но тут коротко звякнул сигнал экстренного вызова.

– Ну, что там? – раздраженно бросил в коммуникатор Геннадий.

– Господин канцлер, – голос адмирала Болобанова подрагивал, – связь со станцией «Око-500» прервана. Мы успели получить лишь текущие координаты каравана судов корпорации «Кольцо». Станция не отвечает на запросы, дистанционная диагностика невозможна.

– Почему?

– Блоки системы «Отзыв» выведены из строя...

И прежде, чем Прусаков выругался, адмирал произнес:

– Боюсь, станция для нас потеряна...

ЭПИЗОД 16

Все дороги ведут на Титан

Борт корабля «Надежда»; борт фотонного крейсера «Справедливый»; Контрольно-следящий пункт Военно-Космических сил номер сто тринадцать; Луноград

– Что это за корабль? – спросила Соня, когда Петровская немного успокоилась.

Девушки все так же стояли друг против друга. На накрытом столе исходили паром нетронутые тарелки.

– Не твое дело, – сердито бросила Анна, продолжая сжимать в руке лучемет.

– Почему вы мне тыкаете? – возмутилась ван Астен.

– А ты чего мне выкаешь?

– Элементарная вежливость...

– Вежливым надо быть с тем, кого уважаешь! – презрительно сощурила глаза Анна. – А ты... а тебя...

– Вы хотите сказать, что не уважаете меня? Интересно было бы узнать, почему?

– Потому что ты... – Анна задохнулась от гнева, вскинула лучемет. – Ты... у тебя было с ним?! Отвечай!

Соня присела на краешек стула, отломила кусочек хлеба, отправила в рот. Ей вдруг пришло на ум, что если эта полуумная девушка, затянутая в черный нанопласт, не врет и действительно является невестой ее Максима, невестой из его прошлой жизни, то и у нее с ним вполне что-то могло быть. И даже не просто что-то, а то самое...

– Чего молчишь? – прошипела Петровская и сняла «Удар» с предохранителя.

Соня услышала, как в гофрированном стволе лучемета то-ненько взвыли эмиттеры.

– Вы спасли меня для того, чтобы убить? – с усмешкой спросила она.

– Да, да! – заорала Анна. – Застрелю!

– Аня, не делай глупостей, – вмешалась Надежда. – И вообще – убери оружие!

– Да я ей и без оружия глаза выцарапаю! – взвизгнула Петровская.

– Это вряд ли, – спокойно сказала Соня, принимаясь за еду – все же она зверски проголодалась.

– А ты что, такая крутая? – нахмурилась Анна.

– Я проходила углубленный курс спецподготовки. Рукопашный бой без оружия, с холодным оружием, бой в невесомости. Дело в том, Анна, что я... инструктор штаба «Армии пробуждения»...

– Экстремистка, пиратка, преступница!

– Надежда, овощи выше всяких похвал, – поблагодарила исин Соня.

– Спасибо, – отозвалась Надежда. – Моеи заслуги тут нет, эти блюда были приготовлены личным поваром президента корпорации «Кольцо» Степана Гумилева.

Соня застыла, не донеся вилку до рта.

– Корпорация «Кольцо»? Этот корабль принадлежит «Кольцу»?

– Ну, да... – несколько растеряно кивнула Анна.

– А вы там работаете? – уточнила ван Астен. – И папа Максима... Матвея сосватал вас за своего сына, я правильно поняла?

– Ничего ты не поняла! – снова разозлилась Петровская. – Я не работаю в «Кольце». И мой папа – губернатор Марса, если хочешь знать. А «Надежду» я угнала!

– Ну и кто из нас после этого преступница? – уела девушку Соня.

Наступила тишина. Анна села на свободный стул и кусала губы, глядя в угол. Лучемет она положила на край стола, забыв

о нем. Ее большие, чуть раскосые глаза блестели от подступивших слез.

Соня доела овощи, отодвинула тарелку и приступила к морепродуктам. Щупальца еврокракенов, запеченные с сыром,оказались чудо как хороши.

Покончив с едой, девушка сделала глоток кофе и решила взять инициативу в свои руки.

– Анна, – мягко сказала она, глядя на свою спасительницу.

– Давайте попробуем пригасить эмоции. Нам обеим нужен один и тот же человек. Для меня он – Максим Верховцев, для вас – Матвей Гумилев. Я не знаю, где он и в каком состоянии. Вы тоже не знаете.

– Ты его не получишь! – дернула плечом Петровская.

– Это сейчас не главное, – все так же проникновенно произнесла ван Астен. – Он – мужчина и решать ему.

– Да-а... – совсем по-детски протянула Анна и слезы полились из ее глаз. – Конечно, решать ему-у... А как он решит, если он меня-я... со-овсе-ем непомни-и-ит...

И она зарыдала, уткнувшись лицом в ладони.

Соня вздохнула. Она понимала, что чувствует сейчас эта взбалмошная, импульсивная, но, наверное, в душе добрая и светлая девушка. Наверняка добрая и светлая, иначе Максим... Матвей не полюбил бы ее.

Все эти процедуры с пересадками личностей никогда не нравились Соне и она часто спорила с братом по поводу их этичности. Конечно, «Армия пробуждения» с помощью пересадок получала отлично подготовленных бойцов, беззатратно преданных делу звездной революции. Но было во всем этом что-то нечестное, неправильное... И даже нечеловеческое, недаром же всем процессом руководила высокомерная гордячка сестра Кобра, а человеческий материал подбирался, по слухам, кем-то из загадочных «спонсоров революции».

«Бедная ты бедная, – глядя на плачущую Анну, думала Соня. – Ты ведь на все готова ради него. Подумать только: наплевать на статус отца, угнать полицейский коптер, напасть на охрану, вытащить Максима в буквальном смысле слова из пекла! А потом угнать этот корабль, полететь наобум, схватиться со спецназовцами из ООД. Из тебя получился бы отличный звездный борец, девочка. Мог бы получиться...»

Соня помрачнела. Ситуация складывалась патовая. Революция погибла. Это уже непреложный факт – товарищ Дементьев, невесть каким образом осознавший свою истинную личность, стал могильщиком всего того, за что бились звездные борцы.

Девушке вспомнилось словечко «бонапартизм». Да, так и есть. Товарищ Дементьев стал новым Наполеоном. А истинный вождь революции, товарищ Альфа Максим Верховцев исчез.

Жив ли он?

Сердце подсказывало – жив.

Где он сейчас?

Сердце молчало.

Солнечная система велика, очень велика. Найти в ней человека невозможно, если только не знаешь о нем чего-то такого...

– Анна! – Соня решительно поднялась и уперлась кулаками в стол, словно она была на штабном совещании «Армии пробуждения». – Успокойтесь! Давайте рассуждать логически...

Петровская вскинула голову, с надеждой посмотрела на девушку.

– Не мы одни ищем Максима... Матвея. Степан Николаевич Гумилев – человек влиятельный, решительный и с огромными возможностями, так?

– Ну, так... – кивнула Анна.

– Стало быть, он наверняка тоже ищет своего единственного сына, так?

– Наверное...

– Товарищ Дементьев... ну, канцлер Прусаков, объявил корпорацию «Кольцо» преступной организацией, а ее президента и его сына – врагами. Выходит...

– Да ничего не выходит, – отмахнулась Петровская. – Я же была на станции «Амур», говорила с ним. Я тоже думала, что он найдет Матвея...

– Ну, тогда не нашел, а сейчас...

– Корпорация разгромлена, ее президент Гумилев в розыске. А Матвей... может быть, он вообще не живо-ой... – и Анна вновь заплакала.

– Если бы его убили, – жестко сказала Соня, – то не искали бы, понимаете?

– Наверное...

– Постойте! – подняла руку Соня. – Я, кажется, придумала!

– Что ты придумала? Как заманить нас в ловушку и сбежать? – немедленно вскинулась Анна, вытирая слезы.

– Делать мне больше нечего, – фыркнула Соня. – Я придумала, как узнать, куда исчезла корпорация «Кольцо»!

– Говори!

– Сперва извинитесь.

– Что-о?! Чтобы я... перед какой-то рыжей...

– Тогда ничего не скажу! – Соня уселась на стул, сложила руки на груди и отвернулась от разъяренной Анны.

– Девочки, не ссорьтесь, – проворковала Надежда.

На ее слова никто не обратил внимание.

– Хорошо, – пересилив себя, тихо проговорила Анна. – Извини... те.

Соня повернулась к девушке.

– И вы меня извините, Анна. Понимаете, нам надо сейчас быть заодно, быть командой. Предлагаю перемирие. По крайней мере на тот срок, пока мы не отыщем... нашего жениха. Идет?

– Хорошо, – так же тихо повторила Петровская.

– Значит, мир? – уточнила Соня.

– Мир.

– Тогда я хочу спросить у исина корабля: в вашей памяти есть данные о полетах, которые совершил Степан Николаевич Гумилев?

Ответом Соне было молчание.

Анна улыбнулась сквозь слезы.

– Она тебе... вам не ответит. Надежда!

– Слушаю, – отозвался искусственный интеллект.

– Куда летал Гумилев?

– Президент корпорации «Кольцо» совершил на «Черной стреле» двадцать четыре вылета. Три – в окрестностях станции «Амур», шесть – на орбиту Венеры, одиннадцать – на Луну, четыре – на различные станции, один – на Марс, и девять – на базу корпорации, расположенную на Титане...

– Есть! – обрадовалась воскликнула Соня. – Титан! База!

– Где это? – распахнула ресницы Петровская.

– Титан – спутник Сатурна. Выходит, у корпорации «Кольцо» там база. И скорее всего, именно на нее и отправились уцелевшие сотрудники после разгрома.

– Я поняла, – кивнула Анна. – Надежда! Корабль летит на Титан.

– Выполняю.

«Справедливый» приближался к Титану. Самый крупный спутник Сатурна уже хорошо был виден невооруженным глазом – в обзорных иллюминаторах он выглядел как желтое пятно, медовый глазок на фоне бархатной черноты космоса.

О Титане Матвей знал немало. Один из самых крупных спутников планет-гигантов, названный в честь брата древнегреческого бога Кроноса, Титан имел почти земную атмосферу, на девяносто с чем-то процентов состоящую из азота. Но в отличие от Земли и терраформированных Марса и Луны, в атмосфере

Титана практически отсутствовал кислород, зато было много метана. Густые метановые облака надежно укрывали планету от наблюдений с орбиты. Именно метан придавал спутнику «фирменный» медовый окрас.

Поверхность Титана также напоминала земную. Там имелись океаны, а на единственном крупном материке Ксанаду высились горные хребты, достигавшие двух километров в высоту.

Интерес к Титану люди проявляли давно. В героическую эпоху освоения множество разведывательных зондов и исследовательских станций опускались на его поверхность. Именно на Титане были открыты первые внеземные формы жизни, и это, к изумлению ученых, оказались не слизистые комочкиprotoорганизмов, а сложноорганизованные, удивительные существа. Одни напоминали земных головоногих моллюсков, другие – членистоногих, третьи – парящих в плотной атмосфере медуз, четвертые вообще имели не белковую, а кремнеорганическую основу и именовались «живыми камнями».

В двадцать втором веке на Титан состоялось три экспедиции и была выстроена первая постоянная база, так называемый «Приют-1». Затем, в эпоху колониальных войн, база оказалась заброшенной, и лишь в начале двадцать пятого века люди вернулись на крупнейший спутник Сатурна.

Здесь постоянно работала геологоразведочная экспедиция, имелся пост дальней связи и база «Беллоны». Но это была только верхушка айсберга. Титан облюбовали для своих темных делишек контрабандисты, черные старатели, а в ущельях Адири находился тайный ремонтный комплекс «Армии пробуждения», где захваченные гражданские суда переделывались в боевые машины.

И самое главное – в недрах Титана, как выяснилось, была выстроена база корпорации «Кольцо». То, что Титан является следующим после Венеры кандидатом на терраформирование,

знал в Солнечной системе каждый школьник. Но этот же самый каждый школьник также был в курсе, насколько затратно и сложно перетащить в район Сатурна громоздкую терраформирующую технику. Фраза «когда Титан терраформируют» стала сродни выражению «после дождичка в четверг».

Поэтому Матвей очень удивился, узнав, что корпорация «Кольцо» уже много лет ведет подготовку плацдарма для атаки на девственный и негостеприимный мир Титана.

– В бизнесе, в политике и в любви побеждает тот, кто умеет заглянуть в завтрашний день, – сказал сыну Степан Николаевич, объясняя свое решение возводить базу на Титане. – Мы все равно выбили бы из правительства этот подряд, но товар положено подавать лицом. Стало быть, если кто-то из скептиков начнет оспаривать саму возможность терраформирования столь удаленного от Солнца объекта, мы сможем предъявить ему уже готовую базу, смонтированные атмосферные станции и газоотсосы. Ну, точнее, теперь уже не сможем...

После этих слов Гумилев-старший помрачнел и уселся в кресло второго пилота. Разговор отца и сына проходил в центральном отсеке фотонного крейсера «Справедливый», который нагнал караван судов корпорации «Кольцо» в районе, известном среди пилотов как «семерка», а по-простому – на орбите Юпитера.

Огненный ураган, исторгнутый Солнцем, нарушил связь между кораблями и станциями во всем Солсисе. Ослепли радары, оглохли сканеры, даже лазерные дальномеры, «щупачи», не в состоянии были пробиться через мощные потоки излучения и ионизированного газа.

После уничтожения станции «Око-500» можно было не опасаться, что караван будет обнаружен, но требовалось срочно уводить суда прочь.

Степан Николаевич с самого начала планировал эвакуировать все активы корпорации на Титан, но Матвей усомнился в правильности такого решения.

– На Титане есть группировка «Беллоны». Судя по всему, бригада перешла на сторону Прусакова. Если это так, нас обнаружат и разгромят в два счета, – сказал он отцу.

В ответ Гумилев-старший усмехнулся и сказал одно короткое слово:

– Хотей.

– Что? – не понял его сын.

– Хотей, Матюша. Ты знаешь, что это такое?

– Э-э-э... Что-то буддистское?

– Ну да, изначально это было наименование Смеющегося Будды, бога изобилия. А на Титане Хотей – гигантский разлом, лежащий на юго-восточной окраине континента Ксанаду. С орбиты он действительно похож на улыбающийся рот. Многокилометровая трещина, уводящая глубоко в недра планеты. По краям Хотей обсажен цепью криовулканов, денно и нощно выбрасывающих в атмосферу струи метана. Таким образом над разломом постоянно висит мощная газовая шапка, непроницаемая для наблюдений. А сама база корпорации находится глубоко под поверхностью Титана и недоступна для сканирования или обнаружения радарами. Мы можем заводить даже такие громады, как лихтеровоз, прямо в Хотей. Здорово, правда?

– А как же садиться в метан на плазме? Взорвется же все к чертовой матери! – удивился Матвей.

– Зачем же на плазме? – ответно удивился Степан Николаевич. – Когда началось строительство базы, первым делом была смонтирована гравитационная горка. Выходишь на точку, кладешь транспорт «на пузо» и скользишь вниз. Есть только одно «но»... – президент корпорации «Кольцо» помрачнел. – Время играет против нас. Чтобы опустить столько бортов в Хотей, понадобится много часов. За это время нас свободно могут обнаружить и...

– Значит, нужен отвлекающий маневр! И этим маневром буду я! – решительно пристукнул кулаком по колену Матвей.

Высадка на Титан прошла без сучка, без задоринки.

Караван корпорации «Кольцо» к этому моменту пополнился двумя крейсерами «Армии пробуждения» – «Могучим» и «Разящим». Их экипажи, состоящие из «непримиримых», приняли решение присоединиться к «флоту товарища Альфы» на подлете к Сатурну.

Группировкой «Беллоны» на Титане, имевшей в своем составе три орбитальные ракетные платформы и военный транспорт, командовал капитан третьего ранга Аскольдин, а его заместителем оказался ни кто иной, как однокурсник Матвея старший лейтенант Артем Вороных.

Практически весь личный состав базы и ракетные платформы как раз накануне прибытия каравана корпорации были отправлены к Ио, чтобы влиться в объединенную войсковую группу, созданную для подавления мятежа заключенных.

Таким образом никакой реальной угрозы для судов «Кольца» бывшая база «Беллоны», ныне именовавшаяся «Контрольно-следящий пункт Военно-Космических сил номер сто тринадцать», не представляла. Но оставленный за командира Вороных мог сообщить в штаб ВКС об обнаружении каравана, и Матвей решил пойти ва-банк.

Суда корпорации оставались на противоположной стороне Титана. Пересев в авиетку, Гумилев-младший за три с лишним часа совершил облет планеты и, войдя в зону действия радаров базы, связался с Вороных.

- Андрей, здорово! Принимай гостя.
- Матвей?! – удивленно воскликнул старлей. – Живой? Погоди, ты же вроде как...
- Ну да, государственный преступник, – усмехнулся Матвей.
- Вот, прилетел к тебе сдаваться. Видишь меня хорошо?
- Как на блюдечке, – подтвердил Вороных.
- Куда садиться?

– Западный сектор посадочного поля, даю маркеры... Матвей... А ты один?

Когда старший лейтенант Вороных задавал этот вопрос, голос его дрожал от волнения.

Андрей никогда не отличался особой отвагой и всегда старался придерживаться старого, как мир, армейского принципа: «быть подальше от начальства и поближе к кухне». Явление Матвея Гумилева напугало Вороных. Помимо него на станции несли службу еще три человека – двое вольнонаемных связистов и пожилой уже военный техник мичман Осадчий. Понятное дело, оказать сопротивление вооруженной группе экстремистов эти люди не могли в принципе.

– Один, один, – успокоил сокурсника Гумилев.

– Я обязан доложить...

– Успеешь. Я ведь не просто так к тебе, Андрюха. Есть у меня одно предложение...

Заинтриговав Вороных, Матвей отключился и принял сажать авиетку в квадрат западного сектора, подсвеченный зелеными лазерными маркерами.

Он выбрался из кабины и, окинув взглядом темное мутное небо над головой, серые скалы, торчащие из льда и серебристые купола базы, освещенные прожекторами, двинулся по бетонным плитам к стальной коробке КСП, украшенной крыльями антенн дальней связи.

Навстречу ему в бронескафандре выскочил Вороных. В руках старлей сжимал тяжелый армейский импульсатор, нацеленный в живот Матвея.

– Не дури, Андрюха! – сказал Гумилев, делая шаг к старому приятелю. – Я без оружия.

– Вижу, – отозвался Вороных, облизывая губы.

Он переживал не лучшие минуты. С того момента, как в динамиках дежурки раздался голос Матвея, Андрей буквально разрывался от желания включить приемо-передатчик гиперс-

вязи и сообщить в штаб ВКС о неожиданном появлении Гумилева. В то же время было весьма заманчиво сперва пленить такую важную персону, каковой стал его бывший однокурсник, а потом уж слать в штаб победную реляцию.

Вороных не знал, что в левой перчатке скафандра Матвея лежала серебристая фигурка льва, которая не только даровала своему владельцу смелость, но и заражала этим качеством всех вокруг.

Нерешительная душа старшего лейтенанта сдалась под напором энергии, испускаемой львом. Он решился стать героем и в одиночку захватить государственного преступника, получить повышение по службе и вырваться, наконец, с опостылевшего Титана. Неведомая доселе отвага горячей волной обожгла сердце Андрея и он вскинул импульсатор на уровень глаз.

– Ко мне, медленно!

Матвей приблизился к Вороных, держа облитые металлотканью скафандра руки на виду.

– Матвей Степанович Гумилев, вы арестованы.

– Угу, – кивнул Матвей. – А теперь, когда формальности соблюдены, пойдем в помещение, что-то тут холодновато...

Андрей оценил юмор сокурсника – среднесуточная температура на поверхности Титана составляла около минус ста семидесяти градусов по Цельсию – и коротко, истерично хохотнул.

Пройдя через двойные двери тамбура КСП, Матвей первым вошел в дежурную часть. В круглой комнате, сплошь забитой аппаратурой, его встретил мичман Осадчий и два связиста, все вооруженные.

– С прибытием, – прогудел в усы мичман.

– Спасибо, – улыбнулся Матвей, сняв шлем.

И прежде чем ввалившийся в комнату Вороных успел что-то сказать, он шагнул к блоку гиперсвязи и набрал на панели короткую комбинацию, отключающую питание.

Индикаторы готовности на пульте связи погасли.

– Т-ты чего? – проклацал зубами Вороных. – С-стой! Стрелять буду!

– Успеешь, Андрюха, успеешь, – остановил его Матвей.

Усевшись в кресло оператора, он сжал левую руку в кулак и сказал:

– А теперь, господа, позвольте поведать вам одну увлекательную историю. По ее окончанию вы и решите, что со мной делать.

Говорил Матвей недолго. Он даже сам удивился, как это такое множество событий, произошедших за последние месяцы, уложилось у него в какие-то пятнадцать минут.

– ...Ну, а когда «мозголом» вернул мне мою настоящую личность, Прусаков как раз узурпировал власть и объявил себя канцлером, а нас с отцом – преступниками. Вот и все.

Матвей умолк. Осадчий озадаченно крякнул, связисты переглянулись, а Вороных уныло протянул:

– Ну, а присяга?

– Я присягал человечеству, Андрюха. Ты, кстати, тоже. И Генка Прусаков вместе с нами. От этой присяги меня сможет освободить только смерть. А вот нашему идиоту-однокурснику ни ты, ни я ничего не должны. И все остальные, между прочим. Ну, так как, с кем вы, мастера системы связи?

– Ты, Матвей Степанович, кругом вроде прав, – пробормотал мичман. – Но боязно как-то...

– А вы не бойтесь. Умеючи и ведьму бьют, – ввернул кстати вспомнившуюся старинную присказку Матвей. – Наше дело правое. Да, Андрюха?

– Да, – ответил Вороных и закинул импульсатор на плечо. – Мне все эти революции с самого начала не нравились.

– Понятное дело. Чего ж в них хорошего, – согласился Матвей. – Ребята, включайте гиперсвязь. Будем давать НАШИМ добро на высадку.

Сестра Кобра вызвала канцлера прямо на заседании Государственного совета. Шел разбор второй операции против сепаратистов Аркадии, и Прусаков хмуро слушал доклад командующего сводной бригады ВКС адмирала Бойченко о том, каких успехов добились его пилоты и десантники.

Успехи были так себе. Не сумевший выбросить десантные батальоны прямо в столице мятежной провинции контр-адмирал Головань был отстранен от командования и операцию возглавил Бойченко. Он тут же отдал приказ десанту высадиться в соседней с Аркадией провинции Солнечная и вести наступление по поверхности.

Скоростные танки и бронемашины десанта тремя колоннами устремились к границам провинции – и натолкнулись на ожесточенное сопротивление сил самообороны Воробьевая. Лидер Аркадии не церемонился с нападавшими. Техника подрывалась на минных полях, танки горели под лазерами, бронемашины буксовали на бетонных надолбах.

За трое суток десантникам удалось продвинуться на две-надцать километров. Бойченко бросил в бой орбитальные штурмовики «Богомол», но эти прекрасные машины не могли подняться выше двадцати километров из-за сплошной противовоздушной завесы, а рядом с землей они теряли маневренность и становились легкой добычей для переносных ракетных комплексов напряженного боя «Клинок», в изобилии имевшихся у сепаратистов.

Только выдвинув на позиции тяжелые плазмометы, Бойченко сумел прорвать оборону аркадийцев и с боями занял несколько небольших населенных пунктов на границе провинции. При этом потери его бригады были просто чудовищными.

Как раз в тот момент, когда адмирал докладывал о цифрах потерь, коротко тенькнул коммуникатор на запястье Прусакова. Поскольку голосовую связь он отключил, по экранчику ползли буквы текстового сообщения.

Сестра Кобра писала: «Наставник передал: караван Гумилевых идет к Титану». Прусаков трижды перечел сообщение и поднялся, заставив Бойченко замолчать на полуслове.

Члены Государственного совета с недоумением воззрились на канцлера.

– Немедленно свести все наши крейсера и броненосцы в единый флот! – свистяще произнес Прусаков и разноцветные глаза его вспыхнули недобрым огнем. – Придать флоту десантные транспорты и корветоносцы! Флагманом пойдет «Пилигрим», подготовьте мне каюту. Курс на Титан!

Члены совета недоуменно завертели головами.

– Позвольте, господин канцлер, – дрожащим голосом начал Бойченко. – А как же Аркадия...

– К черту Аркадию! – рявкнул Прусаков, выбинаясь из-за стола. – Мы идем на Титан!

ЭПИЗОД 17

Выхода нет

Спутник Сатурна Титан, база корпорации «Кольцо» Хотей

Для людей, обосновавшихся на Титане, наступили очередные стандартные сутки. Тысячи сотрудников корпорации «Кольцо» пробудились в тесных отсеках и коридорах базы, устроенной на дне глубочайшего разлома Хотей.

Дежурные проверили списки и занялись выдачей продуктовых наборов. Старосты блоков, на которые была разделена станция, следили за порядком.

Мужчины, женщины, дети стояли в длинных очередях, змеящихся по коридорам базы, чтобы получить положенный суточный рацион – несколько банок сублимированных овощей, брикеты саморазогревающегося мяса, пластиковые емкости с водой, сахар, соль, хлеб.

В это время в конференц-зале базы началось традиционное утреннее совещание руководства.

– Еды у нас хватит на месяц – и это в лучшем случае, – вздохнул Степан Николаевич Гумилев, оторвавшись от инфомонитора, на который выводились данные о наличии продовольствия на базе.

– Сокращение норм выдачи приведет к истощению и возникновению болезней, в первую очередь среди детей, – произнесла Исинка.

Она участвовала в утренних совещаниях руководства базы на правах постоянного члена.

– Какие будут предложения? – спросил Боровский, по привычке потирая сухенькие кисти рук. – Ну, надо же что-то делать?

Начальник базы Николишин, грузный человек с лицом борца-тяжеловеса, наклонил голову в знак согласия.

– Степан Николаевич, – прогудел он. – Вы лучше меня знаете: база на Титане строилась как опорный пункт терраформирования. Она просто не предназначена для проживания такого количества людей.

– Но нам некуда отступать! – раздраженно бросил Гумилев.

– В поясе Койпера нет подходящих объектов, способных принять всех беженцев. На орbitах планет-гигантов висят разведывательные корабли Военно-Космических сил. Нас найдут и уничтожат. Необходимо выиграть время, спрятаться, пропасть, сделать так, чтобы канцлер потерял нас. Тогда мы сумеем наладить производство новых планетолетов, скоростных невидимых кораблей с фотонными двигателями, аналогичных «Справедливому» и способных разбить эскадры крейсеров Прусакова. Вы же знаете, господа, проектные работы уже завершены, идет монтаж оборудования для первой верфи. Если все будет идти по графику, через два месяца мы закончим первый корабль, а впоследствии начнем выпускать по три борта в месяц!

– Что-то вы слишком оптимистичны, Степан Николаевич, – покачал головой Николишин. – Через два месяца...

– А вы,уважаемый Иван Константинович, видели, как трутся наноботы?

– Пока не доводилось.

– Полюбопытствуйте. Из всех удивительных вещей, виденных мною в жизни, эта – самая удивительная. Наблюдать, как на твоих глазах миллионы, миллиарды крохотных созданий молекула за молекулой лепят прочнейшую броню, собирают сложнейшие приборы, создают невозможные для обычных производств вещества – чудо, настояще чудо.

– Кстати, господа, не забывайте, что наноботы относятся к технологиям двойного назначения, – подал голос главный инженер проекта «Венера» Рязанов.

– Противник пока не знает про нашу базу. Газовая шапка над Хонеем надежно прикрывает нас от радаров и сканеров, – сказал капитан героического «Можайска» Безуглов, отвечавший в колонии за службу спасения. – Значит, надо держаться...

– А чтобы держаться, нужно продовольствие, – Матвей, до этого момента не вступавший в обсуждение, поднялся и прошел к пульту связи, над которым матово светился отключенный экран. – Стало быть, его нужно где-то взять. Исинка!

– Слушаю.

– Ты обработала мой вчерашний запрос?

– Да.

– Выдай результаты, только коротко.

– Принято. Анализ грузоперевозок в этом секторе Солнечной системы позволяет с большой долей вероятности предположить, что на спутниках Сатурна Энцеладе и Мимасе находятся военные объекты, располагающие крупными запасами продовольствия. Речь идет об объектах, предназначенных для развертывания на их базе крупных воинских соединений в случае вспышки напряженности в данном районе.

– Мы можем найти эти объекты? – быстро спросил Степан Николаевич.

– Да, – коротко ответила Исинка. – Районы поисков вычислены мной на основе просчетов траектории военных транспортов, совершивших посадки на Энцеладе и Мимасе.

– А объемы? – скрипуче осведомился Боровский. – Какие объемы продуктов хранятся на складах?

– Достаточные, чтобы прокормить все население базы на Титане в течение шести месяцев.

Как только Исинка закончила, все зашумели разом, взволнованно переглядываясь и улыбаясь.

– Это то, что нужно, господа! – гудел Николишин.

– Из любой ситуации всегда найдется выход! – убеждал себя и других Безуглов.

Академик Китаев, ставший начальником медицинской службы, развел руками:

– Прямо-таки рождественский подарок!

И только Матвей хранил молчание. Его с раннего утра не оставляло ощущение, что должно случится что-то нехорошее, страшное. Лев холодил грудь, заставлял нервничать, переживать. Поводов, понятное дело, хватало, но Матвей осознавал – это волнение связано не с бедственным положением беженцев, в числе которых была его собственная мать, а с чем-то другим.

Неожиданно засветился экран дальней связи. На нем появилось искаженное помехами красное лицо Роберто Квальи. Назначенный капитаном «Справедливого» пилот два дня назад ушел в дальний разведывательный рейд к орбите Юпитера.

– Колчан, колчан! Здесь стрела! – вызывал он базу. – Как слышите меня? Как видите? У нас помехи, я плохо вижу вас.

– Слышим вас и видим! – ответил Степан Николаевич. – Чем порадуете?

Квалья не принял благодушного тона президента корпорации «Кольцо». Нахмурившись и глядя прямо в камеру, он произнес:

– В районе Ганимеда обнаружено скопление кораблей противника. Три эскадры крейсеров, два корветоносца, много десантных, транспортных и вспомогательных бортов. С помощью блоков «Отзыв» удалось осуществить радиоперехват...

Капитан «Справедливого» сделал паузу, словно собираясь с силами. Связь осуществлялась по закрытому каналу и можно было не экономить время, опасаясь прослушки.

– Ну?! – нетерпеливо рявкнул Николишин.

– Они выходят к Титану в четверг утром. Будут искать базу. Они уверены, что вы там, – упавшим голосом закончил Квалья.

– Ну вот, – саркастически рассмеялся в наступившей тишине Китаев. – Продовольствие, судя по всему, уже не понадобится...

Несколько человек оглянулись на академика и он смущился:

– Простите, господа, это нервное...

Совещание продолжалось второй час. Разговор теперь шел уже только об эвакуации, а точнее – о бегстве с Титана. Обсуждался один вопрос – куда бежать?

Группа во главе с инженером Рязановым и Рихардом Гончаровым выступала за перелет на Уран, чтобы укрыться на главной базе «Армии пробуждения» Оазис. Их противники, возглавляемые Боровским, настаивали на бегстве в пояс Койпера, где существовали поселения стэлменов.

– Раз они там выжили, сможем и мы, – доказывал академик Китаев.

– У стэлменов совсем другие технологии, другой цикл жизнеобеспечения, все другое, – не соглашался державший сторону Рязанова и Гончарова Безуглов. – Мы там не протянем и пару дней.

– Но Оазис совершенно беззащитен перед орбитальной бомбардировкой, а главное, господа – о нем хорошо известно тем сторонникам канцлера, что перешли к нему из «Армии пробуждения». Нас найдут в два счета, – упрямствовал Боровский.

Гумилевы, отец и сын, хранили молчание. Степан Николаевич задумчиво изучал сводки солнечной активности, Матвей просто вышагивал по конференц-залу, тиская в кармане льва и изредка переговариваясь с Исинкой по наручному коммуникатору.

Для себя он уже все решил и теперь продумывал детали. План спасения, придуманный Матвеем, был прост и... и гениален, как все простое.

Закончив обсуждение нюансов будущей операции с искусственным интеллектом, он вышел на середину конференц-зала и поднял руку вверх, требуя внимания.

– Господа! Извините, что прерываю вашу дискуссию, но мне бы хотелось, чтобы вы меня выслушали. Я, конечно, младше многих по возрасту и у меня не так много жизненного опыта, но все же постарайтесь не обращать на эти моменты внимания. Итак...

После этой тирады в зале наступила тишина. Все повернулись к Матвею. На лицах руководства можно было прочитать удивление, раздражение, даже досаду. Степан Николаевич нахмурился, словно уже знал, что предложит его сын.

– Итак, – повторил Матвей. – Во-первых, давайте не будем забывать, что сотрудники корпорации «Кольцо» – ученые, инженеры, управленцы, техники, даже простые рабочие – это настоящая элита человечества. Именно они, а не нувориши и денежные мешки, составляют золотой фонд нашей цивилизации. Мой отец, присутствующий здесь, много лет отбирал лучших из лучших. Эти люди – и вы все, поскольку входите в их число – достойны лучшей доли. Не скитаний по станциям и базам на далеких планетах, не жизни изгоев, все свои силы, всю мощь своего интеллекта тратящих на выживание, а нормальной, ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ жизни. Думаю, никто не станет оспаривать этот пункт.

Матвей сделал паузу, обведя внимательным взглядом собравшихся. Все смотрели на него и напряженно ожидали, что скажет молодой Гумилев дальше.

– Во-вторых, помимо сотрудников корпорации, в Хоте сейчас находятся члены их семей – женщины, дети, старики. Что ждет их в поясе Койпера? Вымирание. Да, господа, именно вымирание. Вы... мы будем свидетелями того, как из жизни станут уходить наши близкие, не выдержавшие тяжелых условий. Дети, родители, жены... Думаю, никто этого не хочет.

– Да это понятно! – выкрикнул щуплый Дубов, один из лучших пилотов «Армии пробуждения», невысокий человечек с дьявольской реакцией, имевший на своем счету сорок шесть сбитых кораблей Космофлота. – Ты дело говори, товарищ Альфа!

Обращение Дубова заставило Матвея вздрогнуть. «Товарищ Альфа...» Вождь, лидер. И пусть нет уже никакой «Армии пробуждения», пусть все разрушено, переврано и переиначено коварным врагом, но люди остались. И он, Матвей Гумилев, остался тоже. В него верят, его слова ждут. Лев неожиданно запульсировал в руке, волнами посылая бодрящий холод.

– По существу так по существу, – совладав с собой, повысил голос Матвей. – В общем, мы полетим на Землю...

– Куда?! Как на Землю? Абсурд! Чушь! – зазвучали в конференц-зале взъерошенные голоса участников совещания.

– А я-то думал... – разочарованно протянул Гончаров.

– Вы меня не дослушали! – рявкнул Матвей так, что эхо заметалось под высоким куполообразным потолком зала. – Да, мы полетим на Землю! На трех кораблях. Точнее, на одном. Состыковав со «Справедливым» два имеющихся у нас крейсера «Армии пробуждения», мы создадим тримаран, который вместит в себя всех наших людей. Можете не утруждать себя – Исинка уже подсчитала полезный объем внутренних помещений всех трех бортов. Его вполне хватит.

– Но как же канцлер? Даже если мы ускользнем от его флота, он отыщет нас на Земле... – скептически произнес Боровский.
– И потом – чем Земля лучше пояса Койпера? Там же сплошные ледники...

– Самуил Аркадьевич отчасти прав, – тихо произнес Гумилев-старший. – Мы не сможем высадиться на Земле.

– Отчего же? – немедленно поинтересовался Матвей.

– Есть одно обстоятельство...

Степан Николаевич вздохнул, обвел всех собравшихся внимательным взглядом, словно бы оценивая – насколько этим людям можно доверять?

– Господин президент, – нарушил молчание Николишин. – Я так понимаю...

– Господа! – перебил его Степан Николаевич. – Видимо, пришло время обнародовать информацию, о которой до сего момента знал только очень узкий круг посвященных. Тихо, тихо! Я не закончил.

Президент корпорации «Кольцо» вышел на середину конференц-зала.

– Наш главный противник, господа... Наш главный противник – вовсе не этот канцлер в новом мундирчике...

– Интересно, а кто же? – запальчиво выкрикнул Матвей.

– Те, кто делился с вами... прости, с «Армией пробуждения» и «Танцорами вечности» технологиями. Те, кто побуждал экстремистов раскачивать лодку. Те, кому выгоден раскол, хаос, разруха, регресс человечества. И, наконец, те, кто выгнал нас с Земли.

Участники совещания взорвались зашумели.

– Что значит – выгнал с Земли? – удивился Матвей. – Любому школьнику известно, что человечество в массе своей покинуло Землю из-за глобальных изменений климата и начавшегося нового ледникового периода. Триста лет назад на специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН было принято решение не подвергать Землю воздействию терраформирующих комплексов, дабы все процессы на планете проистекали естественным путем. Человечество переселилось в колонии, на Земле осталось... не помню, что-то около миллиона человек, да? Основная масса трудится в туристическом секторе, ну плюс ученые, деятели искусств...

– Это все так, – кивнул Степан Николаевич, – но не совсем. А точнее, совсем не так! Начнем с той пресловутой сессии ООН...

Я специально поднял архивы и посмотрел, кто и как голосовал. Так вот: оказалось, что за переселение с Земли выступили представители тех стран, правительства которых активно сотрудничали с...

- С кем?
- Не догадываешься? С корпорацией «Кольцо», Матвей!
- То есть наши предки лоббировали решение о переселении?
- Да. Кстати, вполне разумный и логичный ход, учитывая, что корпорация как раз и занималась терраформированием Луны и Марса. Но это только начало интриги...
- А что, было и продолжение? – усмехнулся Боровский.
- Конечно. Кто-то весьма искусно пересорил между собой глав основных государств, входивших в Генеральную Ассамблею.
- Ну, это когда было! – махнул рукой Николишин. – Предания старины глубокой.
- Разногласия привели в конечном счете к чреде Колониальных войн и только стараниями нашего предка, твоего, Матвей, прпрадеда Анатолия Викторовича Гумилева, в середине прошлого века человечество наконец-то объединилось.
- Отец, это известно каждому. А при чем тут Земля и какие-то загадочные «те»? Почему мы не можем лететь на Землю?
- Господа! – голос Гумилева-старшего обрел силу и загремел под сводами конференц-зала. – Я несколько лет назад начал собственное, так сказать, расследование того, что произошло в минувшие столетия с нами, с людьми, на самом деле. Не скрою, причиной, побудившей меня заняться этим, была банальная коммерция. Мне стало интересно – отчего Земля закрыта для терраформирования, ведь возродив на планете комфортные климатические условия, мы решили бы проблему перенаселенности Марса.

– И к чему же привело твое расследование? – не сдержался Матвей.

Степан Николаевич вздохнул, попросил у кибер-стюарда чаю и долго молчал, собираясь с мыслями. Наконец он произнес:

– Изучение и анализ архивных документов, проведенный мною с помощью Исинки, позволили обнаружить во всей этой истории новое действующее лицо, точнее, силу. Ее представители выглядят, как люди, хотя не имеют с нашим видом, видом хомо сапиенсов, ничего общего. У них прозрачная кожа, в глазах отсутствуют зрачки, а главное – они владеют технологиями, глубоко отличными от человеческих.

Дубов выругался. Боровский привычно потер сухие ладони. Матвей побледнел.

– Отец, ты хочешь сказать, что это... чужие?

– Кто? А, инопланетяне? Нет, Матвей. Прозрачные всегда жили среди нас. Они были рядом на протяжении всей истории человечества. И всегда вмешивались в нее.

– Но зачем?

– Что вернуть себе то, что когда-то принадлежало им безраздельно. Чтобы вернуть Землю.

– Даже так?

– Да. Для нормальной жизни и, что самое важное, для размножения этим существам нужны низкие температуры. Им было комфортно, пока планету сковывали ледники. Люди в ту пору, как ты знаешь, находились даже не в первобытном, а в полудиком состоянии. И тут произошло событие, которое в корне поменяло и историю человечества, и историю прозрачных. Кто-то из наших очень далеких предков нашел предмет...

– Предмет? Что еще за предмет? – вклинился в разговор бас Николишина.

– Предметами по традиции именуются зооморфные фигурки из неизвестного металла, обладающие уникальными свойствами, – как на лекции отчеканил Степан Николаевич.

Матвей обмер, сунул руку в карман и вытащил льва. Десятки взглядов скрестились на фигурке.

– Да, да, – кивнул Степан Николаевич. – Именно. Вот эти предметы, происхождение которых покрыто мраком тайны, и сделали нас людьми, а прозрачных – изгоями. Они долго сопротивлялись, всеми силами пытаясь затормозить развитие человеческой цивилизации. А потом отступили в тень, чтобы собраться с силами и уже путем не открытого противостояния, а хитроумных интриг и тщательно продуманных комбинаций выдворить нас с Земли. Им удалось.

– Да ну, – Матвей улыбнулся, хотя на душе у него кошки скребли – ведь, судя по всему, именно прозрачные были партнерами (или даже наставниками!) «Армии пробуждения».

– Вот тебе и «да ну», – горестно вздохнул Степан Николаевич и повысил голос: – Исинка, барьер! И выведи нам полученные с зонда «Игла» кадры...

Пространство вокруг центральной части конференц-зала не медленно окружило голубоватое сияние. Матвей знал – это было особое электростатическое поле большой мощности, исключающее всякую возможность прослушки.

На опустившемся с потолка инфомониторе возникло изображение. Сперва Матвей решил, что это кадры орбитальной съемки Тритона, крупнейшего спутника Нептуна, покрытого толстым слоем водно-азотного льда, но приглядевшись, понял, что видит Землю.

Бескрайний ледник, раскинувшийся от горизонта до горизонта. Высота объекта, производящего съемку, все время снижалась и вскоре стало хорошо видно трещины, рассекающие ледяной панцирь, снежные дюны, выглаженные ветром, заструги на их гребнях.

– Такой мы привыкли видеть восемьдесят процентов земной поверхности, – прокомментировал запись Гумилев-старший.

– Ну да, конечно, – кивнул Дубов. – А зачем вы нам это показываете?

Степан Николаевич не успел ответить. Экран померк и некоторое время оставался в таком состоянии, затем по нему пробежали светлые полосы, какие-то пятна и вдруг Матвей увидел огромную подледную полость, пещеру невероятной высоты, простиравшуюся вдаль на многие километры.

– Съемка осуществлялась с исследовательского зонда типа «Игла», запущенного нами к Земле три месяца назад, – пояснил Степан Николаевич. – Зонд пролетел над поверхностью планеты, снизился и углубился в лед в районе бывшей Западной Европы. А подо льдом обнаружился...

Но Матвей и все остальные уже и сами видели, что обнаружилось под панцирем ледника.

Город. Или даже мегаполис. Удивительные, пугающие своей непохожестью на человеческие дома строения, сполохи холодного пламени в прозрачных трубах, соединяющих шарообразные, конусовидные, цилиндрические постройки. И сотни неясных силуэтов, скользящих в холодном тумане между гладкими стенами высотных домов.

– Это?.. Это они? – Матвей потянулся за стаканом, чтобы промочить враз пересохшее горло. – Прозрачные?

Вопрос остался без ответа. Картинка на экране дернулась раз, другой – и погасла.

– Все, – сказал Степан Николаевич. – На этом передача оборвалась. Зонд, по всей видимости, был обнаружен и уничтожен. Но главное вы видели.

– И много таких вот... городов там, под ледниками? – прогудел Николишин.

– Судя по всему, не один десяток, – Гумилев-старший потер пальцами переносицу. – Исинка, спасибо.

Зашитное поле опало.

– Теперь вы знаете, – просто сказал Степан Николаевич и оглядел потрясенных людей.

– То есть вернуть себе Землю мы не сможем, – не столько спросил, сколько констатировал факт Боровский.

– В ближайшей исторической перспективе – нет, – покачал головой Гумилев-старший. – Я уже говорил о технологическом разрыве. Правда, прозрачные никогда не идут на прямой конфликт, они – мастера закулисных интриг. Но тем не менее...

– Это все, конечно, хорошо – Земля, прозрачные... – начал Николишин и тут же поправился: – То есть, я хотел сказать: «плохо»... Ну, в общем, я о другом. Нам-то что теперь делать? Тупик? Выхода нет?

– Выхода нет, – эхом откликнулся Боровский.

– Пять минут – перерыв, – объявил Степан Николаевич.

ЭПИЗОД 18

Минимальные шансы

Титан, база корпорации «Кольцо» Хотей

Люди разбрелись по конференц-залу, разбились на группки, негромко переговариваясь. Матвей уселся в кресло и наступил. Ему очень не нравилось все происходящее. В честном бою у кораблей корпорации нет никаких шансов против флота Пру-сакова. Обороняться на Титане – значит подвергнуть смертельной опасности жизни тысяч ни в чем не повинных людей. Одна термоядерная торпеда, попавшая в Хотей...

Нет, об этом думать не нужно. Нужно искать решение. Без выходных ситуаций не бывает!

– Исинка, – шепотом вызвал он искусственный интеллект. – Что скажешь?

– Я рассматриваю различные варианты выхода из сложившегося кризиса, – прокурчал в наушнике спокойный голосок.

– Ого! – невесело усмехнулся Матвей. – «Различные»! То есть их несколько?

– Конечно, – подтвердила Исинка. – Всякая задача имеет множественность решений. Кстати, мне нужен твой личный код лидера «Армии пробуждения».

– Зачем это? – удивился Матвей.

– В настоящий момент я веду диалог с исинами базы Хотей, судов корпорации и военных кораблей «Армии пробуждения», присоединившихся к нам. На борту крейсера «Разящий» находится некое оборудование, доступ к информации и управлению которым закодирован лично тобой...

Матвей наморщил лоб, вспоминая. «Разящий», «Разящий»... Крейсер второго ранга, построенный по проекту «Клинок» пару

лет назад. Всего в «Армии пробуждения» было шесть таких кораблей. Задолго до событий, связанных с кометой «Шпиг-11», «Разящий» участвовал в сражении на Нулевом градусе и в результате массированной атаки корветов с корветоносца «Беллоны» «Рассвет» получил серьезные повреждения. Несколько месяцев крейсер находился в ремонте, а потом был задействован в подготовке атаки на Луну.

Вот только в самой атаке «Разящий» не участвовал!

Матвей мысленно обругал себя за беспамятность. Конечно же, как он мог забыть! Крейсер использовался как научная база, где всем заправляли специалисты из Отдела высоких технологий «Армии пробуждения» и перешедшие на сторону звездных борцов исследователи «Танцов в вечности». Курировал их работу сам товарищ Дементьев, имевший доступ к личному коду товарища Альфы.

Товарищ Дементьев, который теперь стал канцлером Солнечной системы Геннадием Прусаковым...

С Генкой Матвей соперничал с первого класса. Так уж получилось, что мальчишки невзлюбили друг друга и в дальнейшем каждый старался быть первым во всем. Школа, спортивные соревнования, кадетский корпус...

«Как прихотливо распорядилась судьба, – подумал Матвей. – Меряясь количеством пятерок и золотых медалей, мы с Прусаковым в итоге оказались в Космофлоте, а потом – по другую сторону баррикад, в «Армии пробуждения». И только теперь статус кво восстановился. Жизнь – хитрая штука. Или это не жизнь, не судьба, а злая воля прозрачных? Придет время и я обязательно разберусь во всем этом. Потом, когда все мои люди будут в безопасности, когда я найду Аню и Соню...»

Он поймал себя на том, что до сих пор считает себя лидером, вождем. Или это лев заставляет его думать и вести себя таким образом?

– Матвей, – напомнила о себе Исинка. – Код.

– Ты же супервзломщица, – не удержался от подколки Матвей. Он с детства любил пикироваться с искусственным интеллектом. – Хакнула бы систему безопасности – и все дела.

Но Исинка не приняла шутку.

– На подбор комбинаций уйдет слишком много времени, а его у нас нет совсем.

– Извини, – и Матвей продиктовал код.

Исинка отключилась. Степан Николаевич, о чем-то напряженно беседовавший с Боровским, вернулся в центральный круг конференц-зала.

– Господа, прошу!

Когда все участники совещания подтянулись к нему, президент корпорации «Кольцо» развел руками:

– Боюсь, правы были те из вас, кто предлагал бегство в пределы Внешнего пояса астероидов. Это единственный возможный – и реальный! – шанс для нас уцелеть. Сейчас предлагаю высказаться тем, кто имеет весомые аргументы против, а затем перейдем к обсуждению деталей.

– Разрешите, Степан Николаевич? – прозвучал в конференц-зале голос Исинки.

Матвей отметил, что она увеличила громкость и перешла на другую голосовую оболочку – искусственный интеллект разговаривал теперь как строгий и уверенный в себе педагог.

– Да, слушаем, – кивнул Гумилев.

– На борту крейсера «Разящий» обнаружен прототип установки для темпоральных манипуляций, более известный как хронобластер, а также двадцать семь самарий-кобальтовых колб, предположительно наполненных неквантуемым веществом, обогащенным хрононами. «Армия пробуждения» использовала аналогичную установку при захвате форта «Железная скала» во время штурма Луны.

Все немедленно посмотрели на Матвея – кому, как не вождю звездных борцов, пусть и бывшему, знать о секретах подготовки той операции?

– Ну да, – осторожно согласился он, судорожно вспоминая, что рассказывал ему товарищ Дементьев о хронобластере. – Это экспериментальный образец. На нем отрабатывались технологии использования таких установок в бою.

– Хронобластер, – продолжила Исинка, – дает нам возможность эвакуировать всех сотрудников корпорации и членов их семей, а также примкнувших бойцов «Армии пробуждения» не по пространственным, а по темпоральным, времененным координатам...

– То есть вы хотите сказать... – проскрипел Боровский и замер с выпученными глазами.

– Но хронобластер может сдвигать время всего на несколько секунд! – мгновенно сообразив, что предлагает Исинка, крикнул Матвей.

– Все дело в мощности и количестве неквантуемого вещества! – парировал искусственный интеллект. – Опытный образец на борту «Разящего» имеет широкий диапазон настройки. Мы сумеем продавить во времени достаточно глубокий колодец.

– А где мы возьмем источник энергии? – спросил Гумилев-старший. Похоже, он тоже догадался, о чем идет речь.

– Силовая установка крейсера «Справедливый» даст достаточно количество энергии для разрыва пространственно-временного континуума. Расчеты почти закончены.

– Я ни черта не понимаю! – взволнованно гаркнул покрасневший Дубов. – О чем речь? Мы что, будем путешествовать во времени?

– Именно, коллега, – пробасил Николишин. – И разорви меня гравитация, если это не выход!

– Есть вопросы! – быстро сказал инженер Рязанов, протиснувшись вперед и вставая между отцом и сыном Гумилевыми.

– Переносы масс, парадокс Званцева, проблема координат...

– Наиболее подходящая точка пространства для темпорального перехода находится на границе пояса Койпера, рядом с малой планетой Эридой, практически на ее орбите, – после некоторого молчания произнесла Исинка. – Там риск случайного захвата массивных объектов минимален.

– Но в какое время мы можем переместиться? – не унимался Рязанцев.

– На год, два в прошлое. Этого будет достаточно. Но только в прошлое. Хронобластер не может перемещать материальные объекты в будущее, такова его конструкция.

– Я так понимаю, – вступил в разговор Гумилев-старший, – с научной точки зрения все решаемо. Шансы, конечно, минимальные, но они есть. Год – оптимальный срок. А вот как быть с угрозой атаки со стороны канцлера? Извините за тавтологию, но для переноса во времени требуется время...

– Касательно флота Прусакова – тут все ясно, – ответил отцу Матвей. – Его надо нейтрализовать. Именно поэтому к поясу Койпера пойдут только три корабля. Все остальные останутся тут и дадут флоту ВКС бой.

– Не смеши, товарищ Альфа! – Дубов дернулся искалеченным плечом, словно хотел сбросить на пол невидимый плащ. – Транспорты, лихтеровозы и противометеоритные платформы против соединенной монструозной Космофлота... или как там его теперь... ВКС? Чушь!

– Это не будет боем в классическом понимании этого слова, – Матвей позволил себе улыбку. – Все наши суда будут интегрированы в подвижный комплекс, управляемый из одного центра. Нашпигованные протонной взрывчаткой, они превратятся в суда-убийцы, брандеры, как говорили в старину. Мы уничтожим наш флот, а вместе с ним – и флот противника.

И вновь в конференц-зале воцарилась тишина.

– А если наши посудины сожгут издали? – поинтересовался Николишин.

– Зачем? – Матвей пожал плечами. – Зачем сжигать брошенные суда, дрейфующие на орбите? Нет, я уверен – они просканируют электронику, вышлют призовые команды и переключатся на поиски нашей базы на поверхности Титана. Тут-то мы и нанесем удар!

– Кто будет руководить этой операцией? – хриплым от волнения голосом спросил Гумилев-старший.

Вместо ответа Матвей шагнул к отцу, взял его под локоть.

– Папа, можно тебя на два слова?..

Корвет, старый, добрый друг «Скорпиона», один из пяти захваченных «Армией пробуждения» во время боя на Градусе Забвения и все эти месяцы проведший в трюме «Справедливого», укрылся за огромной ледяной глыбой, невесть когда занесенной на орбиту Титана силами гравитации.

Матвей, расположившись в рубке, с тревогой посматривал на экран радара дальнего обнаружения целей. Вся верхняя его часть была сплошь засвеченна – это навстречу своей судьбе двигался флот Военно-Космических сил Солнечной системы.

Крейсера, корветоносцы, десантные корабли и транспортны шли плотным походным строем. Рой разведчиков уже обшарил все пространство впереди и не обнаружил ничего угрожающего. Суда корпорации «Кольцо», загруженные десятками тонн протонной взрывчатки, обычно использующейся для проведения горных работ, находились по другую сторону Титана и должны были широким веером «выплыть» навстречу флоту Прусакова через полтора часа.

За те сутки с небольшим, пока сотрудники корпорации и члены их семей грузились на фотонный тримаран, Исинка свела все управление оставленными судами в единую систему и вывела ее на смонтированный в рубке «Скорпиона» дополнительный пульт. С него Матвей мог запускать двигатели любого борта, маневрировать и, конечно же, подрывать заряды.

Взрывчатка на судах была размещена в носовых отсеках и искусно спрятана в блоках управления, межкорпусных пространствах, на камбузах, в системах маневровых двигателей. Наноботы потрудились на славу. Конечно, тщательный обыск выявил бы заряды, но Матвей знал – призовые партии не будут обшаривать оборудование судов. Они лишь удостоверятся, что транспортники пусты, брошены.

В эфире раздался бесстрастный голос кибер-диктора. Он уже второй час начитывал один и тот же текст:

– Работники корпорации «Кольцо»! Господа и дамы! К вам обращается канцлер Солнечной системы. Руководство корпорации обманом заставило вас прибыть на эту удаленную планету. Я гарантирую всем сдавшимся без боя жизнь и возвращение в обжитые миры. Выдайте преступников, обманувших вас, проявите добрую волю, и тогда никто не пострадает. Тех из вас, кто поспособствует поимке Степана и Матвея Гумилевых, ждет щедрая награда.

Ухмыльнувшись – надо же, «щедрая награда»! – Матвей вспомнил разговор с отцом. Они вышли из конференц-зала в коридор и Степан Николаевич немедленно обрушился на сына с упреками:

– Думаешь, я не знаю, что ты задумал? Это же самоубийство! Вспомни о матери! Она не переживет...

– Папа, не надо. Решение принято, – попытался успокоить отца Матвей.

– Я тебе дам «не надо»! – вспылил Степан Николаевич. – Тут я принимаю решения!

– Нет, папа. Все продумано. Во имя всего человечества я должен...

– Но почему ты! – воскликнул Гумилев-старший. – Есть же Квалья, есть Дубов... Да мало ли у нас опытных пилотов!

– Они понадобятся, когда тримаран пойдет к поясу Койпера, – убежденно сказал Матвей. – Или ты думаешь, что вас там

встретят пирогами? У границ Солисса висят крепости погранслужбы. Через зоны их ответственности скорее всего придется прорываться с боем, а потом, во время активации хронобластера, прикрывать крейсера. Квалья и другие будут нужны там. На борту «Справедливого», «Могучего» и «Разящего» четыре десятка корветов. Дубов лучше меня владеет техникой космического боя, Квалья опять же лучше меня умеет руководить действиями боевых звеньев. Нет, папа, все правильно. Всем нам предстоит тяжелый труд. И каждый должен быть на своем месте. Мое – тут, на орбите Титана.

– Хорошо, пусть боем руководит Исинка!

– Она, конечно, справится, – кивнул Матвей. – Но вот ни я, ни ты, ни кто другой не сможет управлять хронобластером так, как это сумеет она. Папа, давай заканчивать, время дорого.

Степан Николаевич внимательно посмотрел в разноцветные глаза сына. Матвей не смутился, не отвел взгляда. Почти минуту они стояли друг напротив друга, и воздух, казалось, звенел от напряжения.

– Каковы шансы, что ты выйдешь из этой передряги живым?

– сдаваясь, спросил Гумилев-старший.

– Шансы минимальные, – пожал плечами Матвей. – Но что это меняет? Все, у нас действительно очень мало времени и очень много работы.

ЭПИЗОД 19

Подрыв! Подрыв! Подрыв!

Орбита Титана; кольца Сатурна, борт корвета «Скорпион»

Флот ВСК приблизился на расстояние выстрела из лазерного орудия. Теперь уже цели на экране читались отчетливо, и Матвей только и мог, что покусывать губы, проговаривая про себя названия крейсеров и вспомогательных судов. Прусаков действительно решил покончить с Гумилевыми и их соратниками одним ударом. Он привел к Сатурну весь цвет боевого флота человечества. Дискоlet с вихревой защитой «Пилигрим», тяжелые крейсера «Москва», «Париж», «Лондон», «Пекин», броненосцы «Князь», «Витязь», «Богатырь», крейсера первого и второго рангов – суммарный залп этих исполинов мог раздробить на части небольшую планету вроде Ио.

Но страха перед могучим врагом у Матвея не было. «Чем выше скала, тем дальше с нее видно», – любил говорить один из преподавателей Академии Космофлота, незабвенный доцент Жуматов. «Уже скоро, – поглядывая на хронометр, думал Матвей. – Совсем скоро. Жалко, конечно, тех ребят, что перешли на сторону Прусакова, но таковы законы войны. Убей ты, или убьют тебя и все тех, кто тебе дорог...»

Суда корпорации, темные, безжизненные, начали появляться в поле действия радаров кораблей ВКС. Эфир тут же наполнился трескотней помех, обрывками переговоров между капитанами и штабом флота. Стремительные тени разведывательных авиеток пронеслись мимо ледяной глыбы, за которой укрывался корвет Матвея. На всякий случай он прижался вплотную к поверхности куска замерзшего газа, чтобы противник не заметил его «Скорпиона».

Потянулись минуты нового ожидания. Прусаков, как и предполагали Матвей и Исинка, не стал атаковать брошенные транспортники. Его крейсера легли в дрейф на высоких орбитах. Там ждали, когда сонмище судов корпорации, влекомое гравитационными силами, подойдет поближе, чтобы выслать к ним на катерах и десантных шлюпах призовые группы.

Матвей выдвинул из дополнительного пульта консоль оперативного управления своими брандерами и сосредоточился на контроле за расстоянием между транспортниками и крейсерами Прусакова. Пока, тьфу-тьфу-тьфу, все шло строго по плану.

Планетолеты медленно проплывали «под» Матвеем и он через бронеколпак мог наблюдать их вытянутые, пузатые, цилиндрические, сферические корпуса на фоне желто-зеленой поверхности Титана.

Разведчики, покружившись вокруг самых крупных судов, улетели. Сейчас находки тщательно ощупывали лучи боевых сканеров, настроенные на выявление систем вооружений, способных нанести ущерб кораблям ВКС. Как и следовало ожидать, таковых обнаружено не было.

– Девять тысяч километров, – шептал Матвей, следя за дисплеем на консоли. – Восемь семьсот... Восемь триста...

Когда расстояние между двумя флотами сократилось до пяти с небольшим тысяч, с крейсеров Прусакова начали отваливать призовые партии. Тупоносые десантные шлюпы неспешно двинулись к вожделенной добыче, а Матвей все ждал.

Он дал команду на запуск двигателей самых скоростных транспортников и клипера «Север» в тот момент, когда дистанция между судами корпорации и флотом ВКС сократилась до полутора тысяч километров. Дальше медлить было нельзя, после прохождения этой точки брандера начали бы уходить на новый виток, отрываясь от дрейфующих крейсеров.

Дюзы двадцати трех планетолетов вспыхнули разом, бросив их навстречу армаде Прусакова. Там, конечно же, сыгра-

ли боевую тревогу, крейсера начали маневрировать, расходясь в стороны и одновременно открывая огонь на поражение, но плотная завеса помех, выставленная мощным импульсным генератором, смонтированным на «Севере», сбила прицел канониром Военно-Космических сил.

Запустив двигатели второй волны брандеров, Матвей подготовился взрывать суда. Из двадцати трех бортов до расчетной зоны поражения дошли девятнадцать – четыре планетолета все же были расстреляны из лазерных орудий.

Матвей утопил клавишу, дающую команду на срабатывание детонаторов.

– Подрыв! Подрыв! Подрыв! – шептал он, глядя, как на экране беззвучно лопаются корпуса судов, разбрасывая вокруг себя тучи губительных осколков.

Эфир потрясла какофония бессвязных звуков. Вопли погибающих людей смешались с треском электрических разрядов, отчаянными командами и мольбами о помощи.

Развороченные взрывами корпуса брандеров врезались в крейсера и десантные корабли, куски их обшивки, получив невероятное ускорение – все же протонная взрывчатка обладала чудовищной мощью – прошивали боевые рубки и отсеки кораблей Прусакова.

Девятнадцать транспортников, погибнув, унесли с собой в ледяную космическую могилу семь крейсеров ВКС. Три оказались сильно повреждены, а два броненосца – «Витязь» и «Князь», совершая маневр уклонения, столкнулись друг с другом, после чего у «Князя» взорвался реакторный отсек.

– А теперь вторая перемена блуд! – азартно воскликнул Матвей и подорвал детонаторы следующей группы брандеров.

Несмотря на боевой запал, действовал он с хладнокровием кибернетического устройства. Пальцы летали над клавишами консоли, глаза отслеживали данные по расстоянию и курсу целей и брандеров. Уже четвертая волна транспортников

пошла к тому району, где бесславно погибал флот Прусакова. Конечно же, такого эффекта, как от первой группы брандеров, теперь достичь не удавалось – оставшиеся крейсера пытались покинуть опасную зону, а их орудия работали непрерывно. Но пространство вокруг уже настолько насытилось искореженным металлом, что любое движение кораблей ВКС приводило к повреждениям. Стальной вихрь осколков сметал с корпусов надстройки, антенны, радары, боевые системы, дырявил обшивку, калечил дюзы...

Запустив последнюю группу брандеров, Матвей откинул визор скафандра и по-простому, рукой, вытер со лба трудовой пот.

Дело было сделано. Флот Военно-Космических сил, вся эта армада боевых кораблей, перестала существовать как боевая единица. Уцелело лишь двенадцать бортов, но все они имели повреждения. Можно было уходить на теневую сторону Титана, где на орбите Матвея дожидался двойной бустер-ускоритель. Подцепив его к «Скорпиону», он мог спокойно стартовать к ледяному шару спутника Сатурна Тефии. Там для него был приготовлен планетолет «Байкал», на котором Матвей должен был отправиться вдогонку за тримараном корпорации. Координаты точки на орбите Эриды, выбранной Исинкой для пространственно-временного перехода, он заучил наизусть.

Обглоданные взрывами, пробитые осколками, изъеденные, искореженные корабли ВКС и обломки судов корпорации расставивало по орбите Титана. Сотни спасательных шлюпок, катеров и авиеток кружились вокруг разбитых бортов, собирая раненых и погибших.

К великому сожалению Матвея, уцелели три тяжелых крейсера Прусакова – «Пилигрим», «Пекин» и «Москва». Они находились позади основных порядков флота и успели выйти из опасной зоны с минимальными повреждениями. Но испорчены уже не представляли для корпорации «Кольцо» серьезной

угрозы – «Справедливый», «Мощный» и «Разящий», доведись им встретиться с тяжелыми крейсерами в открытом бою, смогли бы потягаться с «Москвой», «Пекином» и «Пилигримом» на равных.

Помимо этих монстров относительно небольшие повреждения получил крейсер первого ранга «Таврида» – у него поseklo осколками дюзы главного двигателя и сейчас «Таврида» медленно упывала в сторону Сатурна.

«А что, если... – мелькнула в голове Матвея шальная мысль. – На Тефию я успею. В этом месиве никому не будет дела до однокого корвета. Пощекочу-ка я «Тавриду» жалом моего «Скорпиона»!»

Опьяненный победой, он сжал льва и включил двигатели «Скорпиона».

Сблизившись с крейсером, Матвей трижды безнаказанно выстрелил по носовой части «Тавриды» и ловко увел «Скорпиона» с линии огня, когда уцелевшие орудийные башни крейсера пытались сбить корвет.

Он поднырнул под исполнинское брюхо «Тавриды», испятнанное квадратными створами шлюзов, и сбросил скорость. Крейсер навис над корветом Матвея. Поразить врага отсюда нечего было и думать. Лазерное орудие «Скорпиона» не сумело бы прошить три грузовые палубы, чтобы добраться до жизненно важных центров корабля. Торпеды и ракеты тоже завязли бы в металлических конструкциях.

«Эх, сейчас бы ядерную мину, – с сожалением подумал Матвей, проводя корвет впритирку к «Тавриде». – Прилепить к обшивке. Вот рвануло бы так рвануло!»

Он был уверен, что на «Тавриде» потеряли его «Скорпиона», но неожиданно створы в брюхе крейсера начали один за другим открываться, и оттуда посыпались иссиня-черные, блестящие, остроносые автоматические корветы типа «Сфекс».

«Таврида» оказался кораблем-маткой для целой стаи смертоносных металлических ос, вооруженных скорострельными лазер-пушками «Чекан»!

Матвей совершил маневр уклонения, сделал свечу и пошел, набирая скорость, под прямым углом к плоскости кольца А Сатурна, очень надеясь оторваться от полусотни корветов, а если не получится, то затеряться среди ледяных глыб и камней кольца.

Один из корветов-преследователей вырвался далеко вперед стаи, и боевой сканер оповестил Матвея, что он в зоне досягаемости лазерных орудий «Скорпиона». Решение нужно было принимать мгновенно, и так же мгновенно его выполнять.

«Если разнести этот корвет, его обломки окажутся на пути группы и станут серьезным препятствием для остальных «Сфексов», – Матвей еще додумывал эту мысль, а руки уже работали с джойстиком управления, кидая «Скорпиона» в «петлю Нежданова». Лев вновь помогал своему владельцу стать самым быстрым, самым умелым, а главное – самым отважным бойцом в Солнечной системе.

Перевернувшись через левую «скullу», корвет Матвея встретил налетающий «Сфекс» во всеоружии. С лазерного орудия «Скорпиона» сорвался губительный импульс энергии и металлическая оса разлетелась на сотни, а то и тысячи осколков.

Корветы противника начали маневрировать, пытаясь уклониться от встречи с облаком осколков, но дистанция оказалась слишком мала и на экране целеуказания «Скорпиона» погасло сразу с десяток меток.

– Ага! – торжествующе захохотал Матвей. – Получите и распишитесь!

Он развернул корвет и погнал его дальше, надеясь через какое-то время повторить удачный опыт. Тактика работы «Сфексов» в группе была хороша знакома Гумилеву. Автоматические осы шли в атаку конусом, головная машина работала

как наводчик, передавая информацию своим собратьям. Выбив головного «Сфекса», Матвей выигрывал время.

Увлекшись боем, в угаре он не учел один важный момент, едва не ставший роковым для его «Скорпиона». Взяв слишком круто к плоскости кольца, Матвей оказался в зоне досягаемости орудий главного калибра «Тавриды». Канониры крейсера немедленно воспользовались этим, и залпы вакуумных пушек разнес в брызги несколько глыб льда буквально в паре километров от «Скорпиона».

– Черт! – Матвей резко поменял направление движения, уходя от обстрела.

Это сыграло на руку стае «Сфексов». Они открыли огонь из «Чеканов», и облако ледяной пыли, в котором несся сейчас корвет Гумилева, расцвело голубыми росчерками лазеров.

– Черт, черт! – Матвей начал «рыскать», пытаясь сбить прицел систем наведения противника.

Дело принимало угрожающий оборот. «Сфексы» отжимали его из «мертвой зоны», выталкивая под губительные залпы орудий «Тавриды». И снова на принятие решения у Гумилева остались доли секунды. Либо он разворачивается и принимает бой со всей стаей автоматических корветов, либо...

– Рискнем! – прощедил Матвей и бросил «Скорпиона» прямо в кольцо А, навстречу ощетинившихся иглами ледяных кристаллов глыб замерзших газов.

Ему понадобилось все его умение, весь талант пилота, чтобы, не снижая скорости, лавировать между смертоносными кусками льда. Лишь некоторые из них превышали размерами «Скорпиона», в основном же это были угловатые обломки величиной с футбольный мяч – и меньше. Но столкновение даже с ледышкой размером с кулак грозило «Скорпиону» гибелью – слишком велика была скорость корвета.

«Сфексы», ведомые коллективным разумом своих исинов, устремились в погоню за ускользающим врагом. Страх гибели

был неведом этим кибернетическим убийцам. Несколько автоматических корветов разбилось, но не менее тридцати машин продолжали преследовать Матвея.

«Если я дотяну до Энке, то сумею разделаться с ними», – подумал он, отчаянно дергая рукоять джойстика управления.

Энке, или, точнее, разделительной полосой Энке, называлась широкая зона свободного пространства, делящая кольцо А на две неравные части. «Вычистил» эту область кольца внутренний спутник Сатурна Пан, каменная глыба тридцати пяти километров в поперечнике, угрюмая и зловещая. Пан притянул к себе мелкие частицы льда, освободив семисоткилометровый проход, щель, заметную только при подлете к Сатурну. Если щель Кассини, достигающую четырех тысяч километров в ширину и отделяющую кольцо А от мощного кольца В, можно было сравнить с широкой дорогой, то Энке был скорее тропой, протоптанный Паном в ледяном крошеве кольца.

Именно этой тропой и решил воспользоваться Матвей. Он гнал «Скорпиона» вперед, пытаясь выиграть время. «Сфексы» не отставали, но и не приближались. Пару раз осы делали попытки подняться над плоскостью кольца, чтобы настичь и поразить врага сверху, но Матвей был начеку и успевал проваливаться под защиту ледяных обломков, прикрываясь кольцом как щитом.

Когда от мельтешения льда перед глазами у Матвея закружила голова, впереди наконец-то показался долгожданный просвет. «Скорпион» вылетел в полосу Энке. Гумилев тут же развернул корвет и открыл ураганный огонь по той области кольца, из которой должны были появиться «Сфексы».

Его замысел сработал на все сто! Мощный лазер «Скорпиона» испарял мелкие кристаллы льда, дробил глыбы, создавая на пути автоматических корветов врага непреодолимое препятствие. «Сфексы» заметались, гася скорость и маневрируя, но было поздно. Недра кольца озарились вспышками гибнущих

корветов. Лишь несколько ос избежали общей для всего роя участи и прорвались в Энке, но Гумилев сжег их как в тире – прицельно и без шансов для врага.

Бой, как это обычно бывает, закончился внезапно. Еще секунду назад ты давил на гашетку орудия, рвал ручку джойстика, скрипел зубами от наваливающихся перегрузок – и вдруг тишина...

Сбросив скорость, Матвей на малой тяге поднял корвет над плоскостью колец. Метки крейсеров эскадры Прусакова не читались на экране радара – они были слишком далеко. Опаловая громада Сатурна нависала над «Скорпионом», коричневые вихри атмосферных фронтов вяло текли вдоль экватора гигантской планеты.

Вспомнив, как несколько месяцев назад вместе с Прокопычем и двумя юнгами он засевал внутреннее кольцо термоядерными минами, Матвей помрачнел. Героическая гибель «Барракуды» лежала на его плечах тяжким грузом. И уничтоженный спецназом «Армии пробуждения» Аэрополис «Танцоров вечности» никоим образом не компенсировал смерть трех братьев по борьбе.

Как давно – и как недавно это было! Матвей скрипнул зубами, потянулся к блистеру со стимулятором. Расслабляться рано. Нужно рассчитать курс, выйти к Тефии, а там уже недалеко и до второго этапа их глобальной операции.

Проглотив капсулу, он глотнул из трубки питательного витаминизированного напитка, известного среди пилотов как «дьявольский коктейль», перевел системы корвета в походный режим...

Удар, швырнувший «Скорпиона» вперед, едва не выбил из Матвея сознание. Тревожно заверещал зуммер оповещения об аварийной ситуации. Дисплеи расцвели россыпью красных значков, на контурном изображении корвета пульсировала оранжевым двигательная секция.

«Дальнобойный лазер!», – понял Гумилев, лихорадочно включая маневровые движки, расположенные по бокам «Скорпиона».

Он не учел, что новейшие крейсера Военно-Космических сил располагают боевыми сканерами, способными распознавать цели на дистанциях до пятисот тысяч километров. Именно такой сканер с борта флагмана Прусакова – дисколета «Пилигрим» – нашарил его корвет над кольцом, и лазерное орудие мощностью в несколько гигаджоулей ужалило «Скорпиона», попав точно в двигательную секцию.

На маневровых, дав полную тягу и опустошив до капли баллоны с жидкостным топливом, Матвей уковылял обратно в полосу Энке и занялся тестированием систем корвета. Делать все надо было очень быстро – раз его обнаружили, наверняка со стороны эскадры к Сатурну уже несется дивизион корветов, тех же самых «Скорпионов» или, не дай бог, «Меганевр».

Исин корвета, проверив все узлы, сообщил, что повреждена одна из трех топливных батарей. Пробоину в корпусе двигательной секции уже затянуло полимерной пеной, питание было переброшено на дублирующий контур. «В принципе, можно попытаться запустить основной двигатель, – подумал Матвей. – Энергии, конечно, маловато, но до Тефии должно хватить».

Риск был, он отлично осознавал это. Поврежденная топливная батарея – это настоящий ларец Пандоры, никогда не знаешь, что там, внутри. Но кто-то из древних завоевателей – Матвей забыл, кто – очень правильно сказал: «Боишься – не делай. Делаешь – не бойся. Не сделаешь – погибнешь».

Обменявшись с исином командами, Гумилев решительно придавил сенсор пуска основного двигателя. По дисплеям пробежала россыпь значков.

– Электромагнитные стабилизаторы в норме... – вслух дублировал Матвей. – Проводящий контур в норме. Напряжение... Вакуум-створ... зажигание... Крученый бозон!!

Главный дисплей корвета полыхнул алым. Вновь заверещал зуммер. И одновременно с этим «Скорпион» стартовал с таким ускорением, что Матвея, несмотря на работающие гравиокомпенсаторы, вмяло в пилотское кресло.

Произошло то, чего он подсознательно опасался. Из поврежденной батареи после открытия вакуум-створа началось неконтролируемое истечение топлива, что привело к разрушению электромагнитных стабилизаторов. В дюзах корвета взъярился плазменный джинн, стремительно пожирающий все вокруг.

От перегрузок у Матвея потемнело в глазах. Кожа на лице обвисла, рука, которой он потянулся к пульту, казалась отлитой из свинца. Да что там рука! Он был не в состоянии произнести ни одного слова...

ЭПИЗОД 20

Это он!

Кольцо Сатурна, пояс Койпера, борт корвета «Скорпион»; борт корабля «Надежда»; крепость Погранслужбы «Альбатрос»

Аварийная система перевела «Скорпион» на экстренный режим и выдала запрос на полное обесточивание корвета. Нужно было всего лишь подтвердить это решение искусственного интеллекта. Подтвердить сейчас, потому что через пару секунд...

«Скорпион», на корме которого словно зажглось маленькое солнце, на страшной скорости несся к Сатурну.

«До взрыва двигательной секции осталось семь секунд», – пробежала по дисплею бесстрастная надпись. – Шесть... Пять... Четыре...»

Матвей мысленно представил себе фигурку льва, застонал и нечеловеческим усилием толкнул правую руку вперед. Времени на обесточивание уже не осталось. Он просто дотянулся до рычага аварийного сброса двигательной секции и сомкнул пальцы на теплом набалдашнике.

«Одна... – мигнул дисплей и тут же выдал зеленую надпись: – Отстрел секции Д».

И прежде чем потерять сознание, Матвей заметил, как похожая на сверкающую полированным металлом бочку секция на полной тяге обогнала корвет, ушла в сторону, заложила крутой вираж и вдруг там расцвел ярко-оранжевый цветок ядерного взрыва, мгновенно схлопнувшийся в пламенеющий диск.

«Успел...», – подумал Матвей и провалился в забытье.

Он пришел в себя и первым делом посмотрел на панель хронометра. Прошло чуть больше минуты. «Скорпион» продолжал

нестись вперед, перегрузки чуть ослабли – сказывалось снижение скорости.

Сатурн превратился в дымчатую муаровую стену, и казалось, что корвет летит прямо в нее, в эту переливчатую бездну, подсвеченную снизу грозовыми разрядами.

– Вот и все, – вслух прошептал Матвей, превозмогая боль во всем теле. – Финита ля...

Положение его действительно было хуже некуда. Получив чудовищное ускорение, «Скорпион» под острым углом входил в атмосферу планеты-гиганта. Он стремился пронзить ее, коснуться лишь краем, чтобы вырваться из оков притяжения Сатурна, но оказалось, что даже той невероятной скорости, что придала корвету взбесившаяся плазма, для этого недостаточно.

«Скорпион» был обречен стать спутником планеты и какое-то время вращаться в верхних слоях атмосферы вокруг Сатурна, а потом постепенно утонуть в густых газовых облаках, как утонула в них «Барракуда», как утонул лишенный аэростатических баллонов Аэрополис.

Что случилось с ними и что случится с ним там, внизу, Матвей представлял вполне отчетливо. Масса Сатурна в девяносто пять раз превышала принятую за эталон земную массу. Сила притяжения не отпустит «Скорпиона» и он погрузится туда, где водород, из которого на девяносто процентов состоят облака Сатурна, переходит в жидкое, а затем и металлическое состояние. Это происходит на глубине в тридцать тысяч километров. Давление там составляет два с половиной миллиона атмосфер. Корпус корвета, конечно же, разрушится намного раньше. Затрещат, застонут титановые шпангоуты, вздыбятся плиты броневой обшивки, лопнет фюзеляж...

А потом все то, что было корветом «Скорпион», вместе с электронной начинкой и пилотом превратится в порошкообразный блин толщиной несколько микронов, и газовые течения разнесут его по всей планете...

– Эй, Гумилев! – раздался вдруг в рубке «Скорпиона» такой знакомый – и такой ненавистный голос. – Я тебя вижу! Живой?

– Живее тебя, иуда! – прохрипел Матвей.

– О, рад, рад! – Прусаков, казалось, действительно обрадовался. На «иуду» он не обратил внимания.

– С чего такая забота? – через силу усмехнулся Гумилев.

– Подыхать будешь долго, вот с чего. Долго и мучительно. Сатурн добычу не отпустит. Помнишь из курса истории, кто он такой?

Матвей помнил. Сатурн, мифический отец Юпитера, был свергнут сыном с трона за то, что пожирал своих детей. Бог времени, которому в Древнем Риме посвящали жутковатый праздник сатурналии с жертвоприношениями и оргиями, Сатурн олицетворял мрачную, древнюю силу.

«И меня он пожрет, – вспомнив страшную картину Гойи, обреченно подумал Матвей. – Пожрет и даже костей не выплюнет».

– Вспомни, во время первого этапа боевого троеборья, – продолжил Прусаков, – ты предостерегал меня? «Не дури!», – кричал. Помнишь?

– Ну...

– А помнишь, что я тебе сказал?

– Нет.

– Я сказал, что ты, Гумилев, всегда был слабаком. И я оказался прав!

– Пошел ты... в черную дыру!

– Ай-я-яй! – притворно засмеялся Прусаков. – Где же твоя выдержка, кадет?

Матвей промолчал.

– Ты действительно слабак, – удовлетворенный его молчанием, продолжил Прусаков. – Баб своих не уберег, отца не защищил, людей подставил, революцию профукал.

– Сволочь! – рявкнул Матвей, пробежал глазами по экранам радаров. – Где ты?! Покажись!

– Я на борту флагманского корабля МОЕГО, – глумливо подчеркнул Прусаков, – флота. Тебя вижу отлично.

– Да нет у тебя уже никакого флота! И я вызываю тебя! – заорал Матвей. – Поединок! На любом оружии! Давай, гад, давай! Если ты не примешь этот вызов...

– Ты что, – голос Прусакова поскучнел, – за идиотика меня держишь? Я УЖЕ тебя победил...

– Победил, потеряв весь флот? Ха! Давай, дерись, как мужчины! Один на один!

– Гумилев, ты просто хочешь, чтобы я вытащил тебя. Отправил автоматические корветы, которым не страшны перегрузки, подхватил твоего «Скорпиона» – а там как кривая вывезет? Дудки! Ты приговорен и сейчас этот приговор приводится в исполнение. Ты понял меня? Не слышу?!

– Пошел ты... – буркнул Матвей, стиснул льва и закрыл глаза.

Ни Матвей, ни Прусаков даже не догадывались, что за боем «Скорпиона» против роя «Сфексов» в кольцах Сатурна наблюдали две пары внимательных девичьих глаз.

«Надежда» висела в нескольких тысячах километров над кольцом А, и Анна с Соней, оставаясь необнаруженными, внимательно следили за противостоянием одинокого корвета и десятков металлических ос. Следили – но не вмешивались, осознавая, что вряд ли чем-то смогут помочь.

Но когда в эфире прозвучало: «Эй, Гумилев!», обе девушки одновременно вскрикнули:

– Это он!!

– Я так и думала! – добавила Анна.

– В его стиле, – кивнула Соня.

И «Надежда», повинуясь электронной воле своего исина, устремилась вдогонку за падающим на Сатурн корветом.

Это оказалось тяжелым испытанием и для корабля, и для экипажа. «Скорпион» несся с огромной скоростью и чтобы догнать его, «Надежде» пришлось выйти на предел мощности двигательной системы.

Соня и Анна лежали в пилотских ложементах, облаченные в противоперегрузочные скафандры, но даже они не могли полностью компенсировать чудовищные последствия ускорения.

– Температура на поверхности обшивки увеличивается, – сообщила Надежда спустя несколько минут после начала погони за корветом Гумилева. – Корабль входит в верхние слои атмосферы Сатурна. Если мы в течение пятнадцати минут не догоним «Скорпиона», начнется термическое разрушение поверхностного слоя гексагональных плит обшивки.

– А мы догоним? – с трудом двигая губами, спросила Соня.

– Если обойдется без вмешательства внешних факторов, сближение с корветом произойдет через одиннадцать минут. В случае если масса корвета окажется больше расчетной, мощности двигателей может оказаться недостаточно, чтобы вытащить «Скорпион» на высокую орбиту.

– А мы не можем состыковаться и забрать Матвея? – подала голос Анна.

– На стыковку-расстыковку уйдет слишком много времени, – с сожалением ответила Надежда. – Оптимальный вариант – захват корвета манипулятором и немедленная смена курса, иначе оба корабля погибнут. Предвидя ваши последующие вопросы, отвечаю, что торможение системы из двух бортов также невозможно, оно приведет к разрушению конструкций – скорость слишком велика.

Соня вздохнула, Анна закрыла глаза. Надежда недвусмысленно намекнула девушкам, чтобы они не отвлекали ее от пилотирования. Оставалось только ждать и надеяться...

Матвей, взбешенный разговором с Прусаковым, еле сдержался, чтобы не рвануть скобу катапультации. Это была верная и быстрая смерть – развернуть «Скорпион» бронеколпаком вниз, к Сатурну, и выстрелить собой в глубины водородного океана атмосферы планеты-гиганта с тем, чтобы несколько секунд спустя сгореть дотла в облаке бешеных взрывов гремучего газа.

Наверное, если бы не запредельные перегрузки, он бы так и сделал. Но усилия, потраченные на переговоры с заклятым врагом, ввергли Матвея в состояние нокдауна. Он все понимал, осознавал и чувствовал, но ничего не мог предпринять.

Оставалось только наблюдать из-под полуприкрытых век за буйством атмосферных вихрей, вздывающих вокруг «Скорпиона» гигантские багровые башни газовых выбросов, прошитых ослепительными стежками электрических разрядов.

«Вот и все, – отрешенно думал Матвей. – Все закончилось. Нелепо? Да нет, наоборот. Дело сделано. Теперь никто не помешает отцу и всем остальным начать все сначала и вымести с Земли прозрачную нечисть. А мне поставят памятник. Где-нибудь в возрожденной Москве, на самой главной площади. К нему будут приводить в день посвящения юных кадетов, влюбленные станут назначать возле него свидания... Господи, какая чушь лезет в голову! Я совсем скоро умру. Погибну. Я действительно приговорен. А приговоренному положено последнее желание. Чего бы я хотел?..»

– Аня, Соня... – прошептал фиолетовыми от прилившей крови губами Матвей. – Прощайте...

Объятый слепящей плазмой шар, вынырнувший из ниоткуда рядом со «Скорпионом», он сперва принял за видение. Но когда шар выпустил суставчатую руку манипулятора и зацепил корвет за пилон, Матвей даже нашел в себе силы усмехнуться.

«А Прусаков-то все же поймался на слабо! Памятник, похоже, отменяется. Мы еще посмотрим, кто кого!», – наблюдая, как проваливаются вниз, пропадают купола газовых вихрей, удовлетворенно думал Гумилев.

Он не знал, что в этот момент Прусаков, в бешенстве от разгрома его суперэскадры, застрелил начальника Генерального штаба ВКС и командующего разведкой адмирала Солоницына, разжаловал всех высших офицеров, кроме начальника Центро-спаса адмирала Сойгуна, в рядовые, назначил на их место заместителей и заперся в каюте с сестрой Коброй, приказав не тревожить его.

Спасательные и технические службы Военно-Космических сил работали на износ, собирая среди растянувшегося на тысячи километров облака обломков и подбитых бортов уцелевших и мертвых, буксировали на геостационарные орбиты искореженные корабли, еще вчера составлявшие гордость военно-технического гения человечества.

Ничего этого Матвей не знал. Когда загадочный шарообразный корабль потащил его «Скорпион» вверх, он все же отключился и пришел в себя несколько минут спустя. На пульте мигал зеленый огонек штатного срабатывания стыковочного узла. Перегрузки закончились. Матвей пошевелился и понял, что снова владеет своим телом. И хотя каждое движение отзывалось нестерпимой болью, он выбрался из пилотского кресла и, цепляясь за страховочные скобы, полез по наклонному полу рубки к шлюзу.

– Максим! Матвей! – два возгласа раздались практически одновременно.

Гумилев, пошатываясь, остановился на пороге шлюза, расширенными глазами глядя на Анну и Соню, замерших посередине отсека. Он ожидал увидеть кого угодно – спецназовцев ВКС, прозрачных, мифологических чужих, даже чертей с вилами – но когда перед его глазами предстали обе его невесты, живые, здоровые – он впервые в жизни почувствовал, что вполне может грохнуться в обморок...

За столом в каюте «Надежды» сидели парень и две девушки. Соня и Анна смотрели на Матвея, а он... он смотрел на фигурку

льва, стоящую перед ним на гладкой столешнице. Напряженное молчание, воцарившееся после рассказа Гумилева, длилось уже долго, очень долго.

Сердце Матвея разрывалось от любви. Он понимал, что должен сделать выбор. Понимал – но не мог.

Соня, Аня...

Сказали бы ему сейчас – умри за них! – и он бы отдал жизнь не задумываясь. Но такое решение было самым простым. Отдать жизнь – ерунда. А ты попробуй сохранить ее и выбрать, кто тебе дороже, кого ты любишь больше...

– Внимание! «Черная стрела» пересекла орбиту Гиперона, – сообщила Надежда. – Прошу коррекции курса.

Матвей тряхнул головой, словно избавляясь от сна, привычно скомандовал:

– Курс – Эрида! Максимальная скорость! Мы догоним тримаран корпорации «Кольцо». Диктую пространственные координаты...

– Жду коррекции курса от Анны Петровской, – уточнила Надежда.

– Делай, как он сказал, – с тоской пробормотала девушка.

Анна была подавлена. Раньше ей казалось – вот отыщется Матвей и все будет хорошо. Но оказалось, что хорошо не стало. Стало плохо. И не Соня виновата в этом «плохо». Виноват кто-то другой или другие, те, кто разрушил нормальную мирную жизнь человечества, те, кто вмешался в их с Матвеем судьбы, исковеркал их, сломал, как неразумный ребенок ломает игрушки.

– Уже половина первого ночи, – тихо сказала Соня. – Все устали. Давайте... отдохнуть. Утро вечера мудренее.

– Каюты подготовлены, – тут же сообщила Надежда. – Желаете ли принять пищу перед сном?

Ей никто не ответил. Матвей первым тяжело поднялся и ушел к себе, оставив фигурку льва на столе.

ЭПИЗОД 21

Любой ценой!

Пояс Койпера, орбита малой планеты Эриды, крепость погранслужбы «Альбатрос»; борт фотонного крейсера «Справедливый»; борт корабля «Надежда»

Экипаж крепости Погранслужбы «Альбатрос» вторые сутки сидел на консервах и концентратах. И судя по всему, такая радость ожидала офицеров и рядовой состав крепости весь ближайший месяц. После революции, после всех тех событий, что потрясли Солнечную систему, после того, как был упразднен Космofлот и введены новые звания, снабжение крепости сильно ухудшилось. Но свежие продукты, хоть их ассортимент и сократился, все же прибывали на борт «Альбатроса».

Лейтенант Иван Заяц покосился на распечатку последнего приказа канцлера, лежащую на пульте управления следящими системами крепости. Военное положение, введенное во всем Солсисе, поначалу никак не отразилось на пограничниках. Даже странная активность Военно-Космических сил, этот загадочный поход флота на задворки системы, оставилший колонизированные планеты фактически без защиты, воспринялся офицерами «Альбатроса» как рутинные учения.

В конце концов, пережили же они буксировку крепости с уютной и обжитой оверсан-орбиты Земли сюда, к границе пояса Койпера?

Теперь, когда флот ВКС оказался разгромленным неведомым противником, причем в пух и прах – секретную радиограмму связисты крепости приняли неделю назад – в отсеках «Альбатроса» царило уныние. Командир крепости, капитан первого ранга Усольцев, ходил мрачнее тучи, старшие офицеры пере-

стали собираться по вечерам в кают-компании, а среди нижних чинов поползли слухи о скором крахе власти канцлера.

Отсутствие транспорта с продуктами стало первой ласточкой. Усольцев приказал повысить бдительность и перевел всех офицеров на казарменный режим, усилив вахты дополнительными нарядами.

Служба на «Альбатросе» поначалу, когда Иван прибыл на борт крепости, показалась ему легкой и необременительной. Защищавшая Землю, что называется, «с тыла», висящая на орбите в противофазе, крепость погранслужбы отслеживала всех угрожающих колыбели человечества космических гостей и по мере надобности уничтожала их с помощью лазерных орудий и ракет.

Изначально получивший назначение вторым пилотом ракетной платформы, лейтенант Иван Заяц во время одного из немногих учебных вылетов умудрился сбиться с курса, потерять ориентирование и не выполнить поставленную задачу, после чего был переведен в основной блок крепости и стал сменным дежурным службы раннего обнаружения.

В душе несостоявшийся пилот даже обрадовался этому. Куда проще жить и служить, не зная всех этих внезапных учебных, а то и боевых тревог, треволнений во время полетов, потом разборов в штабном отсеке. Дежурным спокойнее. Сиди себе восемь часов за пультом, контролируй работу исинов, передавай сводки метеоритной активности – красота!

И даже двухнедельный поход на бустерах к поясу Койпера – интересно, какому генштабистскому «гению» пришла в голову светлая мысль загнать первоклассную крепость в эту Тмутаракань? – не опечалил лейтенанта.

«Как-нибудь, когда-нибудь все устаканится, успокоится, войдет в нормальную колею, – лениво размышлял Иван, облокотившись на выгнутую консоль пульта. – Ну и что, что пояс Койпера, ну и что, что консервы. Перебьемся. Революция, Пру-

саков, Гумилев, корпорация «Кольцо», мятежные провинции Марса... Я еще гордиться буду в старости, что жил в это время и был очевидцем таких событий! Мемуары напишу, как учился с ними на одном курсе. А что? «Мемуары адмирала Ивана Зайца», звучит! Надо название хорошее придумать. Скажем: «Великая смута». Хотя нет, смута уже была когда-то, в шестнадцатом, что ли, веке... Тогда так: «Гибель...»»

Гибель чего – Иван додумать не успел. На периферии большого объемного экрана-сферы, отображавшего зону ответственности крепости «Альбатрос», появилась оранжевая метка. Пронзительно пискнул сигнал оповещения. Оранжевый цвет говорил о том, что исинам крепости пока не удалось классифицировать цель, но судя по ее размерам и массе, это было что-то огромное.

– Метеор вам в сопло! – выругался лейтенант Заяц, лихорадочно вспоминая параграфы инструкций Погранслужбы.

На его памяти подобное происходило впервые.

– Так, сперва оповещаем штаб и командира, – Иван набрал необходимую комбинацию на пульте. – Потом включаем дополнительные радары... Что дальше? А, отстрел зондов-разведчиков! Ну, и наконец...

Он снова не успел – динамики в отсеке службы раннего обнаружения ожили и из них полился низкий, басовитый, уверенный голос:

– «Альбатрос», «Альбатрос»! Вас вызывает капитан фотонного крейсера «Справедливый» Роберто Квалья! Предлагаю вам дезактивировать боевые системы и принять на борт крепости представителей корпорации «Кольцо» для контроля. Вы слышите меня, «Альбатрос»?!

Похолодев – судя по размерам, неопознанная цель и впрямь могла быть легендарным спасителем Марса, фотонным крейсером «Справедливый» – Иван щелкнул рычажком и ответил, тиская в потном кулаке тангету связи:

– Д-да, слышу вас, «С-справедливый». Мы не можем...

– Если наше предложение встретит отказ, я буду иметь честь атаковать вас, – бархатно промурлыкал бас и Ивану почудилось, что таким голосом должен разговаривать готовящийся к прыжку лев.

– Я... Мы... – забормотал он в тангету. – Не имею полномочий...

– Заяц! – заорал командир крепости каперанг Усольцев, влетая в отсек. – Цыц! Брысь от пульта!

Облегченно выдохнув, Иван передал тангету командиру и отскочил в сторону.

Отсек заполнился офицерами. Усольцев сглотнул и раздельно произнес:

– «Справедливый»! Здесь командир крепости капитан первого ранга Усольцев. Чего вы хотите?

– Я уже изложил наши требования, – прорычал Квалья.

– Я не могу их принять! – твердо ответил каперанг.

– Господин командир, – зазвучал в отсеке спокойный баритон. – К вам обращается президент корпорации «Кольцо» Степан Гумилев. Мы следуем к одному из объектов пояса Койпера через зону вашей ответственности. Вам решать, разойдемся ли мы миром или устроим тут локальный космический конфликт. Как поняли?

– Понял вас хорошо, – Усольцев несколько секунд смотрел перед собой, потом закончил: – В таком случае крепость Погранслужбы «Альбатрос» заявляет о своем нейтралитете.

– Слово офицера? – спросил Гумилев.

– Слово офицера, – подтвердил Усольцев.

– Спасибо, – сказал Степан Николаевич и отключился.

«Справедливый» и пристыкованные к нему крейсера «Армии пробуждения» проследовали мимо «Альбатроса» и ушли дальше, в загадочные бездны Внешнего пояса астероидов, чаще именуемого поясом Койпера. После получаса напряженного ожидания,

когда оранжевая метка покинула экран радара, Усольцев поднялся из кресла дежурного, устало улыбнулся и подмигнул Ивану.

– Вот так, Заяц! Пусть канцлер сам разбирается с этими Гумилевыми, если сможет...

Никто на борту «Альбатроса» не догадывался, что в тот момент Прусаков никак не мог выполнить пожелание каперанга Усольцева. После разговора с гибнувшим в атмосфере Сатурна Гумилевым канцлер с сестрой Коброй проследовал к себе и теперь лежал в убранной коврами каюте дисколета «Пилигрим», пребывая в состоянии тяжелого опьянения.

Он раскинулся на смятой постели, задрав к потолку небритый подбородок, и похрапывал, причмокивая во сне обметанными губами. Левой рукой Прусаков стискивал горлышко ополовиненной бутыли марсианского кальвадоса, правой сжимал фигурку волка.

Сестра Кобра, прикорнувшая в ногах канцлера, подняла голову, поправила прическу, прислушалась, щелкнула пальцами и снова прислушалась. Удостоверившись, что Прусаков никак не реагирует, она легко поднялась, провела ладонями вдоль тела, словно бы счищая с него невидимую грязь и быстро оделась в темно-синий форменный комбинезон Военно-Космических сил.

Вытащив из кобуры изящный импульсатор, сестра Кобра некоторое время смотрела на канцлера, взвешивая в руке оружие. Наконец приняв решение, она убрала пистолет и взяла тяжелую ковровую подушку, расшитую золотыми павлинами.

Приблизившись к Прусакову, сестра Кобра резко накрыла его голову подушкой и навалилась сверху. Канцлер всхрапнул, дернулся – бутыль кальвадоса полетела в сторону – и взмахнул руками, пытаясь убрать подушку.

Тщетно. Сестра Кобра, стиснув зубы, замычала, когда Прусаков вцепился в нее, отчаянно колотя голыми ногами по сбившимся простыням.

– Да умирай уже! – простонала женщина в отчаянии. – Сдохни!

И вдруг наступила тишина. Тело канцлера Солнечной системы обмякло, расплылось, руки безвольно обвисли.

– Конечно, – прошептала сестра Кобра, но для верности еще несколько минут продолжала давить на голову Прусакова подушкой.

Когда стало окончательно ясно, что канцлер мертв, она, покачиваясь, встала, пошарила глазами по мятому белью. Обнаружив волка, сестра Кобра нагнулась и подняла фигурку.

Голос, раздавшийся за спиной женщины, заставил ее вздрогнуть и стремительно обернуться.

– Это было ошибкой. Предмет не работает, будучи отобранным у его владельца силой или принуждением, – произнес Наставник.

– Плевать! – выдохнула сестра Кобра и ее красивое лицо искали гримаса ненависти. – Я устала бояться и подчиняться!

– Ты нарушила нашу волю, – ровно сказал Наставник. – За это ты будешь наказана.

– Плевать! – ощерилась женщина. Она походила теперь на дикую кошку.

– Неразумность твоего поведения меня удручет, – вздохнул Наставник. – Но я дам тебе шанс объясниться.

– Этот... – сестра Кобра с плохо скрываемым презрением кивнула в сторону кровати, на которой распростерлось мертвое тело Прусакова. – Он проиграл! Его обвели вокруг пальца. Теперь Гумилевы возьмут власть...

– Не возьмут, – усмехнулся Наставник. – Мы не допустим.

– Я вам не верю! Вы только и можете, что подсказывать да шпионить! – сестра Кобра разошлась не на шутку.

– Верить или не верить – личное дело каждого, – пожал плечами Наставник. – Однако же хочу заметить, что мы умеем много такого, чего никому из людей, включая этих ваших Гумилевых, недоступно.

– Это что же, интересно?

– Например, мы владеем технологиями темпоральных и пространственных переходов. Мы – властелины времени.

– Чушь!

– В тебе говорят эмоции. Подумай!

– Хватит! – сестра Кобра оскалилась. – Я наплясалась под чужие дудки! Гумилевы...

– В настоящий момент работники корпорации «Кольцо» и все ее руководство пытаются покинуть пределы вашего пространственно-временного континуума...

– Они... бегут? – удивилась сестра Кобра. – Но почему? И куда?

– Куда... Они думают, что недалеко, а на самом деле... Тебе знакомо такое слово – «Пангея»?

– Нет.

– Я так и думал.

– Вы не ответили, почему они бегут.

– Потому что осознали – им нет места в НАШЕМ мире. В НАШЕМ, я подчеркиваю. Понимаешь?

– Ха! – сестра Кобра нервно рассмеялась. – Получается, мне теперь нечего опасаться «Кольца»? Тем более! Все, я больше не хочу с вами разговаривать. Поди прочь!

И сдернув с мертвеца подушку, сестра Кобра запустила ее в Наставника. К ее глубокому удивлению, подушка пролетела сквозь фигуру прозрачного и ударила о стенную панель.

– Властелин времени! Да ты же просто голограмма! – нервно хохотнула сестра Кобра. – Тебя нет! Сгинь!

– Придет время – и ты пожалеешь, – с угрозой сказал Наставник и растаял без следа.

Выровняв дыхание, сестра Кобра поправила прическу, спрятала волка в кармане комбинезона и отперла дверь каюты.

Проследовав через анфиладу отсеков к центральному посту крейсера, она с безмятежным лицом обратилась к новому начальнику Генерального штаба, адмиралу Гороховскому:

– Господин канцлер приказал оставить для спасательных работ вспомогательные суда, а крейсерам идти на Плутон.

– Зачем? – не понял Гороховский.

– Вы желаете уточнить приказ лично или пошлете заместителя? – ядовито осведомилась сестра Кобра.

Адмирал дернулся, как от пощечины, и повернулся к офицерам оперативной группы.

– Передать на «Пекин» и «Москву»: курс – Плутон.

– Вот так-то, – прошептала сестра Кобра, покидая центральный пост.

На Плутоне находилась глубоко законспирированная база «Танцоров вечности», о существовании которой знало лишь несколько высших иерархов братства. Сестра Кобра понимала – этот раунд борьбы за власть в Солиссе закончился патом, надо начинать все сначала...

– Матвей! – еле сдерживая клокотавшую в ней ярость, Анна пристукнула кулачком по столу. – Ну почему ты молчишь?! Неужели ты меня... разлюбил?

– Или меня? – подала голос Соня.

Утро, вопреки пословице, не оказалось более мудрым, чем вечер. «Надежда» неслась сквозь пространство, торопясь поскорее доставить своих пассажиров на орбиту Эриды, а пассажиры продолжали выяснять отношения.

Точнее, выясняли их в основном Анна и Соня. Матвей отмалчивался, впав в какой-то эмоциональный ступор.

Он не мог принять решения. Да и как его примешь? Две дорогие его сердцу девушки требовали от него невозможного.

«Похоже, нам придется расстаться, – тоскливо подумал Матвей. Эта мысль приходила в его голову уже не в первый раз. Другого выхода из сложившейся ситуации он просто не находил. – Долетим до Эриды, пристыкуемся к «Справедливому», там и разбежимся. Я буду помогать отцу, а Аня и Соня... Ну,

тоже, наверное, найдут, чем заняться. Мать моя черная дыра, тяжело-то как...»

– Хорошо! – вновь ударила по столу Петровская. – Если ты такой рохля, я сама все сделаю.

– Интересно, что вы можете сделать? – язвительно спросила Соня.

– Я тебя убью! – взвизгнула Анна. – И все проблемы закончатся! Убью прямо сейчас!

Девушка сорвалась с места и бросилась в отсек управления, где хранилось оружие.

Но Соня ван Астен недаром упоминала о пройденных ею курсах спецподготовки. Прежде чем Матвей успел вскочить, над столом вспыхнуло пламя Сониных волос. Девушка, совершив невероятный по красоте и сложности прыжок, успела перехватить Анну возле двери.

Обрушившись на соперницу, Соня повалила ее на пол, оседлала, прижала руки.

– Матвее-е-ей! – завизжала Петровская, вырываясь.

– Соня! Аня! – Гумилев подскочил к борющимся девушкам, растащил их в стороны. – Да прекратите же! С ума сошли?!

– Убью! – снова попыталась кинуться в бой Анна.

– Истериичка! – отталкивая Гумилева, бросила ей Соня.

– Брэк! – рявкнул Матвей. – Сядьте и послушайте меня!

Тяжело дыша, раскрасневшиеся соперницы, бросая друг на друга испепеляющие взгляды, вернулись к столу.

– Может быть, желаете кофе? Чай? Лимонад? – робко осведомилась Надежда.

– Не надо! – отрезала Петровская и обратилась к Матвею: – Ну, дорогой мой, и что ты нам хотел сказать?

– Мне очень тяжело это говорить... – Гумилев замялся, взял фигурку льва и сжал ее в кулаке. – В общем, так больше продолжаться не может. Девчонки! Вы ни в чем не виноваты. Так получилось. Короче... Мы... мы не можем быть вместе! То есть я хотел сказать...

– Не можем?! – прошептала Анна и глаза ее наполнились слезами.

– Но почему? – Соня подалась вперед, схватила Матвея за руку. – Ты правда больше не любишь меня?

– Не трогай его! – вскочила Анна.

Разговор снова грозил перейти в потасовку.

– В общем, так! – произнес Матвей, не поднимая головы. – Я беру тайм-аут до... До того момента, когда мы догоним крейсера корпорации. А пока мы летим, давайте постараемся видеться как можно реже. Надежда! Подайте, пожалуйста, обед в каюту и поставьте какой-нибудь фильм...

Гигантский тримаран, объединяющий фотонный крейсер «Справедливый» и крейсера «Могучий» и «Разящий» в единое целое, достиг границ пояса Койпера спустя двое суток после старта с орбиты Титана.

«Справедливый» в одиночку проделал бы этот путь намного быстрее, но даже для мощного фотонного крейсера нагрузка в виде двух пристыкованных боевых кораблей оказалась слишком велика. Кроме того, Исинка посчитала, что если идти на максимальном ускорении, в накопителях может не хватить энергии для работы хронобластера.

Именно поэтому Степан Николаевич Гумилев, скрепя сердце, вынужден был согласиться на безумный план Матвея. Заслон из судов-брандеров, выставленный на пути флота канцлера, позволил тримарану корпорации проделать путь к Эриде без серьезных помех. Это косвенно указывало на то, что флот Прусакова попался в ловушку.

«Матвей, – с тоской подумал Степан Николаевич. – Жив ли? Сумел ли уцелеть в кровавой мясорубке на орбите Титана?» Но президент корпорации «Кольцо» тут же запретил себе думать о сыне. Ответственность за жизни тысяч людей, находящихся на борту трех крейсеров, предполагала, что он всегда должен

иметь ясный ум и твердую волю. Это была тяжелая ноша, буквально согнувшая Степана Николаевича, но отступать Гумилев не собирался.

Выход в расчетный район произошел точно в срок. Командир крепости погранслужбы держал слово – орудия «Альбатроса» молчали все то время, пока тримаран находился в зоне ответственности Усольцева.

Наступил решающий момент. «Справедливый» сбросил скорость, на экранах внешнего обзора появился серый, пыльный шар Эриды, мертвой планеты, миллиарды лет кружившей в ледяных безднах космоса вдали от Солнца.

В Центральном отсеке «Справедливого» собирались десятки людей, но тишину нарушало лишь еле слышное гудение приборов да отрывистые команды дежурной смены экипажа крейсера.

– Каналы переброса энергии к хронобластеру стабилизированы, – сообщила Исинка. – Начинаю активацию...

По внутренней трансляции ее слова услышали все находившиеся на борту крейсеров люди. Перед отлетом с Титана Степан Гумилев предложил всему персоналу корпорации и членам их семей выбор: лететь в прошлое или оставаться на Титане, сдавшись на милость канцлера.

К чести его сотрудников, ни один человек не изъявил желания оставаться. Все понимали – в мире, управляемом канцлером Прусаковым и его Государственным Советом, у них нет будущего.

– Внешние контуры странжелетовых экранов активированы, – комментировала процесс запуска хронобластера Исинка. – Внутренние – активированы. Напряжение на катушках электромагнитного ускорителя – в норме. Первые десять колб с неквантуемым веществом поданы в зарядную камеру. Начинаю обратный отсчет...

Степан Николаевич, сжав зубы, не мигая смотрел на экран внешнего обзора. Все ходовые огни трех крейсеров были по-

тушены в целях экономии энергии и перед взором президента корпорации «Кольцо» распахнулась звездная бездна. Скоро, совсем скоро в ней должно было открыться окно, ведущее в другое время.

– Девять, восемь, семь... – мерно звучал голос Исинки.

Почувствовав озноб, Степан Николаевич украдкой оглядев людей, вместе с ним находившихся в Центральном отсеке крейсера. Он видел горящие глаза Боровского, бледные скулы Роберто Квальи, плотно сжатые губы Николишина, нервно вращающего в длинных пальцах коммуникатор Рязанова, деланно-безразличного Дубова, хмурого Безуглова, тихо переговаривающихся Рихарда Гончарова и академика Китаева, других руководителей корпорации и командиров «Армии пробуждения». Все они смотрели туда же, куда и он секунду назад – на обзорный экран.

– Пять, четыре, три, два...

Гумилев знал – в полумраке отсеков, в рубках, на боевых постах, в кают-компаниях всех трех крейсеров множество людей сейчас тоже следят за экранами, ожидая начала работы хронобластера.

Среди них была и жена Степана Николаевича Варвара Петровна. С того момента, как Матвей попрощался с матерью и покинул борт «Справедливого» на корвете «Скорпион», чтобы в одиночку противостоять всему флоту Солнечной системы, она не сказала мужу ни единого слова. Гумилев знал, почему. Варвара Петровна не смогла простить ему, что он не нашел аргументов, чтобы остановить их единственного сына. Она считала, что Степан Николаевич отправил Матвея на верную смерть.

– Один. Активация хронобластера! – звонко провозгласила Исинка.

Несколько секунд ничего не происходило. Кто-то за спиной Гумилева нервно кашлянул. И тут же послышался голос Дубова:

– Смотрите! Звезды гаснут!

Степан Николаевич почувствовал, как по спине скользнула струйка ледяного пота – прямо по курсу тримарана звездную мозаику затмило еле заметное серое сияние, словно там появилось облачко тумана. С каждым мгновением оно становилось все плотнее, увеличивалось в размерах.

– Уплотнение потока хрононов происходит в штатном режиме, – Исинка продолжала комментировать работу хронобластера. – Разрыв по пространственным координатам близок к расчетному. Начинаю углубление по временной оси. Минус сутки. Минус девять суток. Минус тридцать одни сутки... До начала движения – четырнадцать секунд!

– Двигатели? – не поворачивая головы, бросил Гумилев.

– Тяга в норме, все готово к старту, – тихо ответил Квалья. – Не волнуйтесь, Степан Николаевич, «Справедливый» не подведет!

– Я не волнуюсь, – дернул щекой президент корпорации «Кольцо».

– Глубина временного колодца – минус девяносто семь суток. Начинайте движение!

– Старт! – приказал Степан Николаевич.

Квалья продублировал его приказ, и на пультах управления замигали разноцветные огни индикаторов работы двигательных систем. Тримаран, озарившись голубоватыми вспышками маневровых двигателей, медленно поплыл вперед, к набравшему силу серебристо-жемчужному сиянию, похожему на пятно света от исполинского прожектора.

Главная двигательная установка «Справедливого» работала на полную мощь, но она не участвовала в разгоне тримарана – вся ее энергия шла к хронобластеру.

– Замена первой партии колб, – объявила Исинка. – Глубина колодца – минус две сорок пять суток. Снижение запаса энергии до двадцати семи процентов. Увеличьте скорость!

Гумилев кинул на Квалью быстрый взгляд – мол, слышал? Пилот кивнул, сосредоточенно вводя команды.

– Степан Николаевич, глубина временного колодца в триста шестьдесят пять суток будет достигнута через пять секунд, – Исинка помолчала и добавила: – До вхождения в зону пространственно-временного разрыва – восемь секунд! Как только тримаран войдет в разрыв, произойдет хроноперенос...

– Внимание! – перебил ее бесстрастный голос чей-то отчаянный вопль. – Здесь «Надежда»! Здесь «Надежда»! Говорит Матвей Гумилев! Со мной на борту Соня ван Астен и Анна Петровская! Мы на подходе! «Справедливый», вы слышите меня?! Повторяю: здесь «Надежда»...

Центральный отсек буквально взорвался восторженными криками.

– Он жив! – Дубов от радости едва не подпрыгивал на месте.

– Успел, успел! – громогласно выкрикивал Рихард Гончаров.

Ему вторил академик Китаев:

– Это прекрасно, господа! Это просто великолепно!

– Товарищ Альфа! – рычал в тангету Роберто Квалья. – Слышишь тебя! Мы почти вошли в разрыв. Где ты, Макси... Матвей?! Я тебя не вижу!

– Матвей... – прошептал Степан Николаевич, улыбнулся и тяжело рухнул в кресло. – Нас, Гумилевых, просто так не возьмешь!

И тут же он рявкнул, перекрыв гул голосов:

– Исинка!! Связь с исином «Надежды»! Расчет подлетного времени! Быстрее!

– Принято! – отозвался искусственный интеллект и в Центральном отсеке наступила тишина. – Расчет произведен. Корабль «Надежда» подойдет к зоне пространственно-временного разрыва через полминуты.

– Матвей! Ты слышишь меня?! – спросил Степан Николаевич.

- Папа, я слышу! Слыши!
- Как ты, мальчик мой?
- В порядке! А как мама?
- Хорошо! Поторопитесь, мы уже почти вошли в разрыв.
- Мы идем на максимуме! Исинка, бери управление «Надеждой» на себя! – голос Матвея исчез в трескe помех.
- Принято!
- И держи разрыв! – приказал Степан Николаевич, обращаясь к искусственному интеллекту. – Любой ценой! Слышишь?!
- Принято, – подтвердила Исинка и тут же сказала: – Не хватает энергии.
- Отключи все к чертовой матери! Всю энергию – на хронобластер. Гаси свет, отрубай систему отопления, рециркуляции воздуха, утилизаторы, внутреннюю связь, установки искусственной гравитации... Мы потерпим. Каждый ватт – в дело!
- Тут же в отсеках крейсеров погасло все освещение, смолкло гудение вентиляционных систем, заблокировались двери и исчезла сила тяжести – Исинка перебросила всю энергию к хронобластеру, поддерживая разрыв в ткани пространства и времени.
- Выключи маневровые двигатели! – крикнул Гумилев, судорожно цепляясь за кресло – утратившее вес тело стремилось взлететь к потолку. – Нам хватит уже имеющегося ускорения.
- Запас энергии повышен до сорока процентов, – отрапортовала Исинка. – Удерживаю разрыв в прежнем состоянии. Глубина колодца растет... Минус четыреста семьдесят суток! Минус пятьсот сорок три! Минус шестьсот двадцать восемь!
- Годом больше, годом меньше... – коротко хохотнул успевший пристегнуться Квалья, колдую над пультом.
- Зона разрыва нестабильна! – в голосе Исинки проскользнули тревожные нотки. – Возможно спонтанное схлопывание! Подлетное время «Надежды»... Разрыв сокращается!
- Задействуй резервные каналы подачи энергии! – скомандовал Степан Николаевич.

– Это чревато... – начала Исинка.

– Выполнять! – заорал Гумилев.

Он не собирался терять сына второй раз.

– Принято! Глубина временного колодца – минус тысяча двести тридцать суток... Процесс выходит из-под контроля!

– Колбы! Уберите из активной зоны хронобластера колбы с хрононами! – простонал плавающий у дальней стены Центрального отсека инженер Рязанов.

Интенсивность сияния разрыва на обзорных экранах резко увеличилась. Теперь это было уже не жемчужное пятно тумана, а слепящее глаза белое кольцо, светящееся, точно звездная корона.

– Исинка, что происходит? – встревоженно спросил Степан Николаевич.

– Глубина временного колодца возросла! Она увеличивается скачкообразно! Счет идет на десятки лет! Нет, уже на сотни! Тысячи!

– Отключи хронобластер! Квалья, полный назад!

– Энергия! – в отчаянии крикнул пилот. – Перебросьте энергию на двигатели! Мы не успеем...

Громада тримарана, повинуясь всемогущей инерции, величественно вплыла в яростное сияние разрыва и едва только гигантская чаша отражателя «Справедливого» исчезла в ослепительном свете, как из мрака космоса возник аспидно-черный полиэдр. «Надежда» на огромной скорости влетела в лучистое кольцо.

Корабли корпорации «Кольцо» покинули двадцать пятый век. Они понеслись сквозь время и никто из находящихся на них людей не знал, в какой эпохе закончится этот полет...

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ...

Содержание

ЭПИЗОД 1 Экстренное сообщение	4
ЭПИЗОД 2 «Надежда»	15
ЭПИЗОД 3 Дары данайцев	31
ЭПИЗОД 4 Мед Чингисхана	49
ЭПИЗОД 5 Своя игра	65
ЭПИЗОД 6 Правильный ответ	76
ЭПИЗОД 7 Кумкватное варенье	86
ЭПИЗОД 8 Между небом и землей	101
ЭПИЗОД 9 Слава великому канцлеру!	110
ЭПИЗОД 10 На боевом посту	122
ЭПИЗОД 11 «Меганевры»	129

ЭПИЗОД 12	144
Огонь из всех орудий!	
ЭПИЗОД 13	160
Одна и без оружия	
ЭПИЗОД 14	170
Вы будете уничтожены!	
ЭПИЗОД 15	179
Две невесты	
ЭПИЗОД 16	197
Все дороги ведут на Титан	
ЭПИЗОД 17	212
Выхода нет	
ЭПИЗОД 18	225
Минимальные шансы	
ЭПИЗОД 19	233
Подрыв! Подрыв! Подрыв!	
ЭПИЗОД 20	244
Это он!	
ЭПИЗОД 21	252
Любой ценой!	

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА

ПРИОБРЕТАЙТЕ КНИГИ ПО ИЗДАТЕЛЬСКИМ ЦЕНАМ
В СЕТИ КНИЖНЫХ МАГАЗИНОВ

МОСКВА:

- м. «Алексеевская», Звездный б-р, д. 21, стр. 1, т. (495) 232-19-05
- м. «Алексеевская», пр-т Мира, д. 114, стр. 2 (Му-Му), т. (495) 687-45-86
- м. «Алтуфьево», Дмитровское ш., д. 163 А, ТРЦ «РИО»
- м. «Бауманская», ул. Спартаковская, д. 16, т. (495) 267-72-15
- м. «Бибирево», ул. Пришвина, д. 22, ТЦ «Александр Лэнд», этаж 0, т. (495) 406-92-65
- м. «ВДНХ», г. Мытиши, ул. Коммунистическая, д. 1, ТРК «XL - 2», т. (495) 641-22-89
- м. «Домодедовская», Ореховый б-р, вл. 14, стр. 3, ТЦ «Домодедовский», т. (495) 983-03-54
- м. «Каховская», Чонгарский б-р, д. 18, т. (499) 619-90-89
- м. «Коломенская», ул. Судостроительная, д. 1, стр. 1, т. (499) 616-20-48
- м. «Коньково», ул. Профсоюзная, д. 109, корп. 2, т. (495) 429-72-55
- м. «Крылатское», Осенний б-р, д. 18, корп. 1, т. (495) 413-24-34, доб. 31
- м. «Крылатское», Рублевское ш., д. 62, ТРК «Евро Парк», т. (495) 258-36-14
- м. «Марксистская»/«Таганская», Бол. Факельный пер., д. 3, стр. 2, т. (495) 911-21-07
- м. «Маяковская», ул. 1-ая Тверская-Ямская, д. 8, т. (495) 251-97-16
- м. «Менделеевская»/«Новослободская», ул. Новослободская, д. 26, т. (495) 251-02-96
- м. «Новые Черемушки», ТЦ «Черемушки», ул. Профсоюзная, д. 56, 4-й этаж, пав. 4а-09, т. (495) 739-63-52
- м. «Парк культуры», Зубовский б-р, д. 17, стр. 1, т. (499) 246-99-76
- м. «Перово», ул. 2-я Владимировская, д. 52, т. (495) 306-18-97
- м. «Петровско-Разумовская», ТРК «XL», Дмитровское ш., д. 89, т. (495) 783-97-08
- м. «Пражская», ул. Красного Маяка, д. 26, ТЦ «Пражский Пассаж», т. (495) 721-82-34
- м. «Преображенская плошадь», ул. Бол.Черкизовская, д. 2, корп.1, т. (499) 161-43-11
- м. «Сокол», ТК «Метромаркет», Ленинградский пр-т, д. 76, корп. 1, 3-й этаж, т. (495) 781-40-76
- м. «Теплый стан», Новоясеневский пр-т., вл. 1, ТРЦ «Принц Плаза»
- м. «Тимирязевская», Дмитровское ш., д. 15, корп. 1, т. (495) 977-74-44
- м. «Тульская», ул.Большая Тульская, д. 13, ТЦ «Ереван Плаза», т. (495) 542-55-38
- м. «Царицыно», ул. Луганская, д. 7, корп. 1, т. (495) 322-28-22
- м. «Университет», Мичуринский пр-т, д. 8, стр. 29, т. (499) 783-40-00
- м. «Шелковская», ул. Уральская, д. 2
- м. «Шукинская», ул.Шукинская, вл. 42, ТРК «Шука», т. (495) 229-97-40
- м. «Юго-Западная», Солнцевский пр-т., д. 21, ТЦ «Столица», т. (495) 787-04-25
- м. «Ясенево», ул. Паустовского, д. 5, корп. 1, т. (495) 423-27-00
- М.О., г. Железнодорожный, ул. Советская, ТЦ «Эдельвейс»
- М.О., г. Зеленоград, ТЦ «Иридиум», Крюковская плошадь, д. 1
- М.О., г. Клин, ул. Карла Маркса, д. 4, ТЦ «Дарья», т. (496)(24) 6-55-57
- М.О., г. Коломна, Советская плошадь, д. 3, Дом Торговли, т. (496)(61) 50-3-22
- М.О., г. Люберцы, Октябрьский пр-т, д. 151/9, т. (495) 554-61-10
- М.О., г. Сергиев Посад, ул. Вознесенская, д. 32А, ТЦ «Счастливая семья»
- М.О., г. Электросталь, ул. Ленина, д. 010, ТЦ «Эльград»

РЕГИОНЫ:

- Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, д. 18, т. (8182) 65-00-95
- Белгород, Народный б-р, д. 82, т. (4722) 32-53-26
- Владимир, ул. Дворянская, д. 10, т. (4922) 42-06-59
- Волгоград, ул. Мира, д. 11, т. (8442) 33-13-19
- Екатеринбург, ул. Сулимова, д. 50, ТРК «Парк Хаус», т. (343) 216-55-02
- Ижевск, ул. Автозаводская, д. 3а, ТЦ «Столица», т. (3412) 90-38-31
- Калининград, ул. Карла Маркса, д. 18, т. (4012) 71-85-64
- Краснодар, ул. Дзержинского, д. 100, ТЦ «Красная площадь», т. (861) 210-41-60
- Красноярск, пр-т Мира, д. 91, т. (3912) 23-17-65
- Курган, ул. Гоголя, д. 55, т. (3522) 43-39-29
- Курск, ул. Радищева, д. 86, т. (4712) 56-70-74
- Курск, ул. Ленина, д. 11, т. (4712) 70-18-42
- Липецк, пл. Коммунальная, д. 3, т. (4742) 22-27-16
- Мурманск, пр-т Ленина, д. 53, т. (8152) 47-20-43
- Новосибирск, ул. Ватутина, д. 107, ТЦ «Мега», т. (383) 230-12-91
- Пенза, ул. Московская, д. 83, ТЦ «Пассаж», т. (8412) 20-80-35
- Пермь, ул. Революции, д. 60/1, ТЦ «7 пятниц», т. (342) 233-40-49
- Ростов-на-Дону, Новочеркасское ш., д. 33, ТЦ «Мега», т. (863) 265-83-34
- Рязань, Первомайский пр-т, д. 70, корп. 1, ТЦ «Виктория Плаза», т. (4912) 95-72-11
- Самара, ул. Дыбенко, д. 30, ТЦ «Космопорт», т. 8-908-374-19-60
- Санкт-Петербург, Гражданский пр-т, д. 41, ТЦ «Академический», т. (812) 380-17-84
- Санкт-Петербург, ул. Чернышевская, д. 11/57, т. (812) 273-44-13
- Санкт-Петербург, Лиговский пр-т, д. 185, т. (812) 766-22-88
- Тверь, ул. Советская, д. 7, т. (4822) 34-53-11
- Тольятти, ул. Ленинградская, д. 55, т. (8482) 28-37-68
- Тула, ул. Первомайская, д. 12, т. (4872) 31-09-22
- Тула, пр-т Ленина, д. 18, т. (4872) 36-29-22
- Тюмень, ул. М.Горького, д. 44, стр. 4, ТРЦ «Гудвин», т. (3452) 79-05-13
- Уфа, пр. Октября, д.26-40, ТРЦ «Семья», т. (3472)293-62-88
- Чебоксары, ТЦ «Мега Молл», ул. Калинина, д. 105а, т. (8352) 28-12-59
- Череповец, Советский пр-т, д. 88а, т. (8202) 53-61-22
- Ярославль, ул. Свободы, д. 12, т. (4852) 72-86-61

Широкий ассортимент электронных и аудиокниг
ИГ АСТ Вы можете найти на сайте www.elkniga.ru

Заказывайте книги почтой в любом уголке России
123022, Москва, а/я 71 «Книги – почтой»
или на сайте: shop.avanta.ru

Курьерская доставка по Москве и ближайшему Подмосковью:
Тел/факс: +7(495)259-60-44, 259-41-71

Приобретайте в Интернете на сайте: www.ozon.ru

Издательская группа АСТ www.ast.ru
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Информация по оптовым закупкам: (495) 615-01-01, факс 615-51-10
E-mail: zakaz@ast.ru

www.etnogenez.ru

Литературно-художественное произведение

Сергей Волков

СОМНАМБУЛА 3

Книга третья

Бегство сквозь время

Автор идеи Константин Рыков

Главный редактор Кирилл Бенедиктов

Выпускающий редактор Дмитрий Гусев

Арт-концепт Алексей Маслов

Арт-директор Алексей Гонтов

Компьютерная верстка Кирилл Соколов

Корректор Антон Нелихов

Аудиоверсия: Андрей Градобоев, Роман Галушкин

Хранители идеи: Елена Кондратьева, Александр Шмелев,

Сергей Пименов

Правовое сопровождение Алексей Наказной-Хоменко

ООО Издательско-торговый дом «Этногенез»

Россия, 107031, г. Москва, Звонарский пер., д.4, стр.1,

тел./факс +7 (495) 668-37-40 (41)

www.etnogenez.ru

Подписано в печать 15.03.11 г. Формат 164x215

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура CharterC 12 pt

Условных печатных листов – 17

Заказывайте книги почтой в любом уголке России:

123022, Москва, а/я 71 «Книги-почтой»

или на сайте www.shop.avanta.ru

Курьерская доставка по Москве и ближайшему Подмосковью:

тел./факс: +7 (495) 259-60-44, 259-41-71

Приобретайте в интернете на сайте www.ozon.ru

Издательская группа АСТ

www.ast.ru

129085, Москва, Звездный бульвар, д.21, 7-й этаж

Информация по оптовым закупкам: +7 (495) 615-01-01, факс: +7 (495) 615-51-10

zakaz@ast.ru

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленного электронного оригинал-макета

в ОАО «ИПК «Ульяновский Дом печати»

432980 Россия, г. Ульяновск, ул. Гончарова, д. 14

тел. (8422) 41-11-07

факс (8422) 41-11-32